

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 1 • 2021

Свидетельство о регистрации

Роскомнадзор ПИ № ФС 77-56617 от 26.12.2013

Редакционный совет:

Д. В. Зотов,

кандидат юридических наук, доцент (главный редактор)
(Воронежский гос. университет);

Ю. Н. Стариков,

доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

Г. В. Стародубова,

кандидат юридических наук, доцент (отв. секретарь)
(Воронежский гос. университет)

Редакционная коллегия:

В. А. Азаров, доктор юридических наук, профессор
(Омский гос. университет);

О. И. Андреева, доктор юридических наук, доцент
(Томский гос. университет);

М. Т. Аширбекова, доктор юридических наук, профессор
(Саратовская гос. юрид. академия);

М. О. Баев, доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

А. С. Барабаш, доктор юридических наук, профессор
(Сибирский федер. университет);

О. В. Баулин, доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

П. Н. Бирюков, доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

О. Л. Васильев, кандидат юридических наук, доцент
(Московский гос. университет имени М. В. Ломоносова);

А. С. Гамбарян, доктор юридических наук, профессор
(Российско-Армянский университет, Армения);

Л. В. Головкин, доктор юридических наук, профессор
(Московский гос. университет имени М. В. Ломоносова);

С. И. Давыдов, доктор юридических наук, доцент
(Алтайский гос. университет);

А. Ю. Епихин, доктор юридических наук, профессор
(Казанский (Приволжский) федер. университет);

Е. Р. Ергашев, доктор юридических наук, профессор
(Уральский гос. юрид. университет);

З. З. Зинатуллин, доктор юридических наук, профессор
(Удмуртский гос. университет);

Г. С. Казинян, доктор юридических наук, профессор
(Ереванский гос. университет, Армения);

А. П. Кругликов, кандидат юридических наук, профессор
(Волгоградский гос. университет);

З. В. Макарова, доктор юридических наук, профессор (Южно-Уральский гос. университет);
О. А. Малышева, доктор юридических наук, профессор (Академия права и управления ФСИН);
Н. С. Манова, доктор юридических наук, профессор (Саратовская гос. юрид. академия);
Е. В. Марковичева, доктор юридических наук, профессор (Орловский гос. университет);
В. А. Мецерьков, доктор юридических наук, профессор (Воронежский гос. университет);
Н. Г. Муратова, доктор юридических наук, профессор (Казанский (Приволжский) федер. университет);
Е. И. Носырева, доктор юридических наук, профессор (Воронежский гос. университет);
А. В. Победкин, доктор юридических наук, профессор (Московский университет МВД России);
Т. Б. Рамазанов, доктор юридических наук, профессор (Дагестанский гос. университет);
О. С. Розгачева, доктор юридических наук, доцент (Воронежский гос. университет);
С. Б. Россинский, доктор юридических наук, доцент (Московский гос. юрид. университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА));
А. В. Руденко, доктор юридических наук, профессор (Кубанский гос. университет);
Т. К. Рябинина, кандидат юридических наук, профессор (Юго-Западный гос. университет);
М. К. Свиридов, доктор юридических наук, профессор (Томский гос. университет);
И. В. Смолькова, доктор юридических наук, профессор (Байкальский гос. университет);
В. В. Трухачев, доктор юридических наук, профессор (Воронежский гос. университет);
Ю. В. Францифоров, доктор юридических наук, профессор (Саратовская гос. юрид. академия);
О. Н. Шеменова, доктор юридических наук, доцент (Воронежский гос. университет);
В. Б. Ястребов, доктор юридических наук, профессор (Московский гос. университет имени М. В. Ломоносова)

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный университет»	Ведущий редактор Н. Н. Масленникова Формат 70×108/16. Уч.-изд. л. 13,9. Усл. п. л. 14,2. Тираж 500 экз. Заказ 24. Дата выхода в свет 30.03.2021
Адрес учредителя: 394018 Воронеж, Университетская пл., 1	Издательский дом ВГУ 394018 Воронеж, пл. Ленина, 10
Адрес редакции, издателя: 394018 Воронеж, пл. Ленина, 10а, к. 810 E-mail: sudvl@mail.ru	Отпечатано в типографии Издательского дома ВГУ 394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3
Сайт журнала: www.law.vsu.ru/sudvl	© Воронежский государственный университет, 2021
Подписной индекс: 94235 Объединенного каталога «Пресса России»	© Оформление, оригинал-макет. Издательский дом ВГУ, 2021

JUDICIAL AUTHORITY AND CRIMINAL PROCESS

SCIENTIFIC JOURNAL

№ 1 • 2021

Registration certificate ПИ № ФС 77-56617 от 26.12.2013

Editorial council:

D. V. Zotov,

candidate of legal sciences, associate professor, editor
(Voronezh State University);

Yu. N. Starilov,

doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

G. V. Starodubova,

candidate of legal sciences, associate professor,
executive secretary
(Voronezh State University)

Editorial board:

V. A. Azarov, doctor of legal sciences, professor
(Omsk State University);

O. I. Andreeva, doctor of legal sciences, professor
(Tomsk State University);

M. T. Ashirbekova, doctor of legal sciences, professor
(Saratov State Law Academy);

M. O. Baev, doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

A. S. Barabash, doctor of legal sciences, professor
(Siberian Federal University);

O. V. Baulin, doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

P. N. Biriukov, doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

O. L. Vasilyev, candidate of legal sciences, associate professor
(Lomonosov Moscow State University);

A. S. Ghambaryan, doctor of legal sciences, professor
(Russian-Armenian University, Armenia);

L. V. Golovko, doctor of legal sciences, professor
(Lomonosov Moscow State University);

S. I. Davidov, doctor of legal sciences, professor
(Altai State University);

A. Yu. Epihin, doctor of legal sciences, professor
(Kazan Federal University);

E. R. Ergashev, doctor of legal sciences, professor
(Ural State Law University);

Z. Z. Zinatullin, doctor of legal sciences, professor
(Udmurt State University);

G. S. Kazinian, doctor of legal sciences, professor
(Yerevan State University, Armenia);

A. P. Kruglikov, candidate of legal sciences, professor (Volgograd State University);
Z. V. Makarova, doctor of legal sciences, professor (South Ural State University);
O. A. Malysheva, doctor of legal sciences, professor (Academy of law and management of the Federal service of execution of punishments);
N. S. Manova, doctor of legal sciences, professor (Saratov State Law Academy);
E. V. Markovicheva, doctor of legal sciences, professor (Orel State University);
V. A. Meshcheryakov, doctor of legal sciences, professor (Voronezh State University);
N. G. Muratova, doctor of legal sciences, professor (Kazan Federal University);
E. I. Nosyreva, doctor of legal sciences, professor (Voronezh State University);
A. V. Pobedkin, doctor of legal sciences, professor (Moscow University of the Russian Ministry of Internal Affairs);
T. B. Ramazanov, doctor of legal sciences, professor (Dagestan State University);
O. S. Rogacheva, doctor of legal sciences, associate professor (Voronezh State University);
S. B. Rossinskiy, doctor of legal sciences, associate professor (Kutafin Moscow State Law University (MSAL));
A. V. Rudenko, doctor of legal sciences, professor (Kuban State University);
T. K. Ryabinina, candidate of legal sciences, professor (Southwest State University);
M. K. Sviridov, doctor of legal sciences, professor (Tomsk State University);
I. V. Smolkova, doctor of legal sciences, professor (Baikal State University);
V. V. Trukhachev, doctor of legal sciences, professor (Voronezh State University);
Yu. V. Franziforov, doctor of legal sciences, professor (Saratov State Law Academy);
O. N. Shemeneva, doctor of legal sciences, associate professor (Voronezh State University);
V. B. Yastrebov, doctor of legal sciences, professor (Lomonosov Moscow State University)

Founder: Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Voronezh State University»
Editorial address: 394018 Russia, Voronezh, Lenin Sq., 10a, r. 810
E-mail: sudvl@mail.ru

Editorial founder: 394018, Voronezh, Universitetskaya Sq., 1
Official site: www.law.vsu.ru/sudvl

© Voronezh State University, 2021
© Desin, original-model.
Publishing house of Voronezh State University,
2021

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ РОССИИ – КАФЕДРА УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ

7 ..... САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

<i>Савельев К. А.</i> История кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского университета имени С. П. Королева	8
«Я никогда в жизни не собиралась заниматься наукой, ни, тем более, преподавать в университете. Ни за что на свете, ни при каких обстоятельствах» (интервью с профессором В. А. Лазаревой.)	23
«Мы сами делаем собственную жизнь и чередой больших и малых интересных открытий, и тоской зеленой. Выбор всегда за нами!» (интервью с профессором А. А. Тарасовым).....	29

33 ..... НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

<i>Шейфер С. А.</i> К вопросу об эффективности следственного действия.....	33
--	----

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАФЕДРЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ

39 ..... САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

<i>Бедняков И. Л., Развейкина Н. А.</i> Особенности аудиопротоколирования и видео-конференц-связи при рассмотрении уголовных дел судом первой инстанции.....	39
<i>Белоносов В. О.</i> Российская уголовно-процессуальная стадия исполнения приговора и ее французский аналог	46
<i>Иванов В. В.</i> Способы повышения эффективности возмещения причиненного преступлением ущерба	62
<i>Кувалдина Ю. В.</i> Особенности доказывания в процедурах, предусмотренных главами 32.1, 40 и 40.1 УПК РФ	68
<i>Лазарева В. А.</i> Собрание или формирование? Продолжаем дискуссию	78
<i>Лобачев Д. А.</i> Новая редакция статьи 129 Конституции Российской Федерации «поправила» Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»	88
<i>Марьина Е. В.</i> Особенности научных подходов Самарской школы уголовного процесса к пониманию цели доказывания	94
<i>Миронова М. А.</i> Институт оправдания в уголовном процессе: структура, признаки и перспективы развития	101
<i>Савельев К. А.</i> Нужны ли российскому судопроизводству следственные судьи?	108
<i>Свечникова Е. И.</i> Проведение очной ставки в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля в целях обеспечения его безопасности	116
<i>Сержантова Л. А.</i> Электронное судопроизводство как ответная мера на пандемию в 2020 году	126
<i>Тарасов А. А.</i> О процессуальном статусе «заявитель о преступлении»	131
<i>Шапошников А. Ю., Овакимян Д. Н.</i> Применение современных технологий фиксации информации и беспилотных систем при производстве осмотра места происшествия.....	142
<i>Шестакова Л. А.</i> Влияние национального правового менталитета на реализацию уголовно-процессуальной политики в России.....	154

162 ..... ИСКУССТВО И ПРАВОСУДИЕ

<i>Зотов Д.</i> Полицейские провокации?!	162
--	-----

CONTENTS

	SCIENTIFIC SCHOOLS OF RUSSIA. DEPARTMENT OF CRIMINAL PROCEDURE AND CRIMINALISTICS OF SAMARA UNIVERSITY	
7	<i>Savelyev K. A.</i> History of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of S. P. Korolev Samara University .....8 «I never intended to do science in my life. Not to mention teaching at a university. Not for the world, not under any circumstances» (interview with professor V. A. Lazareva).....23 «We make our own lives by a series of big and small interesting discoveries, and by longing for the land. The choice is always ours!» (interview with professor A. A. Tarasov).....29	
33	SCIENTIFIC HERITAGE	
	<i>Shayfer S. A.</i> On the question of the effectiveness of investigative action 33	
	RESEARCH OF THE DEPARTMENT OF CRIMINAL PROCEDURE AND CRIMINALISTICS OF SAMARA UNIVERSITY	
39	<i>Bedniakov I. L., Razveykina N. A.</i> Features of audio protocolling and video conference communications in the first instance criminal court .....39 <i>Belonosov V. O.</i> The stage of enforcement of the russian criminal procedure and its French counterpart.....46 <i>Ivanov V. V.</i> Ways to increase the efficiency of compensation for crime damages.....62 <i>Kuvaldina Yu. V.</i> Features of proving in procedures provided by chapters 32.1, 40 and 40.1 of Criminal Procedure Code of Russian Federation .....68 <i>Lazareva V. A.</i> Collecting or forming ? We continue the discussion .....78 <i>Lobachev D. A.</i> New edition of article 129 of the Constitution of the Russian Federation «corrected» the Federal Law «On the Prosecutor's Office of the Russian Federation» .....88 <i>Maryina E. V.</i> Features of scientific approaches of the Samara school of criminal procedure to understanding the purpose of proof .....94 <i>Mironova M. A.</i> Institute of justification in the criminal procedure: structure, signs and development prospects .....101 <i>Savelyev K. A.</i> Does Russian judicial procedure need investigative judges? .....108 <i>Svechnikova E. I.</i> Producing of confrontation in conditions of witness invisibility for security reasons.....116 <i>Serzhantova L. A.</i> E-Justice as a response to the 2020 pandemic.....126 <i>Tarasov A. A.</i> To the question about the procedural status of the «applicant about a crime» .....131 <i>Shaposhnikov A. Yu., Ovakimian D. N.</i> The use of modern technologies of fixation of information and unmanned systems during inspection of a crime scene.....142 <i>Shestakova L. A.</i> Influence of the national legal mentality on the criminal procedural policy in Russia 154	
162	ARTS AND JUSTICE	
	<i>Zotov D.</i> Police provocations?! 162	

**САМАРСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва

**НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ РОССИИ –
КАФЕДРА УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА
И КРИМИНАЛИСТИКИ
САМАРСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ С. П. КОРОЛЁВА**

САМАРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЁВА

ИСТОРИЯ КАФЕДРЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ С. П. КОРОЛЕВА

Кафедра уголовного процесса и криминалистики ведет свою историю с 1978 г., когда в составе юридического факультета Куйбышевского государственного университета была основана кафедра уголовного права и процесса. Ее создание и развитие неразрывно связано с именем выдающегося советско-

Коллектив кафедры уголовного процесса и криминалистики (2011 г.)

го и российского ученого-юриста, видного специалиста теории следственных действий и доказывания в уголовном процессе доктора юридических наук, профессора С. А. Шейфера.

С. А. Шейфер (1924–2017)

Свою трудовую биографию С. А. Шейфер начал в 1941 г. на одном из оборонных заводов, а профессиональную юридическую деятельность – в 1950 г. по окончании с отличием Саратовского юридического института в органах прокуратуры, где за 13 лет прошел успешный путь от следователя районной прокуратуры до начальника следственного отдела прокуратуры Пензенской области.

Без отрыва от практической деятельности и опираясь на нее, С. А. Шейфер написал и в 1963 г. защитил кандидатскую диссертацию, посвященную проблемам прекращения уголовных дел, а в 1982 г., имея уже большой опыт преподавательской деятельности во Всесоюзном заочном юридическом институте (ныне Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), а с 1975 г. в

Куйбышевском (Самарском) государственном университете – докторскую диссертацию «Методологические и правовые проблемы собирания доказательств в советском уголовном процессе», положения которой и сегодня влияют на формирование научных взглядов новых поколений исследователей. В 1983 г. ему присвоено ученое звание профессора, в 1991 г. – почетное звание «Заслуженный юрист Российской Федерации». В 1999 г. С. А. Шейфер награжден орденом Почета, а в 2014 г. – орденом Дружбы.

Заслуги С. А. Шейфера перед российской наукой и системой отечественного образования неоценимы. Количество написанных им статей, монографий, учебников и научно-практических комментариев законодательства с трудом поддается подсчету. Созданная им теория следственных действий – важнейшая составляющая теории доказательств – известна каждому второкурснику, обучающемуся юридической профессии, а значит, каждому следователю, прокурору, адвокату, судье. Труды Семёна Абрамовича, многие из которых выдержали не одно издание, отличаются необычайной глубиной, тщательной выверенностью, искренним убеждением в справедливости излагаемых взглядов и верой в будущее. Взгляды С. А. Шейфера современны и демократичны, в них всегда присутствует забота об интересах человека как смысле и целях уголовно-процессуальной деятельности.

25 лет С. А. Шейфер возглавлял созданную им кафедру уголовного процесса и криминалистики, объединявшую в начале и уголовно-правовое направление;

создал собственную научную школу; много лет руководил диссертационным советом при Самарском государственном университете по защите кандидатских диссертаций; был членом еще целого ряда диссертационных советов, а также официальным оппонентом при защите множества докторских и кандидатских диссертаций; подготовил к защите кандидатской диссертации не один десяток аспирантов и соискателей. Ученики и воспитанники Семёна Абрамовича трудятся не только на самарской земле, многие из них занимают высокие посты в научных заведениях, судебных и правоохранительных органах.

В 1992 г. на базе кафедры уголовного права и процесса были организованы кафедра уголовного процесса и криминалистики, которой также руководил профессор С. А. Шейфер, и кафедра уголовного права и криминологии.

Н. Ф. Волкодаев (1924–2010)

Значительное влияние на формирование коллектива кафедры оказал кандидат юридических наук, доцент Николай Федорович Волкодаев. Жизненный путь этого ученого и преподавателя ставил перед его коллегами высокие личные и профессиональные критерии. С сентября 1942 г. Николай Федорович сражался на Сталинградском фронте командиром взвода ПТР учебного батальона 284-й (79-й гвардейской) стрелковой дивизии, затем заместителем командира 9-й стрелковой роты 1045-го (220-го гвардейского) стрелкового полка, получил тяжелое ранение в боях на Мамаевом кургане. После излечения освобождал Украину, принимал участие в освобождении Бессарабии, Румынии и Болгарии. В 1950 г. окончил с отличием Саратовский юридический институт и четыре года работал в Ростовском-на-Дону областном суде, пройдя путь от стажера до заместителя председателя

суда по уголовным делам. С 1954 г. работал в Куйбышеве народным судьей, в 1965–1969 гг. – заместителем председателя Куйбышевского областного суда по гражданским делам. С 1969 г. – преподаватель во Всесоюзном юридическом заочном институте (ВЮЗИ). С января 1974 г. – декан Куйбышевского факультета ВЮЗИ. С сентября 1980 г. в течение 19 лет был заместителем декана юридического факультета, доцентом кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского университета. В 1969 г. защитил диссертацию, посвященную судебному следствию. Заслуженный юрист РФ (1999). Автор 32 научных работ, в том числе монографии «Правовая культура судебного процесса» (1980).

С 2005 по 2017 г. кафедрой заведовала доктор юридических наук, профессор Валентина Александровна Лазарева, одна из самых известных в России ученых-процессуалистов.

Лазарева Валентина Александровна – доктор юридических наук, профессор, в 1975 г. окончила юридический факультет Куйбышевского государственного университета. По окончании университета работала в прокуратуре Куйбышевской области в должности помощника прокурора района, затем – области, совмещая работу с учебой в аспирантуре. В 1980 г. под руководством профессора П. А. Лупинской защитила кандидатскую диссертацию на тему «Обеспечение прав и законных интересов несовершеннолетних» в диссертационном Совете Всесоюзного юридического заочного института. В 2000 г. В. А. Лазаревой присвоена ученая степень доктора юридических наук (тема диссертации – «Судебная защита в уголовном процессе: проблемы теории и практики»), в 2001 г. – ученое звание профессора.

В. А. Лазарева

В 1981 г. В. А. Лазарева начала свою педагогическую деятельность в качестве старшего преподавателя кафедры уголовного права и процесса Куйбышевского государственного университета. В 1986 г. заняла должность доцента указанной кафедры. В. А. Лазарева является автором множества научных статей, учебников, учебных пособий и монографий, в том числе: «Судебная власть и ее реализация в уголовном процессе» (Самара, 1999); «Теория и практика судебной защиты в уголовном процессе» (Самара: Самарский университет, 2000); «Доказывание в уголовном процессе» (М.: Юрайт, 2009), выдержавшее семь изданий; «Прокурор в уголовном процессе» (три издания); «Проблемы использования свидетельских показаний в уголовном процессе» (М.: Юрлитинформ, 2009); «Право на судебную защиту и проблемы его реализации в досудебном производстве по уголовному делу» (М.: Юрлитинформ, 2010); «Защита прав личности в уголовном процессе» (четыре издания). Под ее руководством коллективом кафедры подготовлены и в центральных издательствах страны изданы учебники: «Уголовный процесс. Базовый курс» (М.: Юстиция, 2015); «Уголовно-процессуальное право: актуальные проблемы теории и практики» (М.: Юрайт, 2011), каждый из которых выдержал по четыре переиздания, а также учебно-научное пособие «Памятники российского права. Т. 29: Уголовно-процессуальные кодексы РСФСР» (М.: Юрлитинформ, 2016).

Работы В. А. Лазаревой традиционно вызывают интерес в российском юридическом сообществе и активно используются в процессе обучения студентов и аспирантов Самарского университета.

Под руководством В. А. Лазаревой успешно защитили кандидатские диссертации 12 аспирантов, которые в настоящее время обучают студентов в качестве преподавателей или работают в органах прокуратуры и судах Самарской области, так же как и многие выпускники юрфака, к профессиональной подготовке которых она имела непосредственное отношение. Еще один аспи-

рант готовится к защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук в июне 2021 г.

В. А. Лазарева много лет участвует в работе диссертационного совета при Самарском университете по защите кандидатских и докторских диссертаций в качестве его члена, а в настоящее время заместителя председателя Совета, является членом научно-консультативного Совета при Верховном Суде РФ. Много внимания уделяет экспертизе законопроектов, постановлений Пленума Верховного Суда РФ, практике.

Сегодня В. А. Лазарева по праву является одним из самых известных ученых-процессуалистов в России, что во многом обусловлено ее глубокими теоретическими познаниями, знанием практики правоприменения (кроме работы в органах прокуратуры и адвокатуры, она много лет на общественных началах выполняла функцию народного заседателя в Самарском областном суде). Научно-педагогическую деятельность В. А. Лазарева много лет совмещала с адвокатской практикой, что существенно повлияло на качество созданных ею научных трудов, способствовало усилению их практической направленности, определило специфику авторского научного стиля. В настоящее время В. А. Лазарева активно участвует в повышении квалификации адвокатов, судей и прокуроров, считается одним из лучших и наиболее востребованных лекторов.

С 2017 г. по настоящее время заведующим кафедрой является кандидат юридических наук, доцент Константин Анатольевич Савельев.

Константин Анатольевич Савельев в 1995 г. закончил юридический факультет Самарского государственного университета и был принят на работу на ка-

К. А. Савельев

федру уголовного процесса и криминалистики на должность ассистента. За 25 лет работы последовательно занимал должности ассистента кафедры, старшего преподавателя и доцента. С 2017 г. – заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики. Под руководством заведующего кафедрой, заслуженного юриста РФ, доктора юридических наук, профессора С. А. Шейфера в 2003 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Обеспечение права обвиняемого на защиту при окончании предварительного расследования». В 2009 г. присвоено ученое звание доцента.

Константин Анатольевич Савельев является автором разделов о пересмотре приговоров наиболее популярных учебников по «Уголовному процессу» для бакалавриата и магистратуры. Работу на кафедре К. А. Савельев совмещает с активной общественной деятельностью –

А. А. Тарасов

является членом Квалификационной коллегии судей Самарской области, членом Научно-консультативного Совета при Прокуратуре Самарской области, экспертом Общественной Палаты Самарской области.

Научную и преподавательскую деятельность на кафедре блестяще осуществляет доктор юридических наук, профессор А. А. Тарасов.

В 1986 г. он закончил юридический факультет Куйбышевского государственного университета, после чего поступил и закончил аспирантуру. Под руководством профессора С. А. Шейфера в Казанском государственном университете имени В. И. Ульянова-Ленина защитил кандидатскую диссертацию на тему «Процессуальные и тактико-психологические проблемы расследования преступлений группой следователей». Докторская диссертация,

защищенная в 2002 г. в Институте государства и права Российской академии наук, была посвящена теме «Правовые и социально-психологические проблемы сочетания единоличных и коллегиальных начал в уголовном процессе Российской Федерации».

Труды Александра Алексеевича Тарасова заслужили признание как среди теоретиков, так и практиков уголовного судопроизводства –170 научных и учебно-методических работ, в том числе ряд монографий («Эксперт и специалист в уголовном процессе России» (Уфа, 2014); «Суд присяжных и проблемы народного участия в правосудии» (М., 2015, в соавторстве); «Реализация уголовной политики: современные проблемы уголовного и уголовно-процессуального правотворчества, правоприменения и кадрового обеспечения» (М., 2015, в соавторстве и под ред. А. А. Тарасова)), учебных изданий, комментариев к нормативно-правовым актам, научных статей.

Ярким представителем Самарской школы уголовного процесса является доктор юридических наук, профессор Владимир Олегович Белоносов. Сосредоточившись на тематике толкования уголовно-процессуального закона, В. О. Белоносов в 1999 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Теория и практика применения аналогии в уголовном судопроизводстве», а в 2009 г. докторскую диссертацию «Толкование норм права в системе теоретической и практической деятельности в сфере уголовного судопроизводства». В настоящее время профессор В. О. Белоносов успешно исследует правовые институты уголовного процесса Франции.

Экспертно-криминалистическое направление в деятельности кафедры неразрывно связано с именем кандидата юридических наук, доцента Валериана Андреевича Маркова. Его мировоззрение формировалось в условиях Великой

А. А. Тарасов, В. О. Белоносов участвуют в работе диссертационного совета при Самарском университете (2018 г.)

Отечественной войны. В 1942 г. пятнадцатилетним подростком Валериан Андреевич поступил в Соловецкую школу юнг, после окончания которой служил на Северном, а позднее – на Черноморском флоте. Участвовал в обороне Советского Заполярья, в освобождении Румынии и Болгарии, взятии Венгрии, Австрии. Имеет многочисленные государственные награды. После окончания

В. А. Марков (1927–2011)

войны Валериан Андреевич закончил Куйбышевский факультет Всесоюзного юридического заочного института. С 1959 г. работал экспертом-криминалистом в созданной при его участии Куйбышевской лаборатории судебных экспертиз, после чего принимал участие в организации лаборатории судебных экспертиз Красноярского края, совмещая работу эксперта с преподаванием в Красноярском филиале Томского государственного университета, а затем – в Красноярском государственном университете. В 1971 г. В. А. Марков защитил кандидатскую диссертацию на тему «Криминалистическое исследование документов, отпечатанных на специальных печатающих аппаратах»; автор 40 научных трудов. С 1977 г. он преподавал криминалистику в Куйбышевском государственном университете. В 2001 г.

Валериану Андреевичу было присвоено звание «Почетный работник высшего профессионального образования».

Успешно совмещают научную и преподавательскую деятельность кандидаты юридических наук, доценты И. Л. Бедняков, Д. В. Дробинин, В. В. Иванов, Ю. В. Кувалдина, Ю. А. Кузовенкова, Д. А. Лобачев, Е. В. Марьина, Т. Ю. Проскурина, А. С. Таран, А. Ю. Шапошников, Л. А. Шестакова, А. В. Шуваткин, а также ст. преподаватель Л. А. Сержантова.

Слева направо: К. А. Савельев, И. Л. Бедняков, А. В. Шуваткин (2013 г.)

Слева направо: В. В. Иванов, В. П. Неупокоев, А. Ю. Шапошников, Д. В. Дробинин (2011 г.)

Наличие большого коллектива высокопрофессиональных ученых позволяет кафедре уголовного процесса и криминалистики принимать участие в масштабных научных проектах. Так, еще в конце 70-х гг. кафедрой совместно с ВНИИ Прокуратуры СССР осуществлялось подробное исследование проблем возникновения следственных ошибок, ставшее основой для их теоретического и практического анализа на самом высоком уровне.

Стали классическими работы профессора С. А. Шейфера, посвященные собиранию доказательств теории следственных действий. Большое внимание теоретиков и практиков привлекают работы профессора В. А. Лазаревой, о чем свидетельствует их высочайший индекс цитирования. Значительный вклад в разработку проблем оптимизации уголовного судопроизводства внес профессор А. А. Тарасов.

Уже четыре издания выдержал подготовленный коллективом кафедры для студентов магистратуры учебник «Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики». Пользуется популярностью и учебник для бакалавриата и специалитета «Уголовный процесс».

Кафедра организует научно-практические конференции и круглые столы, а также члены кафедры активно принимают участие в научных мероприятиях, проводимых на базе других вузов. В декабре 2019 г. состоялась научно-практическая конференция с международным участием «Научное наследие С. А. Шейфера в современном уголовном процессе и криминалистике».

На кафедре осуществляется подготовка студентов по магистерской программе: «Уголовный процесс и криминалистика». На кафедре реализуется также программа послевузовского профессионального образования по специальности 12.00.09 – Уголовный процесс. Руководство аспирантами осуществляют профессора кафедры.

На базе кафедры открыта научно-образовательная лаборатория. Лаборатория оснащена специальной криминалистической техникой и аппаратурой,

*Коллектив кафедры уголовного процесса и криминалистики
и участники конференции, посвященной памяти С. А. Шейфера (2019 г.)*

Слева направо: А. А. Тарасов, Д. В. Дробинин, В. В. Иванов, С. Б. Россинский, А. Ю. Шапошников, К. А. Савельев на круглом столе «Доказательственное значение задержания: за и против» (Самара, 2018 г.)

Слева направо: Е. В. Марьина, К. А. Савельев, Т. Ю. Проскурина, Д. В. Дробинин на конференции, посвященной памяти Р. С. Белкина (Москва, 2017 г.)

Слева направо: Т. Ю. Проскурина, А. А. Тарасов, А. С. Таран, Е. В. Марьина на Всероссийской научно-практической конференции «Юридическая истина в уголовном праве и процессе» (Санкт-Петербург, 2018 г.)

позволяющей студентам наглядно увидеть принципы и методы работы со следами и вещественными доказательствами. Для более полного представления о содержании разделов криминалистики лаборатория оборудована стендами, витринами и коллекциями.

На учебных занятиях используются современные криминалистические средства: видео- и аудиоаппаратура; средства для работы с различными следами; комплекты, сумки и чемоданы криминалиста и следователя; обучающие компьютерные программы. Студенты приобретают навыки по выявлению, фиксации и изъятию следов; моделированию следственных ситуаций; составлению документов, их оформлению и т. д.

В дальнейшем выпускники успешно трудоустраиваются в правоохранительные органы и иные юридические службы.

Активно развивается на кафедре и студенческая наука – действует научный студенческий кружок, студенты принимают активное участие в конференциях различных уровней. На заседаниях кружка поднимаются актуальные вопросы уголовно-процессуального права, встречи проходят в формах обсуждения, круглого стола, дискуссионного клуба. На встречи приглашаются

Слева направо: Е. В. Марьина, В. В. Иванов, К. А. Савельев, Е. И. Свечникова с доктором юридических наук, профессором, заведующим кафедрой уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности юридического института Томского государственного университета О. И. Андреевой на научной конференции, посвященной памяти М. С. Строговича (Москва, 2019 г.)

Занятие по криминалистике ведет Е. В. Марьина при участии кандидата медицинских наук, доцента, заведующего кафедрой медицинского права и биоэтики Самарского государственного медицинского университета И. А. Шмелева (2019 г.)

Выездное занятие студентов в ЭКЦ ГУ МВД России по Самарской области под руководством А. Ю. Шапошникова (2019 г.)

Заседание студенческого научного кружка по дисциплине «Уголовный процесс» под руководством Л. А. Шестаковой при участии следователя по особо важным делам Советского межрайонного СО СУ СК РФ по Самарской области П. Ю. Вертецкого (2018 г.)

Первый ряд (слева направо): Ю. В. Кувалдина, Ю. А. Кузовенкова, К. А. Савельев, Т. Ю. Проскурина, Е. В. Марьина на ежегодной студенческой конференции (2018 г.)

Т. Ю. Проскурина и Е. В. Марьина на постановочном уголовном процессе (2018 г.)

практикующие юристы, в том числе сотрудники правоохранительных органов. Ежегодно в рамках дисциплины «Уголовный процесс» проводится деловая игра «Судебное разбирательство».

Кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики
Самарского национального исследовательского
университета имени С. П. Королева
К. А. Савельев

**«Я НИКОГДА В ЖИЗНИ НЕ СОБИРАЛАСЬ ЗАНИМАТЬСЯ НАУКОЙ, НИ, ТЕМ БОЛЕЕ, ПРЕПОДАВАТЬ В УНИВЕРСИТЕТЕ. НИ ЗА ЧТО НА СВЕТЕ, НИ ПРИ КАКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ»
(ИНТЕРВЬЮ С ПРОФЕССОРОМ В. А. ЛАЗАРЕВОЙ)**

Говорят, что индивидуальный научный стиль во многом определяется первым научным руководителем. Мне в этом смысле повезло: от диплома до кандидатской диссертации меня сопровождала **Валентина Александровна Лазарева**. Но могла ли уголовно-процессуальная наука предположить, что профессор В. А. Лазарева появится в ней, благодаря счастливой случайности? Много ли среди процессуалистов ученых, кто имеет опыт работы и в прокуратуре, и в адвокатуре, и народным заседателем? Ответов на поставленные вопросы нет.

О том, каков нынешний аспирант, какие научные темы актуальны и перспективны, а также почему современный УПК нельзя назвать логичным, я побеседовала со своим научным наставником, любимым учителем и уважаемым мною доктором юридических наук, профессором Валентиной Александровной Лазаревой.

– Валентина Александровна, чтобы сложилось полноценное представление о Вашем пути в науке, расскажите, как Ваш выбор пал на сферу уголовного процесса.

– Достаточно случайно. Проработав год после университетского распределения в прокуратуре, случайно в каком-то журнале увидела объявление о наборе в аспирантуру в ВЮЗИ и подумала: «А почему бы и нет». Отправила документы вместе с рефератом на первый этап конкурса по уголовному праву, потому что дипломную работу я писала по криминологии на тему «Личность преступника, осужденного за изнасилование». Спустя какое-то время, мне отказали в проходе на следующий этап без объяснения причин. Выяснилось, что есть возможность (сроки не пропущены) подать документы на уголовный процесс. Я написала другой реферат, отправила и меня допустили к экзаменам. Вот так я и оказалась в «уголовном процессе».

По окончании университета мне, можно сказать принудительно, выдали на руки направление в аспирантуру. Но оно ничего не гарантировало, это не было целевое место. Просто рекомендация университета. Я очень не хотела его брать, поскольку никогда в жизни не собиралась заниматься наукой, ни, тем более, преподавать в университете. Ни за что на свете, ни при каких обстоятельствах! Направление я все-таки взяла, не выбросила. Правда, потом выяснилось, что действительно оно в течение года.

– Теперь, оглядываясь назад, Вы можете сказать, что это была счастливая случайность?

– Наверное. Нельзя так сказать – «счастливая» или «несчастливая». Это такая необъективная категория. Просто случается то, что должно случиться. Жизнь сложилась так, как она сложилась, и, значит, это должно было произойти.

Когда я училась, уголовный процесс не вызывал у меня особого внимания. Трудно сказать почему. Преподавателем по уголовному праву у нас был Эдуард Филиппович Побегайло, который писал диссертацию о тяжких преступлениях. Вместе с ним в криминологической лаборатории мы изучали уголовные дела в Куйбышевском областном суде. В моей дипломной работе было проанализировано сто с лишним уголовных дел, т. е. была серьезная база. Мне это было интересно. Я тогда и литературу читала по криминологии в библиотеке, другой-то возможности не было. Поэтому ход моих мыслей был в этом направлении. Но на московский вуз мои познания в криминологии не произвели впечатления.

О работе в университете я тогда не думала. Дважды меня звали в ВЮЗИ преподавать криминалистику. Меня это не прельстило.

Однако после защиты кандидатской диссертации, ровно через девять месяцев, я родила первого ребенка. Через два месяца, по просьбе начальства, вышла на работу в прокуратуру – на полдня. Никаких декретных отпусков я не признавала. Семен Абрамович Шейфер предложил мне прийти на работу в университет. Год до этого я выполняла почасовую нагрузку, руководила курсовыми работами, даже дипломную работу мне доверяли. Я подумала, посоветовалась и дала согласие, поскольку работа в областной прокуратуре связана с командировками и работать целый день, имея на руках маленького ребенка, невозможно. Так, с 1 сентября 1981 г. я официально состою в штате тогда Куйбышевского (ныне Самарского) государственного университета.

Безусловно, хотелось вернуться в прокуратуру: мне очень нравилась эта работа. В университете это немножко не то. Но чем дальше шло время, тем меньше я об этом думала.

– Как Вы сами считаете, чье влияние отразилось на Вашей научной и педагогической деятельности наибольшим образом?

– Мой главный научный руководитель – Полина Абрамовна Лупинская, тут мне очень повезло: просто кафедра так распределила. Обсуждать тему кандидатской диссертации она отправила меня к Генриху Михайловичу Миньковскому. Я от страха чуть не умерла. Рядом с ним оказался еще и Валерий Михайлович Савицкий. Опять повезло. Правда, я тогда этого еще не понимала. Особое место в моей жизни занимает Семен Абрамович Шейфер. Поскольку я пришла работать на кафедру к нему, вся моя дальнейшая судьба формировалась под его влиянием.

– Тем не менее это не исключало разности Ваших мнений в определенных вопросах.

– Это значительно позднее. Ближе к XXI в. Когда знания и опыт стали вызывать критические вопросы. Кроме того, изменилась жизненная ситуация в стране, обсуждались проекты УПК, были новые мысли о том, как должно быть все устроено. И здесь у нас появились разные подходы. Я как-то стала смотреть в другие стороны.

Чтобы отвергать чьи-то взгляды, надо какие-то знания накопить. Нельзя просто сказать: «Мне не нравится всё, что было до». Надо понять, что было, что нравится и что не нравится. Кроме того, с 1995 г. я работала в адвокатуре и смотрела с другой стороны на то, что происходит в уголовном процессе.

Это могло тоже повлиять на меня, потому что прокурорский взгляд на уголовный процесс – это одно, а адвокатский – это немножко другое. В промежутках между этим я поработала в областном суде народным заседателем и получила опыт работы, можно сказать, и в судебном качестве. Причем с учетом моего характера я не могу отнести себя к тем заседателям, которых называли «кивалами». Я настоятельно выражала свою волю.

– У Вас более 230 публикаций в изданиях РИНЦ. По индексу Хирша Вы на первом месте среди преподавателей Самарского университета. Где Вы черпаете идеи и темы для научных работ?

– В сознании. В памяти. В том, что я читаю. В том, что я слышу. Из практики черпала, пока там работала. Мне иногда кажется, что у меня вообще голова пустая. Когда начинаешь что-то читать или писать, или слышать чьи-то выступления, хочется возразить. А что и откуда там берется, сказать не могу. Происходит естественное движение мысли. Сказать «научной мысли» не могу – слишком громко.

– Уже много лет Вы входите в состав диссертационного совета юридического факультета, а с 2016 г. являетесь заместителем его председателя. Под Вашим руководством защитились 14 кандидатов наук. У всех учеников очень разные темы. Требования к своим ученикам Вы предъявляете одинаковые?

– Одинаковые. Абсолютно. Если они пишут, я помогаю. Если они не пишут, я ничего сделать не могу.

– Какое основное требование к Вашему идеальному ученику?

– Трудолюбие, наверное. Желание что-то написать, отсутствие лени. Желание потратить часть жизни на то, чтобы сидеть за письменным столом, читать и писать. Потому что никаких способностей еще никому не хватало для того, чтобы родилась диссертация. В последние годы наметился какой-то перекося в сторону желания получить ученую степень при отсутствии желания писать диссертацию. Многие думают, что написать диссертацию так же просто, как дипломную работу. А как дипломные работы сегодня пишут, и говорить не хочется. Появился широкий доступ к информации из Интернета, даже для тех, кто хочет самостоятельно писать работу, это соблазн. Можно что-то скопировать, и это будет выглядеть вполне прилично. Выучить текст при наличии минимальных способностей, не сложно. Поэтому когда они идут в аспирантуру, думают, что кандидатская диссертация – это примерно то же самое. А это совсем не одно и то же.

Можно быть и ленивым, но если ты очень способный и знающий, если ты всю жизнь накапливал какие-то знания, начиная с первого класса. Потому что излагать мысли на бумаге тоже ведь надо уметь. А некоторым приходится этому учиться уже во взрослом возрасте. Это очень сложно. Поэтому пишут, как умеют. А если никак не умеют, чужие работы не хотят читать, то откуда мысли возьмутся? Здесь много проблем, конечно. Когда я защищала кандидатскую диссертацию, можно было умереть кандидатом наук, но ученым. А сегодня иногда защищаются без опыта практической работы, кто уголовного дела «не нюхал».

– Были ли темы, от руководства которыми Вы отказывались?

– Тему же я выбираю вместе с учеником. Поэтому как я могу отказаться, если мы ее уже выбрали. Если сейчас кто-то придет и скажет: «Хочу вот эту

тему». Я расскажу, какие здесь могут быть подводные камни и в чем сложности ее изучения. Если он скажет: «Всё равно хочу». Ради Бога, пиши. Вопрос что из этого получится. Навязывать тему невозможно. И даже тем, кто приходит без темы, я всегда спрашиваю, что ему интересно, предлагаю подумать, выбрать несколько направлений и прийти ко мне с их обоснованием. Будем выбирать из этого. Диссертацию ведь можно написать на любую тему. Это и хорошо, что все работы моих учеников были на разные темы, а не в каком-то одном моем направлении. Мне бы это тоже было неинтересно.

– Какая уголовно-процессуальная тематика, на Ваш взгляд, представляется наиболее актуальной и перспективной для защиты на ближайшие пять лет?

– Это разные вещи. Есть тематика актуальная для исследования, есть тематика, которая обеспечивает защиту. Это не всегда совпадает. Вот сейчас стало активно развиваться направление, связанное с цифровизацией уголовного процесса. Я пыталась несколькими ученикам предложить такое исследование. Пока не движется, но с тех пор как я начала пытаться им об этом говорить, уже много опубликовано работ. Но актуальным это направление будет долго, может быть, всегда.

Я вообще не сторонник умничать. Есть правило «пиши так, чтобы дураку было понятно» – так меня учил Семен Абрамович. И я всем своим ученикам это повторяю со ссылкой на него. Писать надо так, чтобы было понятно тому, кто будет читать.

– А что Вам больше нравится: заниматься наукой или преподавать?

– Ни то ни другое. Я не оцениваю это в таких категориях, как нравится или не нравится. Есть жизнь, есть работа, которую надо делать. У меня так получается: если я что-то делаю, я этим увлекаюсь. Если я этим увлекаюсь, значит, наверное, мне это нравится. Если я не увлекаюсь, то я это и не буду делать. Но если что-то *надо* делать, то нужно постараться это дело полюбить. Иначе никакого толку от этого дела не будет. Потому что будет неинтересно и скучно. И не эффективно. Поэтому, если ты никак не можешь полюбить то, что ты делаешь, значит ты делаешь что-то совсем не свое. Я так живу. У меня и в личной жизни так: пока мне нравится – я тут, разлюбила – я ухожу. Чего бы это ни касалось.

– В 2014 г. впервые в истории нашего юридического факультета Вы вошли в состав Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации. Расскажите об этой работе: много ли приходится работать в этом направлении, какие вопросы Вам приходилось прорабатывать.

– Я бы не сказала, что это вообще работа. Потому что на заседания Научно-консультативного совета я не езжу. Но когда обсуждается уголовно-процессуальный проект постановления Пленума и мне присылают материал, я высказываю свое мнение, пишу письменное заключение или ответ на те изменения, которые предлагаются. Принимают они или не принимают мои советы и возражения, я не отслеживаю. У меня нет таких амбиций. Мне кажется, что единение науки и практики у нас не очень получается, и не всегда в этом виновата практика.

– На Ваш взгляд, нужны ли уголовно-процессуальной науке какие-то кардинальные изменения в подходах, методах исследования, концепциях?

– Вопрос серьезный. И, наверное, слишком глобальный. Что значит в науке? Наука она ведь не как таковая существует. Она существует в голове каждого конкретного исследователя. Есть мнение, что в уголовно-процессуальной науке ничего нового не происходит, что люди переписывают друг друга, ссылаясь на авторитетных ученых, у которых иногда уже не очень актуальные мнения и поэтому есть некоторая закостенелость научной мысли. Но я думаю, что это не только в уголовном процессе происходит. Просто я не могу оценить, насколько глубоко это происходит в других областях науки, поскольку я там не специалист. В процессуальных работах действительно многое переписывается из того, что есть, но иначе соискателю трудно показать, чем его позиция отличается. Все равно в каждой работе должен быть элемент какой-то новизны. Иначе эта работа не состоится. Если работа неинтересная, ее никто читать не будет. Всё-таки каждый исследователь вносит что-то новое в тот вопрос, который поднимает. Как минимум, он решает для себя какие-то вопросы.

Часто на конференциях люди выступают и говорят вроде бы об одном и том же, но каждый по-своему, еще и друг друга не слышат. Нет желания другую точку зрения услышать и свою позицию через нее рассмотреть. Индивидуализм что ли такой научный. При том что методология понятная. Она всё равно общая. Методы научного познания и в Африке являются методами научного познания. Они одинаковые, а взгляды – каким должен быть уголовный процесс – разные. Тогда надо ставить вопрос: «Для чего нужна уголовно-процессуальная наука?».

Она нужна для выработки перспективных направлений изменения уголовного процесса как вида деятельности через изменение законодательного регулирования. То есть нужно понять, каким мы хотим видеть уголовный процесс и в своих трудах развивать эти направления. Но дело в том, что никто не знает, каким мы хотим видеть уголовный процесс. Вот вчера у нас был круглый стол, посвященный проблемам допустимости показаний в уголовном процессе. От Самары там участвовали я и Марьяна Евгения Владимировна, которая сказала, что нужно политическое решение, государство должно хотеть что-то изменить. А государство – это кто? Это – мы! Мы хотим что-то изменить, но ведь мы все хотим изменить по-разному. Чтобы даже в одном узком вопросе сошлись мнения двух участников – это уже достижение. А если мы, большое научное сообщество, а к этому добавить еще сообщество правоприменителей, сами не знаем, чего мы хотим, какое государство совершит за нас реформу? Откуда оно это знает?

Поэтому даже изменения в УПК, которые сейчас вносятся под влиянием активных личностей, пишущих законопроекты под ведомственные сиюминутные потребности, бывают чудовищными. Я об этом и на конференции сказала – нынешний УПК ни изучить, ни применить невозможно. УПК 1960 г. был значительно лучше. Он был понятен, он был логичен. Нынешний УПК абсолютно нелогичен. Он был более логичен, когда его приняли в 2001 г. Он имел определенную парадигму, концептуально настраивал нас на движение в сторону состязательного уголовного судопроизводства. То, что мы имеем сегодня, никакому объяснению не поддается. Каждое изменение противоречит ранее внесенным изменениям, уже существующим нормам. Никто не думает о том,

чтобы согласовывать изменения. Тем, кто законы пишет, важно протолкнуть какое-то узкое направление, не думая о том, как оно концептуально вписывается. Глупость получается.

– В завершении интервью, что бы Вы пожелали научной школе уголовного процесса, которая ассоциируется с Семеном Абрамовичем Шейфером.

– Желая, чтобы новое поколение проснулось, начало наступать на пятки и забрасывать кафедру научными идеями, чтобы кто-нибудь вступил со мной в дискуссию, чтобы не понижался уровень научного потенциала преподавателей, чтобы появлялись стимулы для занятия наукой.

Беседовала кандидат юридических наук, доцент
Н. А. Развейкина

«МЫ САМИ ДЕЛАЕМ СОБСТВЕННУЮ ЖИЗНЬ И ЧЕРЕДОЙ БОЛЬШИХ И МАЛЫХ ИНТЕРЕСНЫХ ОТКРЫТИЙ, И ТОСКОЙ ЗЕЛЕННОЙ. ВЫБОР ВСЕГДА ЗА НАМИ!» (ИНТЕРВЬЮ С ПРОФЕССОРОМ А. А. ТАРАСОВЫМ)

Александр Алексеевич Тарасов запомнился мне на обзорных лекциях перед государственным экзаменом по уголовному процессу, когда рассказывал о том, как правильно отвечать на вопрос о цели доказывания. Это был 2007 год, и научные дискуссии по данному вопросу на кафедре уголовного процесса и криминалистики Самарского государственного университета еще не утихли, а в состав экзаменационной комиссии входили С. А. Шейфер и В. А. Лазарева, отстаивавшие противоположные точки зрения о возможности постижения истины в уголовном процессе. Вот тогда А. А. Тарасов и предстал передо мной не только как прекрасный оратор, умеющий держать студенческую аудиторию как специалист в области уголовного процесса, но и как Учитель, который показал, что можно на основе двух противоборствующих точек зрения осуществить диалектический синтез и создать что-то новое, еще более интересное и совершенное.

О том, как сохранить интерес к профессии юриста на долгие годы, как адаптироваться к обучению в дистанционной форме и почему науку и преподавательскую деятельность не стоит разделять, я побеседовала с Александром Алексеевичем Тарасовым, профессором Самарского университета, заведующим кафедрой уголовного права и процесса Института права Башкирского государственного университета.

– Александр Алексеевич, чтобы сложить полноценное представление о Вашем пути в науке, расскажите, как Ваш выбор пал на юриспруденцию и на сферу уголовного процесса в частности?

– В средней школе я мечтал быть журналистом – говорить и писать о том, что может быть интересно людям, и главное – мне самому. Но ближе к окончанию школы я подумал, что в интересных событиях можно еще и участвовать, совмещая это с описанием пережитого средствами устной и письменной речи. А проще говоря, юридическая профессия для ребят моего поколения была неким наглядным воплощением одновременно и романтической мечты, и жизненного успеха. Как-то не было сомнений, что эта профессия – самая лучшая. А почему именно уголовный процесс – скажу не задумываясь, – это мегаличность профессора Семена Абрамовича Шейфера, а вместе с ним – и многие люди – практики и ученые, которых уважал сам Семен Абрамович. А он умел уважать людей. К слову, и эксклюзивные негативные оценки он тоже формулировал безжалостно и метко. Его рекомендация дорогого стоила. Для любого профессионала.

– Какие имена в науке оказали на Вас наибольшее влияние в научной деятельности?

– Одно, главное, уже назвал. Других имен довольно много, но все они при-

шли в мою жизнь в связи с Семеном Абрамовичем – профессора А. М. Ларин, И. Л. Петрухин, И. Б. Михайловская, В. П. Малков, Л. Я. Драпкин, П. А. Лупинская, А. Р. Ратинов, А. А. Эйсман, О. Я. Баев, В. Н. Григорьев, М. В. Немытина и многие другие. Судьба подарила очень много интересных встреч, приятного и полезного общения.

– Александр Алексеевич, мы знаем Вас как известного адвоката, выдающегося ученого, а что привносит в Вашу жизнь преподавательская деятельность? Чем она Вам интересна?

– Преподавательская деятельность – это возможность общения на интересные лично мне профессиональные темы с людьми, которые мне тоже сами по себе интересны, как минимум, потому, что они моложе и умнее меня. Я очень серьезно отношусь к известному чеховскому афоризму: «Умный любит учиться, а дурак – учить». Я стараюсь никого ничему не учить. Просто обсуждаю с интересными людьми интересные темы. Получаю от этого удовольствие и узнаю много нового. Тщу себя надеждой, что не старею, благодаря такой уникальной возможности.

– Как Вы перестроились на дистанционный формат обучения студентов, при этом не утратив яркости изложения материала и сохранив способность вовлечения в процесс познания дисциплины студентов?

– Отвечу просто: мне нравится дистанционный формат обучения. Во всяком случае он нравится мне не меньше, чем живое общение с аудиторией. Более того, дистанционный формат позволяет не отвлекаться на болтунов во время занятия, не огорчаться по поводу чьих-то пустых глаз. Самому можно абстрагироваться от каких-то условностей типа собственного и чужого внешнего вида. Обратной связи с аудиторией достаточно: я предлагаю любому желающему прерывать меня любым вопросом во время онлайн-конференции. Правда, на всякий случай, предупреждаю заранее, что юриста характеризует каждое слово, произнесенное или написанное им. Но не хотелось бы, конечно, навеки погрузиться в «дистанционку». У нас все-таки живая профессия, сориентированная на живых людей и столь же живое общение с ними.

– Уже много лет Вы входите в состав диссертационного совета юридического факультета Самарского университета, а также являетесь заместителем председателя диссертационного совета Нижегородской академии МВД Российской Федерации. Под Вашим руководством защитились девять кандидатов наук. У всех учеников разные темы. Какие требования Вы предъявляете к своим ученикам?

– Способность получать удовольствие от самого процесса исследования и описания его результатов. Устно и письменно. Такое главное требование к ученикам. И еще – чтобы они росли. Каждый день. Есть замечательное социально-психологическое правило: глупо сравнивать себя с другими. Сравни себя сегодняшнего с собой вчерашним! Самое большое удовольствие я получаю, видя, что ученик превращается из косноязычного дилетанта в профессионала, который превосходит меня в знании каких-то тем или вопросов. Значит, всё не зря. А темы должны быть интересны нам обоим.

– Можно ли проследить за прошедшее время какие-то тенденции в выборе тем для научных исследований?

– Новые и относительно новые процессуальные институты сейчас модны: досудебные соглашения о сотрудничестве, новый суд присяжных, реформа проверочных судебных стадий, международные и национальные стандарты справедливой судебной процедуры и т. д. Но сколько-нибудь строгих тенденций я лично не вижу. Может, плохо смотрю? Или собственных знаний не хватает?

– Какая уголовно-процессуальная тематика Вам представляется наиболее актуальной и перспективной для защит на ближайшие пять лет?

– Перечисленное. Плюс разные проявления «цифровизации» правосудия. И будут развиваться сравнительно-правовые методики в исследовании по любым темам.

– Александр Алексеевич, откуда Вы черпаете темы и идеи для своих научных работ?

– Из общения с людьми – с практическими работниками, уставшими от бюрократии и не видящими какой-то благоприятной перспективы в своей работе, с людьми, столкнувшимися с нашей правоохранительной системой и получившими свой заряд пессимизма в связи с этим, с бюрократами, полюбившими именно эту сторону своей работы, и т. д. Одним словом, из общения.

– А что Вам больше нравится: заниматься наукой или преподавать?

– Не разделяю это. И С. А. Шейфер не разделял. Думаю, правильно. Университетский преподаватель может быть интересен студентам не набором позитивных знаний, в объеме которых он все равно никогда не сможет конкурировать с Интернетом, доступным сейчас всем студентам в любой момент. Преподаватель может демонстрировать аналитические упражнения и научную эрудицию с помощью яркой, информативной и логически выверенной речи. А это формируется только научной работой, причем постоянной.

– Как Вы оцениваете современное состояние науки уголовного процесса?

– Не уверен, что имею на это право и основания. Наука наша точно не в застое. Она сегодня плюралистична, не «падает ниц» перед авторитетами. Это имеет как позитивные последствия в виде преодоления любых монопольных позиций, так и негативные – снижение научного уровня многих публикаций. Но это не хорошо и не плохо. Это стихия. И свобода слова.

– В 2019 г. Вы получили высшую юридическую премию России «Юрист года», какие эмоции Вы испытали, получив такое признание Ваших профессиональных заслуг?

– Я получил эту премию в номинации «Юридическое образование и воспитание», и я искренне признателен коллегам за то, что они так отметили мой обычный повседневный труд. Но признаюсь: именно в образовании и воспитании так много других стимулов и наград в виде студенческого уважения, в виде тишины в полной аудитории, когда ты говоришь, в виде очереди желающих работать под твоим руководством, что награды за это удовольствие от обычной жизни можно было бы и вовсе не давать. И тем не менее, конечно же, мне очень приятно получать такие награды. Здесь, в Уфе я, например, особенно дорожу почетной грамотой губернатора Самарской области, полученной мною в 2009 г. тоже за вклад в подготовку юристов для моего родного региона. Приятно. Не буду лгать.

– И какие эмоции, по Вашему, ярче, когда Вы выигрывали дела в судах, находясь в водовороте человеческих судеб, или при признании Вас в научном сообществе Вашими коллегами?

– Все эти эмоции очень яркие, и все они лично мне одинаково дороги. Моя-то личность едина, она не разделена на разные виды деятельности. Мне очень дорого, например, что муж моей дочери, делающий сейчас очень достойную карьеру в прокуратуре, когда-то уже давно сказал мне, что именно во мне он в юности увидел образец профессионала.

– Профессия юриста предполагает много рутинной, кропотливой работы, сопряженной с изучением, оформлением объемных документов, но в то же время это и эмоционально тяжелая работа, так как связана с судьбами людей, какой Вы можете дать совет будущим юристам, как сохранить интерес к профессии на долгие годы и избежать профессионального выгорания?

– У каждого свой путь и в жизни, и в профессии. Тут трудно дать универсальный совет. Я старался в любой работе находить нечто, способное доставлять лично мне удовольствие. В юриспруденции это очень даже возможно. Есть одна славная восточная мудрость: «Красота в глазах смотрящего». Мы сами делаем собственную жизнь и чередой больших и малых интересных открытий, и тоской зеленой. Выбор всегда за нами!

Беседовала кандидат юридических наук, доцент
Е. В. Марьина

К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЙСТВИЯ*

Исследования эффективности правовых норм и правоприменительной деятельности находятся в центре внимания ученых, анализирующих одну из наиболее активных сфер правоприменения – деятельность системы уголовной юстиции и таких звеньев системы, как уголовное судопроизводство и его отдельные стадии¹.

Все следственные (процессуальные) действия можно представить как первичные элементы подсистемы «предварительное расследование». Особое место среди них занимают допрос, осмотр, следственный эксперимент и другие способы собирания доказательств². Поскольку от успешного проведения следственного действия зависит успех всего расследования и уголовного судопроизводства в целом, представляется целесообразным остановиться на характеристике эффективности именно этой исходной единицы процесса.

Следственные действия по собиранию доказательств могут быть охарактеризованы с разных сторон, что позволяет выделить разные направления поиска их эффективности.

* Статья впервые была напечатана в межвузовском сборнике «Проблемы эффективности правового регулирования» (Куйбышев, 1978).

¹ См.: Каминская В. И. Методы изучения практики применения уголовно-процессуального закона // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1968. Вып. 7 ; М., 1969. Вып. 10 ; Кудрявцев В. Н. Эффективность системы уголовной юстиции // Социалистическая занятость. 1971. № 7 ; Его же. Проблемы эффективности права в развитом социалистическом обществе // Демократия и право развитого социалистического общества. Материалы всесоюзной научной конференции. М., 1975. С. 18–27 ; Петрухин И. Л. Социологический метод исследования эффективности правосудия // Советская юстиция. 1971. № 4 ; Ларин А. М. Повышение эффективности расследования // Советское государство и право. 1972. № 3 ; Михайлов А. И. Проблемы эффективности предварительного следствия // 50 лет советской прокуратуры и проблемы совершенствования предварительного следствия : тез. докл. Л., 1972 ; Бойков А. Д. К изучению эффективности уголовно-процессуального закона // Эффективность применения уголовного закона. М., 1973 ; Морцакова Т. Г., Петрухин И. Л. Социологические аспекты изучения эффективности правосудия // Право и социология. М., 1973 ; Фаткуллин Ф. Н. Проблемы эффективности советского права // XXIV съезд КПСС и проблемы повышения эффективности советского права. Казань, 1973 ; Элькин П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л., 1976 ; Алексеева Л. Б., Михайловская И. Б. Показатели эффективности уголовного судопроизводства и некоторые оценки работы судебных органов // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1976. Вып. 24 ; и др.

² Законодатель употребляет термин «следственное действие» в широком и узком смысле, понимая под ним либо все основанные на законе и совершаемые в особой процессуальной форме действия следователя (см., например, п. «в» ч. 2 ст. 211 УПК РСФСР), либо только действия по собиранию доказательств (ст. 87 УПК РСФСР). В дальнейшем изложении речь пойдет о действиях второго вида.

В первую очередь, каждое следственное действие можно представить как специфический уголовно-процессуальный институт, т. е. как совокупность правовых предписаний, определяющих основания проведения, условия содержания и форму познавательных, правообеспечительных и удостоверительных операций, а также мер принуждения, необходимых для выявления и закрепления доказательственной информации.

Вместе с тем следственное действие выступает и как непосредственное осуществление этих предписаний, т. е. как акт правоприменения, включающий принятие следователем решения о собирании доказательств и реальное выполнение им, а также другими участниками следственного действия, операций, составляющих содержание осмотра, следственного эксперимента и т. д.

При таком положении правомерно ставить вопрос и об эффективности правового регулирования следственного действия и об эффективности следственного действия как реально осуществленной следователем системы операций.

Из обыденной («эффективный – приводящий к нужным результатам») и общетеоретической трактовки эффективности как степени соответствия поставленной цели и фактически достигнутого результата вытекает, что важнейшую роль в определении эффективности играет цель деятельности³. Однако цель правового регулирования и цель правоприменительной деятельности – не вполне совпадающие понятия, из чего можно заключить, что эффективность следственного действия как правового института не равнозначна эффективности реально выполненного следователем осмотра, допроса и т. д.

В правовой литературе при анализе правовых норм обоснованно различаются так называемые «юридические» и «материальные» цели⁴. К первым относят правовые средства, призванные обеспечить надлежащее поведение субъекта. С этой точки зрения цель любого правового института⁵ состоит в наиболее эффективном и рациональном урегулировании определенных общественных отношений, в обеспечении их направленности к решению задач уголовного судопроизводства⁶. Соответственно этому целью каждого след-

---

³ Известный специалист в области теории эффективной деятельности Е. С. Вентцель понимает под эффективностью операции меру ее успешности, степень ее приспособленности к достижению поставленной перед ней цели (см.: Исследование операций. М., 1976. С. 13). Близки к этому и общеправовые определения эффективности. Так, по мнению М. Н. Андрющенко, «эффективность есть мера возможности с точки зрения ее близости к наиболее целесообразному, необходимому (нужному) человеку результату. Более того, речь идет о близости к цели в ее оптимальном выражении» (Понятие эффективности и его философский смысл // Философские исследования. Ученые записки кафедры общественных наук вузов г. Ленинграда. Л., 1971. Вып. 12. С. 46).

⁴ См.: Самощенко И. С., Никитинский В. И. Некоторые проблемы методологии изучения эффективности правовых норм // Проблемы социологии права. Вильнюс, 1970. Вып. 1. С. 40; Бойков А. Д. К изучению эффективности уголовно-процессуального закона. С. 165–166.

⁵ Мы разделяем мнение тех исследователей, которые полагают, что не все отдельно взятые нормы процессуального права, а прежде всего единицы уголовно-процессуального права имеют самостоятельные цели, позволяющие исследовать их эффективность (см.: Кудрявцев В. Н. Проблемы эффективности права в развитом социалистическом обществе. С. 20).

⁶ См.: Элькин П. С. Указ. соч. С. 12.

ственного действия, рассматриваемого как правовой институт, будет исчерпывающая правовая регламентация всех его нормативных элементов: оснований проведения, содержания познавательных и удостоверительных операций, прав и обязанностей обвиняемого, потерпевшего, свидетелей, экспертов и других участников, подлежащих применению мер принуждения и т. д. Анализ под этим углом зрения действующего законодательства позволяет внести предложения, направленные на совершенствование нормативного регулирования следственных действий, т. е. на повышение их эффективности⁷.

Однако, как замечают И. С. Самощенко и В. И. Никитинский: «Юридические» цели – это только одно из самых низких звеньев в этой цепи непосредственных целей, которым служат данные нормы. Они всегда в конечном итоге переходят в другие, «материальные» цели⁸. К последним относят желаемые изменения в самом объекте правового воздействия⁹. Поэтому «юридическую» цель следственного действия можно рассматривать как средство достижения «материальных» целей, реализуемых в процессе непосредственного проведения следственного действия.

Из сказанного видно, что эффективное правовое регулирование следственного действия еще не обеспечивает практическую эффективность осмотра, обыска и допроса ибо «сами по себе эффективные нормы могут применяться неэффективно. Поэтому эффективность права следовало бы понимать как долю вклада права в достижение цели регулируемой им деятельности»¹⁰.

В свете сказанного необходимо выяснить, в чем состоит цель следственного действия как практического инструмента познания, т. е. как акта применения права. Ответ на этот вопрос, прежде всего, вытекает из общетеоретической трактовки понятия цели. В философской литературе цель рассматривается в качестве важнейшей характеристики деятельности людей и функций социальных систем. Под целью понимают идеальный образ результата деятельности, предвещающей самую деятельность. В этом понятии сочетаются субъективный и объективный моменты: цель выступает как идеальная разновидность явления, названного П. К. Анохиным опережающим отражением действительности, т. е. как мысленное планирование предстоящей работы. Такое понимание цели глубоко раскрывает сущность познавательной деятельности, в том числе и осуществляемой при собирании доказательств». «Опережающее отражение в форме цели, – пишет Б. С. Украинцев, – состоит в воспроизведении в

⁷ К числу таких предложений можно, на наш взгляд, отнести: конкретизацию в законе целей очной ставки, предъявление для опознания и следственного эксперимента; закрепление в законе обязанностей участников процесса представить требуемые образцы, выдать искомый предмет и документ; распространение на все следственные действия требований безопасности жизни и здоровья, недопустимости унижения чести и достоинства участников; расширение случаев привлечения понятых, в частности к изъятию некоторых образцов; изменение норм о применении удостоверительной техники в сторону универсализации; установление ответственности понятых, свидетельствуемых опознаваемых и других участников следственных действий за отказ от выполнения процессуальных обязанностей.

⁸ См.: Самощенко И. С., Никитинский В. И. Указ. соч. С. 40.

⁹ См.: Бойков А. Д. Указ. соч. С. 165.

¹⁰ Морцакова Т. Г., Петрухин И. Л. Указ. соч. С. 270.

отображающей реальной возможности и вероятности наступления определенного, необходимого для самоуправляемой системы события в результате ее функционирования в конкретных изменяющихся внешних условиях. Такое отображение становится внутренней причиной направленного самодвижения функциональной системы»¹¹. Из представления о следственном действии, как об инструменте выявления и закрепления фактических данных, вытекает, что цель следственного действия – это идеальный образ информации (ее формы и содержания), которую предстоит получить следователю путем применения определенных законом познавательных приемов. Такая трактовка подтверждается и нормативным описанием назначения ряда следственных действий: «обнаружение следов преступления» (ст. 178 УПК РСФСР), «установление особых примет» (ст. 181 УПК РСФСР), «отыскание и изъятие предметов и документов» (ст. 168 УПК РСФСР). Сформулированная законодателем цель следственного действия представляет собой нормативное выражение пригодности определенных приемов познания к отображению соответствующих им следов. Например, когда закон указывает, что целью осмотра является обнаружение следов преступления, других вещественных доказательств, выяснение обстановки происшествия, то это означает, что приемы наблюдения, сочетаемые с близкими к ним приемами измерения, сравнения, эксперимента, пригодны для выявления и отображения информации, заключенной в физических признаках местности, предметов, документов. То, что указывается в законе как цель осмотра, обыска, допроса и т. д., можно расценить как прогностический результат этих следственных действий, возможность достижения которого уже была многократно доказана в прошлом, вследствие чего есть основания рассчитывать на него и в будущем.

Составив представление о цели следственного действия, было бы желательным исчислить его эффективность в количественных показателях, ибо категория эффективности по природе своей требует строго математического выражения¹². Однако предпринятые исследователями попытки этого рода оказались малопродуктивными.

Так, Л. А. Быков видит показатель эффективности отдельных следственных действий в числовом коэффициенте, выражающем отношение числа следственных действий, приводивших к положительному результату, к общему числу данных следственных действий, без учета их результата. При таком подходе наиболее эффективным оказался допрос потерпевшего (здесь коэффициент результативности достигает 0,96), затем следует проведение экспертизы (0,87), обыск (0,21). Наименее эффективным оказался осмотр места происшествия (0,06)¹³. Подобное представление об эффективности следственных действий не охватывает всех его существенных сторон. Прежде всего, отношение числа результативных следственных действий к общему числу таких

---

¹¹ Украинцев Б. С. Проблема активности отображения // Ленинская теория отражения и современная наука. Теория отражения и естествознания. София, 1973. С. 24.

¹² См.: Вентцель Е. С. Исследование операций. М., 1972. С. 13.

¹³ См.: Быков А. А. К вопросу о применении статистических методов при изучении прокурорско-следственной практики // Статистические методы в криминологии и криминалистике. М., 1966. С. 55, 66.

же действий представляет собой не столько показатель успешности трудовых усилий следователя, сколько среднестатистический коэффициент информационного «богатства» тех или иных следов преступления и их объективной доступности восприятию следователя. Ясно, что потерпевший чаще располагает искомой информацией, чем свидетель, и сообщает ее более охотно, чем обвиняемый. Вывод же о неэффективности осмотра в некоторых случаях может быть обусловлен лишь тем, что на месте происшествия не образовалось, как это нередко бывает, доступных для выявления материальных следов либо они не сохранились к моменту осмотра. К этому следует добавить, что при таком подходе само понятие результативности следственного действия является весьма неопределенным. Можно ли, например, считать безрезультатным заключение эксперта о том, что пальцевый след оставлен не подозреваемым, либо обыск, в ходе которого не обнаружен искомый объект? Думается, что нет, ибо в каждом таком случае следователь получает сведения о фактах, несомненно, имеющих доказательственное значение.

На наш взгляд, представлению об эффективности следственного действия, как о мере достижения запланированной цели, в наибольшей степени соответствовал бы коэффициент, выражающий численное соотношение информации, объективно содержащейся в том или ином объекте, и информации «на выходе», т. е. полученной в результате проведения следственного действия. Максимально эффективными окажутся при этом те следственные действия, с помощью которых будет выявлена и отображена вся, без исключения, доказательственная информация, содержащаяся в следе. Однако такое представление об эффективности следственного действия – не более чем научная абстракция, ибо по общему правилу невозможно заранее подсчитать объем искомой, а затем и фактически полученной информации¹⁴. Схематичность подобного представления может привести к парадоксу: самым эффективным следственным действием нужно будет признать выемку (раз «точно известно», где и у кого находятся искомые объекты: они, как правило, обнаруживаются и изымаются). В действительности же выемка, по сравнению, например, с обыском, каких-либо особо действенных познавательных операций не включает, а отличается лишь достоверным, а не вероятным обоснованием решения о ее проведении.

Всё сказанное приводит к выводу, что естественное желание формализовать показатель эффективности отдельного следственного действия либо показатели сравнительной эффективности разных следственных действий оказывается трудноосуществимым. И дело здесь не только в практической невозможности выразить в количественных показателях идеальную и реальную материальную цель, т. е. объем доказательственной информации. Важное значение имеет тот факт, что непосредственная цель следственного действия, т. е. получение информации определенного вида, выступает как средство достижения общих целей расследования, а последние накладывают свой отпечаток

¹⁴ Для этого необходимо заранее знать все возможные состояния «отражаемой системы», т. е. следов преступления. Если это оказалось бы возможным – расследование из-за отсутствия проблемных ситуаций (информационной неопределенности) утратило бы свой поисковый характер.

и на цели отдельных следственных действий. При таком положении эффективность отдельного следственного действия должна определяться с учетом того «вклада», который каждое следственное действие вносит в достижение непосредственных целей расследования. С учетом этого критериями эффективности отдельного следственного действия можно считать: результативность, т. е. степень полноты отображения искомой информации; рациональность – быстрое и требующее минимальных затрат труда получение искомой информации¹⁵; надежность – высокая вероятность получения информации данным способом; соответствие нормативным требованиям, регулирующим порядок его проведения; соответствие конечным целям расследования, в том числе способность оказать надлежащее воспитательное воздействие на участников судопроизводства¹⁶.

Таким образом, эффективность следственного действия отнюдь не исчерпывается его совершенной правовой регламентацией (хотя ясно, что от того, насколько четкой и в достаточной мере детальной является нормативная программа действия следователя, зависит и ее практический результат). Важнейшая роль принадлежит тактически правильной организации и проведению следственного действия, т. е. наиболее целесообразному способу осуществления правовых предписаний¹⁷. И хотя критерии эффективности являются достаточно многообразными и малодоступны формализации, сопоставление их с конкретной следственной ситуацией позволяет следователю определить наиболее результативный, рациональный, надежный и в то же время законный и нравственно безупречный путь достижения непосредственной цели следственного действия.

¹⁵ С позиции теории операций показателем эффективности являются и затраты, которые надо минимизировать (см.: *Вентцель Е. С.* Указ. соч. С. 13–14). Т. Г. Морщакова и И. Л. Петрухин придерживаются иного взгляда, полагая, что рентабельность не является критерием эффективности процессуальной деятельности (правосудия), поскольку она указывает лишь на то, какой ценой достигаются цели права, в то время как критерий эффективности указывает, что должно быть достигнуто (см.: *Морщакова Т. Г., Петрухин И. Л.* Указ. соч. С. 267). Применительно к предварительному расследованию такая точка зрения вызывает возражения, так как отделяет в понятии эффективности цели от средств их достижения и не учитывает того факта, что быстрота расследования составляет одну из его непосредственных целей (ст. 2 Основ уголовного судопроизводства). Правильно, на наш взгляд, решает этот вопрос В. Н. Кудрявцев, понимая под эффективностью достижение цели при минимуме затрат и в оптимальное время (см.: *Демократия и право развитого социалистического общества.* С. 21).

¹⁶ По мнению А. Р. Ратинова, эффективность охватывает всю совокупность положительных признаков деятельности и, в частности, результативность (достижение поставленной цели), продуктивность (максимальное количество результатов труда), правильность (точность, соответствие установленным предписаниям), надежность (высокая вероятность достижения нужных результатов данным способом), экономичность (экономия сил, средств и времени) (см.: *Судебная психология для следователей.* М., 1967. С. 165).

¹⁷ Эту мысль хорошо, на наш взгляд, выразил А. Д. Бойков: «...результат допроса зависит не только от соблюдения процедуры, но и от методики и тактики его проведения... Выражения типа «искусство расследования», «искусство допроса» имеют глубокий смысл. Отнюдь не сводящийся к четкому соблюдению процессуальной формы, а предполагающий умелое использование возможностей, представляемых такой формой» (Эффективность применения уголовного закона». С. 171).

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАФЕДРЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

УДК 343.112

И. Л. Бедняков, Н. А. Развейкина

ОСОБЕННОСТИ АУДИОПРОТОКОЛИРОВАНИЯ И ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ ПРИ РАССМОТРЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ СУДОМ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

Освещена практика применения аудиопротоколирования и использования системы видео-конференц-связи в судах г. Самары, отмечены проблемные вопросы внедрения данных технологий в уголовное судопроизводство.

К л ю ч е в ы е с л о в а: аудиозапись судебного заседания, аудиопротоколирование, видео-конференц-связь.

FEATURES OF AUDIO PROTOCOLING AND VIDEO CONFERENCE COMMUNICATIONS IN THE FIRST INSTANCE CRIMINAL COURT

The article highlights the practice of audio protocoling and the use of the video-conferencing system in the courts of the city of Samara, the problematic issues of the implementation of these technologies in criminal proceedings are noted.

К e y w o r d s: audio recording of the court session, audio protocoling, video conferencing.

Поступила в редакцию 15 февраля 2021 г.

Применение судами аудиопротоколирования судебного заседания и видео-конференц-связи (далее – ВКС) регламентировано уголовно-процессуальным законодательством (ч. 4 ст. 240, ст. 259, 278.1 УПК РФ) и является одним из направлений повышения эффективности судопроизводства. Время, прошедшее с момента начала ведения обязательного аудиопротоколирования рассмотрения уголовных дел (01.09.2019), а также условия, в которых работали суды в 2020 г. (распространение коронавирусной инфекции, запреты и ограничения, связанные с этим), дают повод обозначить ряд особенностей реализации положений УПК РФ, касающихся вопроса внедрения и использования судами указанных технологий.

Аудиопротоколирование судебных заседаний в ходе рассмотрения уголовных дел в районных судах г. Самары, в том числе Ленинском районном суде, осуществляется в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства. В каждом зале судебных заседаний установлено специализированное техническое оборудование – программа «IS Mechanics SRS Femida», позволяющая полно и точно фиксировать происходящее в судебном разбирательстве.

© Бедняков И. Л., Развейкина Н. А., 2021

Обязанность контроля проведения аудиозаписи в судебном заседании возлагается на секретаря судебного заседания, который по распоряжению председательствующего включает, выключает и приостанавливает запись. В случае прерывания аудиозаписи в связи с техническим сбоем секретарь судебного заседания немедленно сообщает об этом председательствующему, который разъясняет участникам процесса причину прерывания судебного заседания. После восстановления работоспособности системы технической фиксации процесса, процессуальное действие продолжается с момента, когда оно было прервано.

Как установлено приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 15 декабря 2004 г. № 161 «Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в верховных судах республик, краевых и областных судах, судах городов федерального значения, судах автономной области и автономных округов» (далее – Инструкция по делопроизводству в судах общей юрисдикции), при использовании средств аудиозаписи и иных технических средств для фиксирования хода судебного заседания электронные носители информации (диски, дискеты, флэш-карты) должны быть вшиты в дело (приобщены к протоколу судебного заседания) в упакованном виде (конверт) с указанием на упаковке номера дела, даты, а также подписаны уполномоченным работником аппарата суда (абз. 2 подп. «а» п. 10.2). Такая упаковка должна обеспечивать сохранность электронного носителя от повреждений и порчи.

При обнаружении факта отсутствия и/или утраты аудиозаписи судебного заседания секретарем судебного заседания либо помощником судьи и уполномоченным работником отдела информатизации составляется соответствующий акт, который приобщается к материалам дела.

Следует отметить, что с момента начала обязательного функционирования системы технической записи рассмотрения уголовных дел сложности правового, технического и организационного характера, связанных с ведением аудиопотоколирования, обеспечением хранения аудиозаписей, не имеется. Введение обязательного аудиопотоколирования судебного заседания как объективного средства фиксации, происходящего в судебном разбирательстве, повлекло, в частности, отсутствие необходимости самостоятельного ведения аудиозаписи сторонами процесса.

Вместе с тем возникает ряд вопросов организационного характера, связанных с порядком реализации права заинтересованными лицами на ознакомление с аудиопотоколом судебного заседания. Лица, не содержащиеся под стражей, могут ознакомиться с аудиопотоколом судебного заседания либо лично в зале судебного заседания посредством прослушивания аудиозаписи на технических средствах суда (ноутбуке), либо по их ходатайству секретарь суда копирует аудиозаписи на флэш-носитель или компакт-диск.

Подсудимым (осужденным), содержащимся под стражей, по их заявлению обеспечивается возможность ознакомления с аудиопотоколом судебного заседания в помещении суда (зале судебного заседания). Подсудимый (осужденный) доставляется конвоем и с участием секретаря судебного за-

седания осуществляется прослушивание аудиозаписи на технических средствах суда (ноутбуке). Выдача подсудимым (осужденным), содержащимся под стражей, аудиозаписей на флэш-носителе или компакт-диске не практикуется.

Сложности в организации деятельности судов вызывает обеспечение ознакомления подсудимых (осужденных) с аудиопрототолами в случае, если они содержатся в следственном изоляторе. Так, подсудимый П. обвинялся органами предварительного расследования в покушении на убийство. Подсудимый являлся узбеком по национальности, русским языком не владел. Судом было обеспечено участие переводчика. По уголовному делу состоялось восемь судебных заседаний, длительностью от 4 до 5 часов каждое. После вынесения приговора в апелляционной жалобе осужденный, которому было назначено наказание в виде лишения свободы на определенный срок, ходатайствовал об ознакомлении его со всеми аудиопрототолами судебных заседаний с участием переводчика.

Выдача осужденному, содержащемуся под стражей, аудиопрототоков на носителе (диске, флэш и пр.) невозможна в силу режимных требований мест содержания под стражей, отсутствием обязанностей сотрудников ФСИН России обеспечивать реализацию права на ознакомление с аудиопрототоком и отсутствием технической возможности реализации такого права в СИЗО. В связи с изложенным, в целях реализации права осужденного на ознакомление с аудиопрототоком судебного заседания, суд дает распоряжение о доставлении осужденного в зал судебного заседания и организует участие в ознакомлении переводчика. При этом проводить одновременно судебное заседание по другому уголовному делу невозможно, поскольку иных помещений, кроме зала судебного заседания, для осужденного, сопровождаемого конвоем, в суде не предусмотрено. Следует к этому добавить, что два из пяти рабочих дней в неделю являются «неконвойными». Таким образом, фактически дефицит помещений, оборудованных техническими средствами, необходимыми для реализации права осужденного на ознакомление с аудиопрототоком, увеличивает сроки направления уголовного дела в апелляционную инстанцию и, кроме того, затягивает сроки рассмотрения других уголовных дел.

В соответствии с ч. 1 ст. 260 УПК РФ стороны вправе подать замечания на протокол и аудиозапись судебного заседания. В Ленинском районном суде г. Самары случаев рассмотрения замечаний на аудиозапись судебного заседания отдельно от протокола судебного заседания не имелось. В большинстве случаев стороны ссылаются на неполное отражение в письменном протоколе судебного заседания своих выступлений или речи иных участников процесса, по сравнению с расшифровкой аудиозаписи. Однако в позициях Конституционного Суда РФ неоднократно указывалось на соответствии Конституции РФ положений ст. 259 УПК РФ, которые закрепляют общие требования к ведению протокола – достоверно и последовательно отражать ход судебного разбирательства, обязанность председательствующего и секретаря судебного заседания изготовить протокол, используя в необходимых случаях технические

средства, но не требуют дословного изложения всего происходящего в суде и не нарушают конституционных прав участников процесса.

Введение аудиопротоколирования судебного заседания в уголовном судопроизводстве, безусловно, следует оценить как положительное. Вместе с тем отсутствие в судах специальных программ распознавания голоса снижает эффективность использования аудиопротоколирования. Уже летом 2018 г. Судебный департамент при Верховном Суде РФ докладывал о тестировании программных средств распознавания речи и автоматизированном формировании протокола судебного заседания с приложением аудиовидеозаписи (протокола)¹. По словам председателя Белгородского областного суда, тестируемый аппаратно-программный комплекс позволяет оперативно и в автоматическом режиме получать полную текстовую расшифровку судебного заседания и на данном этапе сократить время подготовки протокола на 30 процентов². Однако до сих пор в судах г. Самары (и, вероятнее всего, во многих других районных судах России) секретарь судебного заседания по-прежнему затрачивает время на подготовку письменного протокола судебного заседания, равного времени фиксации текста после поэтапного прослушивания аудиозаписи, так как имеющиеся программные средства работают некорректно, о чем сообщали еще в 2018 г. сотрудники Свердловского и Шебекинского районных судов Белгородской области, в которых проходили апробацию инновационные разработки. Очевидно, что внедрение систем искусственного интеллекта могло бы оказать качественное содействие в решении типовой задачи распознавания речи и перевода ее в текст, при том что на российском IT-рынке есть готовые предложения систем аудиовидеозаписи и протоколирования судебных заседаний, апробированные арбитражными судами г. Москвы. Вряд ли кто-то будет оспаривать, что использование программ распознавания голоса и автоматического формирования текстового протокола судебного заседания будет способствовать сокращению времени, нагрузки и эффективной организации деятельности как отдельно взятого состава судьи, так и в целом районного суда.

В официальных текстах сообщается также, что разработанный в России программный комплекс (название которого нигде не упоминается) может использоваться для проведения интернет-трансляций судебных заседаний, а также сеансов ВКС. Изучение практики применения судами систем ВКС в уголовном судопроизводстве показывает, что при рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции с использованием ВКС в основном допрашиваются свидетели или потерпевшие, проживающие за пределами субъекта РФ, в котором располагается суд. В последнее время имеется тенденция к более широкому применению ВКС при рассмотрении уголовных дел и материалов в порядке исполнения приговоров суда. Это объясняется невозможностью сви-

---

¹ См.: Куликов Владислав. Под честное слово // Рос. газета. Федер. вып. №195(7658). URL: <https://rg.ru/2018/09/03/v-sudah-vnedriat-sistemy-raspoznaniia-golosa.html> (дата обращения: 04.01.2021).

² В российских судах протестированы программы автоматического формирования протокола. URL: http://rapsinews.ru/judicial_news/20190215/295090749.html (дата обращения: 04.01.2021).

детелей, проживающих за пределами соответствующего субъекта РФ, явиться лично в судебное заседание, возникающими проблемами с этапированием лиц, отбывающих наказание, для рассмотрения вопросов в порядке исполнения приговоров суда.

Уголовно-процессуальное законодательство (ст. 281.1 УПК РФ) содержит требования к порядку проведения допроса свидетеля (потерпевшего) посредством ВКС. Этот порядок обусловлен необходимостью достоверного установления личности допрашиваемого и возможен лишь в помещении другого суда с обязательным участием судьи. В условиях распространения коронавирусной инфекции использование ВКС в деятельности судов приобрело большую актуальность и значение, поскольку обеспечивает в том числе санитарно-эпидемиологическую безопасность участников судебного процесса.

Поскольку уголовно-процессуальным законом предусмотрено непосредственное участие подсудимого в судебном заседании при рассмотрении дела в суде первой инстанции, избрании или продлении меры пресечения, эти условия неукоснительно должны соблюдаться судами. При рассмотрении ходатайств в порядке исполнения приговора, жалоб в соответствии со ст. 125 УПК РФ, апелляционных жалоб на приговоры мировых судей, в случае нахождения осужденного под стражей участие указанного лица в судебном заседании обеспечивается путем ВКС.

В условиях противодействия распространения коронавирусной инфекции судами г. Самары обеспечивалось личное и непосредственное участие обвиняемых в судебных заседаниях по рассмотрению вопросов об избрании (продлении) меры пресечения в виде заключения под стражу. Лишение обвиняемого возможности лично довести до суда свою позицию относительно ходатайства следователя рассматривается как нарушение права на защиту, что в последующем повлечет отмену судебного решения.

Вместе с тем в практике возникают ситуации, когда вопрос о продлении срока содержания под стражей рассматривается посредством ВКС. Так, в производстве органов предварительного расследования находилось уголовное дело в отношении С., обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 105 УК РФ. В связи с неясностью клинической картины психического состояния обвиняемой была назначена комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза в психиатрическом стационаре института имени Сербского в г. Москве, куда обвиняемая и была этапирована, так как содержалась в СИЗО.

В связи с объективной невозможностью доставления обвиняемой в судебное заседание судом было обеспечено ее участие посредством ВКС из СИЗО, поскольку в данной ситуации сомнений относительно личности участника уголовного судопроизводства у суда не возникало.

Конфиденциальность общения подсудимого (обвиняемого, осужденного), находящегося под стражей и участвующего в судебном заседании с использованием систем ВКС, с его адвокатом, находящемся в зале судебного заседания, обеспечивается путем предоставления защитнику и подсудимому (осужденному либо обвиняемому) возможности обсудить и согласовать пози-

цию по делу без присутствия сотрудников суда и других участников процесса. Например, судьи объявляют перерыв либо предоставляют время для общения непосредственно перед началом судебного заседания при подключении сеанса ВКС. Жалоб на такую форму общения от подсудимого и адвоката не поступало.

При решении вопроса о допросе свидетелей и потерпевших путем использования систем ВКС в порядке ч. 4 ст. 240, ст. 278.1 УК РФ судьи действуют как по собственной инициативе, так и по инициативе участников процесса. Так, по уголовному делу в отношении Р. в ходе судебного следствия при допросе П. в качестве потерпевшей было установлено, что фактически похищенное имущество принадлежит ее родственнице Л., проживающей в г. Дмитровграде. По ходатайству стороны обвинения с согласия стороны защиты в очередном судебном заседании был организован сеанс ВКС с Дмитровградским городским судом Ульяновской области и проведен допрос потерпевшей Л. Надлежащая организация судебного процесса с применением ВКС позволила своевременно провести судебное заседание с целью выяснения новых обстоятельств дела и обеспечить разумные сроки судебного разбирательства по делу в отношении Р., содержащегося под стражей.

Следует признать, что расширение использования систем ВКС, в частности для обеспечения участия в судебном разбирательстве сторон и других лиц (например, экспертов, специалистов), не имеющих возможности присутствовать непосредственно в зале судебного заседания, для их участия в исследовании доказательств, для обеспечения исследования судом вещественных доказательств, находящихся на хранении в другом месте, является, безусловно, прогрессивным решением. При этом важно, чтобы применяемые при производстве судебных действий с использованием систем ВКС технические средства и технологии обеспечивали надлежащее качество видеоизображений и аудиовоспроизведений, а также соблюдение принципов судебного разбирательства, информационную безопасность всех участников уголовного судопроизводства. Использование в ходе судебного разбирательства системы ВКС, в том числе в период действия ограничительных мер, связанных с противодействием распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19), признается вышестоящими судами не противоречащим понятию справедливого и публичного слушания дела при условии, что подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, находящийся под стражей и участвующий в судебном заседании, имеет возможность следить за ходом судебного процесса, видеть и слышать участников процесса, а также быть заслушанным сторонами и судьей беспрепятственно. Необходимость соблюдения этих условий подчеркивает Президиум Верховного Суда РФ со ссылкой на правовые позиции Европейского суда по правам человека³.

---

³ См.: Пункт 16 Обзора по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19), № 2 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.04.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351691/ (дата обращения: 04.01.2021).

Таким образом, следует положительно оценить тенденцию к автоматизации и внедрению новых технологий в обеспечение процедуры рассмотрения уголовных дел судами первой инстанции, однако нельзя не отметить недостаточную организационную, финансовую и техническую проработанность нововведений.

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева*

Бедняков И. Л., кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики,
судья Ленинского районного суда г. Самары

Развейкина Н. А., кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики,
заведующая кафедрой социальных систем и права

*Samara National Research University
Bedniakov I. L., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
of the Criminal Process and Criminalistics
E-mail: 1981ivan@mail.ru*

Razveykina N. A., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
of the Criminal Process and Criminalistics,
Head of the Social Systems and Law Department
E-mail: razveykina@ssau.ru

РОССИЙСКАЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ СТАДИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА И ЕЕ ФРАНЦУЗСКИЙ АНАЛОГ

Анализируется уголовно-процессуальная стадия исполнения приговора (глава 47 УПК РФ) в сравнении с ее аналогом в УПК Франции. Если УПК РФ на регулирование этой стадии отводит 6 статей, то в УПК Франции вопросы исполнения приговора регулируются 622 статьями (416 статьями законодательной части и 206 статьями декретов Государственного Совета). В УПК Франции исполнение приговора представляет собой часть более широкого понятия – исполнительного производства, которое проникает как в другие стадии уголовного процесса (предварительное расследование), так и другие отрасли права (уголовное и уголовно-исполнительное) или другие отрасли знаний (криминалистика, оперативно-розыскная деятельность). Несмотря на это указанные отношения продолжают оставаться по своей природе уголовно-процессуальными с более детальной и демократичной регламентацией. Исходя из исторической близости корней российского и французского уголовно-процессуального законодательства делается вывод о необходимости рецепции широкого понимания исполнительного производства в УПК РФ. Это поможет его унифицировать с европейским законодательством, сделать более подробным, демократичным и повысить его статус. К л ю ч е в ы е с л о в а: уголовно-процессуальное право, стадия исполнения приговора, УПК Франции, уголовно-процессуальное регулирование, пробелы.

THE STAGE OF ENFORCEMENT OF THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE AND ITS FRENCH COUNTERPART

The article analyses the criminal procedure stage of sentence enforcement (Chapter 47 of the RF CCP) in comparison with its counterpart in the French CCP. Whereas the Russian CCP devotes 6 articles to the regulation of this stage, the French CCP has 622 articles (416 legislative articles and 206 Decrees of the Council of State) to the enforcement of sentences. In the French CCP, the enforcement of a sentence is part of a broader concept, enforcement proceedings, which penetrates both other stages of criminal procedure (preliminary investigation) and other branches of law (criminal and penal enforcement) or other branches of knowledge (criminalistics, operational and investigative activities). Despite this, the relationship in question continues to be essentially one of criminal procedure, with a more detailed and democratic regulation. Based on the historical proximity of the roots of Russian and French criminal procedural law, it is concluded that a broad understanding of enforcement proceedings should be adopted in the Russian CCP. This would help harmonise it with European legislation, making it more detailed, more democratic and raising its status.

К е у в о р д с: criminal procedural law, the stage of execution of sentence, the criminal procedure code of the Republic of France, the criminal procedure regulation, the gaps.

Поступила в редакцию 15 февраля 2021 г.

Для объективного понимания качества отечественного правового регулирования бывает очень полезно сравнить его с зарубежными аналогами. К интересным выводам может привести сравнение не часто обсуждаемой в уголовно-процессуальной теории стадии исполнения приговора со своим аналогом из УПК Франции. Из-за своей нетипичности в свое время даже обсуждался вопрос – относится ли эта стадия к уголовному процессу¹. Несмотря на многочисленные качественные отличия (отсутствие уголовного дела, следователей, дознавателей, не фиксированная роль прокурора и т. д.), эту стадию компромиссно ставили в рамках уголовного процесса, потому что она регламентирует судебную деятельность. В противном случае данную деятельность пришлось бы регулировать в рамках других отраслей права, что могло бы привести к нарушению единообразия.

В настоящее время стадия исполнения приговора занимает главу 47 УПК РФ, состоящую из шести статей, в которых в самом общем виде перечислены: а) суды, разрешающие вопросы, связанные с исполнением приговора; б) вопросы, подлежащие рассмотрению при исполнении приговора; в) порядок разрешения этих вопросов; г) обжалование постановления суда². Наряду с многочисленными общими вопросами в этой главе почему-то отдельно выделены: а) отсрочка исполнения приговора (ст. 398 УПК РФ); б) ходатайство о снятии судимости (ст. 400 УПК РФ).

В отличие от такого подхода в УПК Франции вопросы исполнения наказаний рассматриваются в широком смысле и именуется *исполнительным производством*, которому посвящена Пятая книга (Livre V) с большим количеством частей (titre), глав (chapitre), разделов (section), параграфов (paragraphe)³. Кроме законодательной составляющей (Partie législative) в УПК Франции имеется часть, регламентированная Декретами Государственного Совета (Partie réglementaire – Décrets en Conseil d'Etat). Пятая книга УПК Франции состоит из 416 статей законодательной части и 206 статей декретов Государственного Совета, а всего 622 статей.

Напрашивается вопрос, что же такого содержится в этих статьях? Для ответа необходимо провести обзор Пятой книги УПК Франции. Учитывая очень большой объем этого раздела и гораздо меньший объем настоящей статьи, мы вынуждены остановиться на наиболее интересных моментах с точки зрения отечественного правоприменения. Хотелось бы оговориться, что мы не ставим задачу поиска пробелов и формулирования предложений по совершенствованию отечественного законодательства, а уделяем внимание другой задаче – показать читателям принципиально иной подход правового регулирования: с одной стороны, это удивительные для современного российского правоприменения демократические тенденции уголовно-процессуального

¹ См.: Тулянский Д. В. Стадия исполнения приговора в уголовном судопроизводстве. М., 2006. С. 19; Конин В. В. Стадия исполнения приговора – УПК или УИК? // Вестник Самарского гос. ун-та. 2014. № 11-2 (122). С. 187–192.

² См.: Конин В. В. Правовая природа стадии исполнения приговора // Адвокат. 2015. № 10. С. 22–28.

³ Code de procédure pénale – Dernière modification le 30 novembre 2020 – Document généré le 01 décembre 2020 Copyright (C) 2007–2020 Legifrance.

регулирования, а с другой – широкий подход в регламентации рассматриваемых вопросов.

По поводу современного УПК РФ считаем, что он нуждается не в совершенствовании, а в своей полной замене, о чем неоднократно мы писали⁴. Даже несмотря на современное гиперактивное законотворчество, УПК РФ продолжает вызывать самую серьезную критику. Но это уже тема для отдельного разговора.

Итак, первая часть Пятой книги УПК Франции называется «Исполнение уголовных наказаний» и состоит из трех глав и шести разделов.

Первая глава «Общие положения» состоит из 18 статей (ст. 707–712). Статья 707 достаточно мягко формулирует целевые установки: «По судебному решению или по судебному контролю вынесенные решения по уголовным делам, кроме особых случаев, исполняются наиболее эффективным способом в наилучшие сроки. Режим исполнения наказаний в виде лишения или ограничения свободы направлен на реабилитацию осужденных, содействуя их разумному поведению, уважению прав и интересов общества, предотвращению новых нарушений...». Причем каждое лицо, приговоренное к лишению свободы, имеет право по возможности на постепенное возвращение к свободе (применение мер, не связанных с лишением свободы, освобождение от работы, домашнего ареста с электронным наблюдением, условное освобождение), избегая случаев освобождения без юридического сопровождения.

Удивительно, но большая часть главы посвящена вопросам материальной ответственности и штрафным санкциям, что говорит о демократичном характере исполнения уголовных наказаний.

Вторая глава «Юрисдикция применения наказаний» состоит из четырех разделов:

1. «Виды и состав учреждений». В трех статьях этого раздела (ст. 712-1–712-3) говорится о составах судов, которые уполномочены рассматривать вопросы исполнения наказаний, о связях со службой пробации, помогающей осуществлять контроль за осужденными, об апелляции. В ст. 712-3 обращается внимание на *обязательно состязательный характер всех судебных разбирательств этого производства*.

Такое упоминание не только отсутствует в главе 47 УПК РФ, но и из содержания ч. 2 ст. 399 следует, что в судебном заседании стадии исполнения приговора обязательным участником являются только представители органов или учреждений, исполняющих наказание. Участие всех иных субъектов факультативное. Пленум Верховного Суда в п. 2 своего постановления от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора»⁵ объяснил судам, что рассмотрение и разрешение вопросов, связанных с исполнением приговора, осуществляется в форме правосудия в

---

⁴ См.: Белоносов В. О. О современном состоянии уголовно-процессуального законодательства // Мировой судья. 2016. № 9. С. 22–27 ; *Его же*. Состояние законодательства как проблема уголовно-процессуального права // Библиотека криминалиста. 2017. № 1. С. 21–25 ; *Его же*. Об уголовно-процессуальном законотворчестве в современных условиях // Юридический вестник Самарского ун-та. 2020. № 4. С. 67–71.

⁵ БВС РФ. 2012. № 2 ; Рос. газета. 2011. 30 дек.

открытом судебном заседании.., не допуская изъятий и ограничений понижения уровня гарантий на судебную защиту.., но о состязательности ничего сказано не было.

Практике известны неединичные случаи организации выездных судебных заседаний в пенитенциарных учреждениях (например, по условно-досрочно-му освобождению или иным вопросам), которые проводятся поточным методом, где сложно говорить о какой бы то ни было состязательности, хотя эти данные не отражаются ни в какой статистике.

Вместе с тем определенные положительные сдвиги в этом направлении всё же происходят. Например, Генеральный прокурор РФ в своих указаниях ставит вопрос об обязательном участии подчиненных прокуроров в судебных заседаниях по исполнению приговоров.

2. Вопросы состязательной процедуры судебного разбирательства продолжают в следующем разделе – «Компетенция и процедура суда первой инстанции». В семи статьях этого раздела (ст. 712-4–712-10) говорится о процедуре рассмотрения дел по исполнению наказаний в суде первой инстанции. Кроме общих положений, свойственных судам при рассмотрении уголовных дел, здесь имеются некоторые особенности.

Например, вопросы исполнения наказания разрешаются пенитенциарным судьей после обсуждения с комиссией по применению наказания (ст. 712-4-1). Такой инстанции нет в российском законодательстве. Она возглавляется судьей, членами комиссии являются прокурор, руководитель пенитенциарного учреждения и представитель службы пробации. Речь идет о предварительном коллегиальном обсуждении рассматриваемого вопроса, которое отнюдь не заменяет собой состязательного судопроизводства. Российской практике известна лишь комиссия при начальнике пенитенциарного учреждения, высказывающая свое мнение по поводу условно-досрочного освобождения, но это совсем другое.

Предварительное коллегиальное обсуждение в такой комиссии помогает более качественно проводить состязательный процесс судебного заседания, более ответственно подходить к принятию итогового решения, препятствовать необоснованному и тенденциозному подходу.

В этом же разделе регламентируются полномочия указанных субъектов применительно к частным случаям. Например, при принятии решений о сокращении наказания, разрешении выхода из учреждения, выходе в сопровождении, размещении вне учреждения, домашнем содержании с использованием электронного контроля пенитенциарный судья по ходатайству осужденного или сторон может обязать руководителя пенитенциарного учреждения или службы пробации внести коррективы во время прибытия и убытия осужденного, время посещения отдельных мест в благоприятных для осужденного целях, если это не отразится на исполнении наказания (ст. 712-8 УПК Франции).

3. «Процедура апелляционного обжалования» в своих пяти статьях (712-11–712-15) говорит о возможности в зависимости от характера нарушений двух форм апелляционного обжалования: а) в течение 24 часов и б) в течение 10 дней. В состязательном судебном процессе принимает участие прокурор, адвокат, представители службы пробации и ассоциации жертв преступлений,

возможно также участие осужденного. Судье помогают два заседателя (как в советском суде народные заседатели). При отрицательном решении апелляционной инстанцией может быть установлен запрет на повторное обжалование по тем же основаниям на определенный срок.

Регламентируются многочисленные полномочия других субъектов при апелляционном обжаловании.

4. «Общие положения», состоящие из 11 статей (712-16–712-23), начинаются любопытным полномочием: «Суды, ответственные за исполнение наказаний, при осуществлении своих полномочий могут проводить сами или побуждать к проведению на всей территории страны любых экспертиз, слушаний, дознаний, расследований или любой другой меры для индивидуализации приговора или обеспечения выполнения осужденным обязательств, возлагаемых на него в соответствии с таким решением». Тем самым сняты ограничения на совершение субъектами всякой познавательной деятельности под руководством суда, в том числе расследования или дознания.

В этом же разделе регламентированы уголовно-процессуальные полномочия потерпевшего и гражданского истца, в том числе связанные с их защитой, последствия неисполнения осужденным возложенных на него обязанностей и ограничений, вопросы проведения психолого-психиатрической экспертизы и т. д.

Третья глава «О международном сотрудничестве в целях исполнения решений о конфискации» состоит из двух разделов, трех параграфов и 42 статей, которые подробно регламентируют эту деятельность с участием суда, прокурора и других субъектов.

1. Раздел «О передаче и исполнении решений о конфискации в соответствии с рамочным решением Совета Европы от 6 октября 2006 г.» состоит из трех параграфов: а) «Общие положения»; б) «Положения, относящиеся к решениям о конфискации ценностей, вынесенным французскими судами»; в) «Положения, относящиеся к решениям о конфискации ценностей, вынесенным судами государств – членом Совета Европы».

2. Раздел «Об исполнении решений о конфискации, вынесенных судебными органами других иностранных государств».

Три года назад (5 декабря 2017 г.) в УПК РФ тоже была введена глава 55.1 «Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с признанием и принудительным исполнением приговора, постановления суда иностранного государства в части конфискации находящихся на территории Российской Федерации доходов, полученных преступным путем»⁶, состоящая из семи статей. Необходимо обратить внимание на следующие обстоятельства:

– до декабря 2017 г. такие уголовно-процессуальные отношения вообще не регулировались;

– в УПК Франции рассматриваемые уголовно-процессуальные отношения более подробно урегулированы (им отведено два раздела, три параграфа, 42 статьи), тогда как глава 55.1 УПК РФ состоит из семи статей;

---

⁶ О внесении изменений в УПК РФ : федер. закон от 5 декабря 2017 г. № 387-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 50. Ст. 7558.

– глава 55.1 УПК РФ имеет более декларативный и политизированный характер (например, должны учитываться возможные противоречия с Конституцией РФ), в то время как французский аналог имеет большую практическую направленность, детализацию и конкретизацию. Имеются и другие отличия⁷.

Часть 1-а «Наказание в виде домашнего ареста с электронным наблюдением» относительно небольшая и содержит восемь статей (713-42–713-49). Регламентация этого раздела начинается с удивительного для нашего восприятия полномочия судьи. Согласно ст. 713-42 УПК Франции, лицо, приговоренное к домашнему аресту с электронным наблюдением, передается под контроль судьи по исполнению наказаний, к компетенции которого это относится.

В последующих статьях рассматриваются многочисленные частные случаи, связанные с продлением, прекращением, заменой этой меры на помещение в пенитенциарные учреждения и др.

Часть 2 «О задержании» состоит из 6 глав, 13 разделов, 141 статьи (ст. 714–728-76 УПК Франции) и регламентирует соответствующие полномочия в широком смысле: не только на стадии исполнения приговора, но и в предварительном расследовании.

Первая глава «Исполнение предварительного заключения» начинается со ст. 714, в которой говорится, что предварительное заключение осуществляется в арестных домах, которые находятся неподалеку от судов. Видимо, очень удобно рядом с судом иметь арестный дом, что может облегчить проведение неизвестного для отечественного правоприменения социально-судебного наблюдения, о чем будет сказано ниже.

Согласно ст. 716 УПК Франции заключенные в арестных домах содержатся в *индивидуальных* камерах. Исключение может быть сделано только: а) по их просьбе; б) если заключенный докажет, что в его интересах не оставаться одному; в) в интересах работы, профессиональной подготовки или образования.

В 2016 г. впервые в истории Франции руководство страны поставило цель – достигнуть к 2025 г. 80 % уровня индивидуального содержания заключенных. Эта амбициозная программа успешно выполняется, количество пенитенциарных учреждений увеличивается⁸.

Для сравнения: в России при норме в 4 м². на одного заключенного реальное содержание может составлять от 2,3 м². в Республике Крым до 3,8 м² в Московской области. В 2019 г. ФСИН РФ подготовила предложения для президента о необходимости принятия мер по улучшению условий содержания в СИЗО, среди которых было в том числе и уголовно-процессуальное полномочие – наделение начальников СИЗО правом отказывать в приеме подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений небольшой и средней тяжести в случае переполненности камер⁹. Хотя это предложение не прошло, но комментарии, как говорится, излишни.

⁷ См.: Белоносов В. О. Уголовно-процессуальное законодательство в 2017 году // Юрид. вестник Самарского ун-та. 2017. № 4, т. 3. С. 103.

⁸ См.: Белоносов В. О. Тюремь Франции : аспект делегированного управления. Самара, 2021. С. 17.

⁹ URL: www.fparf.ru «Лента новостей»...-soderzhaniya-v-sizo... (дата обращения: 12.12.2020).

Вторая глава «Исполнение наказаний, ограничивающих свободу» состоит из девяти разделов:

1. Первый раздел «Общие положения» в ст. 716-3 УПК Франции гласит, что если истечение срока приходится на праздничный или выходной день, то освобождение производится в предыдущий рабочий день, что свидетельствует о демократичном подходе. В России, наоборот, освобождение происходит в первый последующий рабочий день.

Согласно ст. 716-5 УПК Франции задержание на дому возможно с санкции прокурора, но не ранее 6 часов и не позднее 21 часа. Такая регламентация в отличие от п. 5 ст. 113 УПК РФ не имеет исключений, в чем проявляется более уважительное отношение к личности.

В соответствии со ст. 717-1 УПК Франции пенитенциарный судья может предложить заключенному пройти медицинское лечение во время его заключения, если врач считает, что это лицо будет подвергнуто такому лечению в соответствии с Кодексом общественного здравоохранения. Крайне удивительное в силу своей доброжелательности полномочие судьи – предложить заключенному пройти медицинское лечение. Видимо, можно позавидовать и медицинским аспектам, когда врач может посчитать, что в соответствии с Кодексом общественного здравоохранения субъект может быть подвергнут лечению в пенитенциарном учреждении.

Другое удивительное полномочие. Согласно ст. 719 УПК Франции депутаты, сенаторы и члены Европарламента, избранные от Франции, могут в любое время посещать заключенных без каких-либо ограничений как сами, так и в сопровождении одного или нескольких журналистов. И такой уровень открытости и прозрачности никем не оспаривается, а воспринимается как должное.

2. Раздел 1-а «Условное освобождение» состоит из одной статьи (ст. 720), где сказано, что при отбытии осужденным от половины до двух третей срока за одно или несколько преступлений с лишением свободы в совокупности до пяти лет включительно ситуация изучается пенитенциарным судьей. После изучения на комиссии по исполнению наказания судья может по мотивированному решению условно освободить осужденного.

Если положение осужденного не рассматривается в соответствии с этим положением, то судья апелляционного суда может по собственной инициативе или по ходатайству осужденного или прокурора распорядиться об условном освобождении в соответствии с этой статьей.

3. Раздел 2 «Отсрочка и разделение наказания, связанные с лишением свободы» состоит из двух статей (ст. 720-1–720-1-1 УПК Франции), в которых говорится о неизвестном для российского законодательства институте. Если осужденному остается отбыть два года лишения свободы, то в исправительных целях этот срок в некоторых случаях может быть отсрочен или разделен на части по медицинским, семейным, профессиональным или социальным показаниям. Оговаривается процедура и условия принятия такого решения, возможные случаи проведения медицинской экспертизы, ограничения и противопоказания. В целом раздел отличается демократичной регламентацией.

4. Раздел 3 «О периоде безопасности» состоит из четырех статей (ст. 720-2–720-5 УПК Франции), в котором речь идет о времени, в течение которого к

осужденному нельзя применять смягчающих мер: отсрочки, разделения наказания, помещения вне учреждения, разрешения на выход, условного освобождения и т. д. Это время составляет от половины до 2/3 срока, установленного судом. Для пожизненно осужденных лиц этот срок может составлять от 22 до 30 лет. В разделе оговариваются также случаи проведения медицинской экспертизы, кассационного обжалования, судебного сокращения или увеличения этого срока.

5. Раздел 4 «Сокращение наказания» состоит из пяти статей (ст. 721–721-3 УПК Франции) и представляет собой принципиально новый для российского законодательства институт. Согласно ст. 721 УПК Франции каждый заключенный пользуется кредитом на сокращение срока наказания из расчета три месяца за первый год, два месяца за каждый последующий год. При наказании более одного года возможно сокращение по семи дней за месяц, но не более двух месяцев. Достаточно подробно сформулированы условия, порядок и запреты на сокращение этого срока.

6. Раздел 5 «О расположении вне учреждений, разрешении на выход и выходе в сопровождении» состоит из семи статей (ст. 723–723-6-1 УПК Франции), в которых регламентируются перечисленные смягчающие меры, процессуальный порядок применения, основания отказа. Отличительной особенностью раздела является его демократичность.

7. Раздел 6 «Помещение под электронное наблюдение» содержит девять статей (ст. 723-7–723-13-1 УПК Франции). Применение этой меры возможно не более двух лет. В ст. 723-8 обращается внимание на то, что электронное наблюдение должно гарантировать уважение достоинства и конфиденциальность личности. Такое требование проявляется и в том, что при применении этой меры сотрудники пенитенциарной службы могут проверять осужденного в месте его нахождения, *просить* увидеть его, однако они *не могут* заходить в жилище без разрешения (ст. 723-9).

8. Раздел 7 «Упрощенные процедуры исполнения наказаний» состоит из одного параграфа «Положения, применяемые к свободным осужденным», чему посвящено семь статей (ст. 723-15–723-18 УПК Франции). Речь идет о процедурах, не связанных с лишением свободы (электронное наблюдение, исправительные работы, размещение вне учреждений и т. д.), а также о процессуальных полномочиях сотрудников пенитенциарных учреждений, прокуроров, пенитенциарных судей при их применении. Такие положения применяются, как правило, к осужденным на срок не более двух лет лишения свободы.

9. Раздел 9 «Положения, применяемые по судебному контролю к лицам, совершившим тяжкие преступления и проступки» содержит 13 статей (ст. 723-29–723-39 УПК Франции). Положения этого раздела применяются к лицам, осужденным к лишению свободы на срок не менее семи лет, или над которыми установлено социально-судебное наблюдение на срок не менее пяти лет, или осужденным за новое рецидивное преступление. Речь идет о принципиально новом явлении для российской действительности – уголовно-процессуальной регламентации мер судебного контроля, перечисленных в ст. 132-44, 132-45 Уголовного кодекса Франции. Они достаточно многочисленны, как-то: прибытие по повестке к судье или социальному работнику; подчинение контролю со-

циального работника и сообщение ему необходимых сведений об исполнении ограничений; извещение социального работника о смене места работы, жительства, перемещениях на срок свыше 14 дней, сообщение о возвращении; получение предварительного разрешения пенитенциарного судьи о смене места работы, жительства, о поездках за рубеж; занятие профессиональной деятельностью и учебой; выполнение предписаний медицинского и лечебного контроля, если это связано с употреблением наркотиков и алкоголя; запрет посещения заранее установленных мест; запрет встреч с заранее оговоренными лицами; запрет владения и ношения оружия; соблюдение санитарных, социальных, воспитательных, психологических ограничений, связанных с ресоциализацией и т. д. В разделе закреплены полномочия пенитенциарного судьи по сокращению, продлению, замене ограничений в связи с социально-судебным контролем. Содержание раздела свидетельствует о возможности не только демократичного, но если требуется, то и достаточно строгого регулирования соответствующих уголовно-процессуальных отношений.

Третья глава «Общие положения о различных пенитенциарных учреждениях» состоит из восьми статей (ст. 724–728 УПК Франции). Представляет интерес ст. 727-1, в которой говорится, что для предотвращения побегов, обеспечения порядка и безопасности в пенитенциарных и связанных с ними медицинских учреждениях министр юстиции может уполномочить сотрудников пенитенциарных учреждений досматривать (перехватывать, записывать, прекращать) переписку заключенных, в том числе при помощи разрешенных электронных средств, кроме переписки с адвокатами, которая фиксируется и хранится в течение года. В этой же статье говорится о прокурорском контроле за этим видом деятельности.

Четвертая глава «Денежные средства заключенных» состоит из одной статьи (ст. 728-1 УПК Франции), в которой говорится, что находящиеся на счете заключенного денежные средства подразделяются на три части: а) по которым истцы могут заявлять свои требования; б) замороженные до освобождения; в) для свободного пользования заключенным. Администрация учреждения может покрывать ущерб, причиненный заключенным, без дисциплинарного или уголовного преследования за счет его средств.

Пятая глава «Перевод заключенных» состоит из восьми статей (ст. 728-2–728-9 УПК Франции). Во второй раз (после главы 3) мы встречаем регулирование международного сотрудничества при отбытии уголовных наказаний, но по вопросам перевода заключенных. Здесь регламентируются уголовно-процессуальные полномочия судов, прокуроров, руководителей пенитенциарных учреждений при принятии заключенных, подтверждении их статуса, режима содержания и решения других вопросов.

В соответствии со ст. 798-9 УПК Франции повторное уголовное преследование или осуждение невозможно по тем же основаниям, по которым осужденный отбывал наказание во Франции.

В следующей главе вопросы регулирования международного сотрудничества продолжают.

Шестая глава «Исполнение решений по отбыванию наказаний в соответствии с рамочным соглашением Совета Европы от 27 ноября 2008 г. о приме-

нении принципа взаимного признания судебных решений об осуждении к лишению свободы и их исполнении» состоит из четырех разделов и 67 статей:

1) раздел 1 «Общие положения» состоит из пяти статей (ст. 728-10–728-14 УПК Франции);

2) раздел 2 «Положения, относящиеся к исполнению наказаний в странах Европейского союза по решению судов Франции» состоит из четырех параграфов (вопросы выдачи по запросам; перевод и транзит; соглашение о судебном преследовании и исполнении приговора за другое преступление; исполнение наказания) и 16 статей (ст. 728-15–728-30 УПК Франции);

3) раздел 3 «Положения, относящиеся к исполнению наказаний на территории Франции, вынесенных судами стран Европейского союза» состоит из шести параграфов (основания отказа признания и правоприменения; получение и расследование прокурором ходатайства о признании и приведение его в исполнение; решение о признании, приведении в исполнение, обжаловании; исполнение наказаний; перевод; предварительное заключение) и 40 статей (ст. 728-31–728-70 УПК Франции);

4) раздел 4 «Положения о транзите по французской территории» состоит из шести статей (ст. 728-71–728-76 УПК Франции). Министр юстиции дает разрешение на транзит по французской территории лиц, переданных с территории государства, вынесшего приговор, на территорию государства, исполняющего приговор. Правила транзита должны строго соответствовать французским законам и не допускать никаких дополнительных ограничений прав и свобод задержанных.

Таким образом в Пятой книге УПК Франции имеются три главы (3, 5, 6), шесть разделов и 117 статей, посвященных вопросам международного сотрудничества. Для сравнения: в УПК РФ часть пятая «Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства» состоит из четырех глав и 28 статей. Из этого можно сделать вывод, что УПК Франции не только более детально, но и более демократично регламентирует соответствующие уголовно-процессуальные отношения. В качестве примера можно привести ст. 462.1 УПК РФ «Транзитная перевозка выданных лиц». Во французском законодательстве аналогичным уголовно-процессуальным отношениям посвящен отдельный раздел, состоящий из шести статей. В соответствии со ст. 728-74 УПК Франции министр юстиции принимает решение о транзите как можно скорее, но не позднее одной недели после получения запроса. Согласно ст. 728-75 УПК Франции осужденное лицо может содержаться под стражей только в течение времени, строго необходимого для транзита по французской территории. Но если министр юстиции не может гарантировать, что осужденный не будет привлечен к ответственности, задержан или подвергнут иному ограничению его личной свободы на французской территории за действия или осуждение, имевшиеся ранее, он информирует об этом власти запрашивающей транзит стороны (ст. 728-73 УПК Франции). Очень удивительное для отечественного правоприменения полномочие господина министра и следствие этого полномочия!

Часть 3 «Об условном освобождении» состоит из 13 статей (ст. 729–733 УПК Франции). Целью условного освобождения провозглашена реинтеграция осужденного и предотвращение рецидива.

Статья 729-1 УПК Франции говорит о возможности сокращения срока наказания для осужденного на пожизненное заключение. Статья 729-2 говорит об условном освобождении иностранных граждан с их обязанностью покинуть территорию страны.

В этом разделе говорится также о разнообразных уголовно-процессуальных отношениях: о процедуре наложения наказаний различной степени тяжести, о комиссионном использовании мер безопасности, о полномочиях наблюдательной комиссии, о возможности проведения психолого-психиатрической экспертизы, об использовании иных смягчающих мер наказания, например исправительных работ, электронного наблюдения, probation и др.

Часть 3-а «Общественные работы» состоит из двух статей (ст. 733-1–733-2 УПК Франции), в которых регламентируются основания, условия и процессуальный порядок назначения этого вида наказания.

Часть 4 «Отсрочка и отложение» состоит из четырех глав и 19 статей (ст. 734–747-4 УПК Франции).

Первая глава «Простая отсрочка» содержит три статьи.

Вторая глава «Отсрочка с испытанием» содержит 10 статей.

Третья глава «Отсрочка с обязанностью выполнения общественных работ» содержит четыре статьи.

Четвертая глава «Отложение» содержит две статьи.

В этом разделе мы становимся свидетелями очень подробной регламентации институтов отсрочки и отложения: порядка избрания, изменения, отмены. Если в УПК РФ лишь одна ст. 398 говорит об отсрочке исполнения приговора, а в этой статье только ч. 2 упоминает лишь рассрочку уплаты штрафа, то во французском законодательстве судья по исполнению наказания может не только корректировать, изменять или отменять обязательства обвиняемого, но в некоторых случаях и накладывать дополнительные обязательства в соответствии с положениями данного раздела.

И опять мы становимся свидетелями демократических тенденций. Так, если осужденный соблюдает меры контроля и помощи, а также возложенные на него особые обязанности, то судья по исполнению наказаний может *объявить обвинительный приговор утратившим силу* (ст. 744 УПК Франции). Приостановление исполнения приговора не распространяется на возмещение ущерба, а также на инвалидность, запреты и дисквалификацию, вызванные осуждением (ст. 746 УПК Франции).

Часть 5 «Идентификация личности заключенного» – небольшая, состоит из одной статьи (ст. 748 УПК Франции), в которой говорится об особенностях в некоторых случаях публичного судебного оспаривания идентификации личности после задержания, побега и т. д. Такое оспаривание может возникнуть, например, в ходе или в связи с новым обвинением.

Отечественному правоприменителю, видимо, сложно понять, зачем надо в этом случае проводить открытое состязательное судебное разбирательство.

Часть 6 «Судебное принуждение» состоит из 12 статей (ст. 749–762 УПК Франции) и регламентирует случаи усиления судом наказания при уклонении осужденного от выполнения возложенных на него обязанностей. Как правило, это фиксированные сроки лишения свободы вместо штрафных санкций. Но эти

меры не применяются к несовершеннолетним и лицам, достигшим 65-летнего возраста. Регламентированы также иные права и обязанности субъектов, процессуальный порядок применения этой меры.

Часть 7 «Запрет пребывания», состоящая из шести статей (ст. 762-1–763 УПК Франции), регламентирует ограничения на появления осужденного в установленных судом местах и контроль такого ограничения. Запрет не может превышать 10 лет за преступление и 5 лет за проступок.

Сущность такого ограничение заключается: а) в регулярных отметках осужденного в уполномоченных службах, контролирующих исполнение судебного решения; б) информировании пенитенциарного судьи о перемещениях за пределы установленных ограничений; в) реагировании на запросы любого органа и должностного лица, осуществляющего указанный контроль.

Часть 7-а «Социально-судебное наблюдение», состоящая из 10 статей (ст. 763-1–763-9 УПК Франции), говорит о принципиально новом для отечественного правоприменителя институте. Меры социально-судебного наблюдения закреплены в ст. 132-44, 132-45 Уголовного кодекса Франции.

Социально-судебное наблюдение назначается по постановлению пенитенциарного судьи на срок не более 10 лет за проступки и 20 лет за преступления. Оно может быть как самостоятельным, так и дополнительным видом наказания. Несоблюдение этих мер влечет лишение свободы на срок до трех лет за проступки и до семи лет за преступления. При избрании социально-судебного наблюдения судья разъясняет осужденному последствия несоблюдения этих мер. В этой части регламентированы также вопросы возможного проведения медицинской экспертизы, лечения больных, иные процессуальные нарушения.

Часть 7-б «Электронное наблюдение в целях обеспечения безопасности» состоит из пяти статей (ст. 763-10–763-14 УПК Франции). Эта мера устанавливается, как правило, за год до освобождения заключенного с целью изучения его общественной опасности и возможности рецидива. Пенитенциарный судья назначает эту меру на срок не более двух лет (ст. 763-10 УПК Франции). Судья имеет право эту меру изменить, дополнить или отменить (ст. 763-11). Электронное наблюдение может быть установлено не позднее одной недели до освобождения осужденного (ст. 763-12). Применение этой меры должно гарантировать уважение достоинства, целостности и неприкосновенности личности, содействовать ее ресоциализации.

Часть 7-в «Исполнение заключения и probation в соответствии с рамочным решением Совета Европы от 27 ноября 2008 г.» в четвертый раз регламентирует вопросы международного сотрудничества в Пятой книге УПК Франции, но уже под углом зрения probation. Часть очень объемна, состоит из трех глав, трех разделов и 43 статей (ст. 764-1–764-43 УПК Франции):

1. Общие положения.
2. Положения, касающиеся признания и исполнения решений о probation в государствах Совета Европы, вынесенных французскими судами.
3. Положения, касающиеся признания и исполнения решений о probation во Франции, вынесенных судами стран Европейского союза:
  - а) принятие просьб о признании и исполнении решений о probation;
  - б) признание и исполнение решений о probation;

в) контроль исполнения probation, альтернативных мер и последующих решений в случаях непризнания.

Институт probation неизвестен российскому законодателю, но это эффективная форма контроля осужденного со стороны государства и гражданского общества, о необходимости которой неоднократно упоминалось в юридической литературе¹⁰.

Часть 7-г «Наказания по программе проверки», состоящая из одной статьи (764-44 УПК Франции), очень удивительна для отечественных правоприменителей. Речь идет о результатах работы французского антикоррупционного агентства, которое не реже 1 раза в год предоставляет Прокурору республики отчет о результатах работы по этому направлению.

В статье предусмотрено, что любой осужденный может сообщить прокурору о фактах коррупции или злоупотреблениях со стороны персонала (во французском языке это элегантно называется «о трудностях исполнения наказаний»). В случае подтверждения указанных «трудностей» прокурор может передать материалы дела пенитенциарному судье для *досрочного прекращения приговора* по мотивированному постановлению.

Ничего подобного в УПК РФ нет. Как и нет французского закона о прозрачности, борьбе с коррупцией и модернизацией экономической жизни (от 9 декабря 2016 г.). Наивно считается, что в этом просто нет никакой необходимости! Несмотря на то что в 2017 г. директор ФСИН А. Реймер был осужден на восемь лет за преступление коррупционной направленности, и с тех пор коррупционные скандалы с высокопоставленными сотрудниками регулярно сотрясают это ведомство.

Часть 8 «О юридическом учете (судимости)» состоит из 26 статей (ст. 768–781 УПК Франции). Но эти отношения регулируются также и 33 статьями (ст. R62 – R90 УПК Франции) декретов Государственного Совета, а всего 59 статьями.

Если в ст. 400 УПК РФ очень компактно и в самом общем виде говорится только о возможности снятия судимости, то во французском законодательстве судимость рассматривается гораздо шире. Это и постановка на один из трех видов централизованного учета (по степени тяжести), осуществляемого Министерством юстиции; и правовые последствия, ограничения, исправления; и перечень субъектов, которым могут быть предоставлены эти сведения (не только правоохранительным органам, но и работодателям, кредитно-финансовым, административным, международным и иным органам).

Отсутствие регламентации подобных вопросов в отечественном законодательстве означает использование в необходимых случаях сомнительного усмотрения со всеми его репрессивно-бюрократическими характеристиками, не ограниченными никакими демократическими правилами и институтами.

Часть 9 «Реабилитация заключенных» состоит из двух глав и 18 статей (ст. 782 – 799 УПК Франции). Если в отечественном законодательстве глава 18

---

¹⁰ См.: Уткин В. А. Европейские правила о probation и проблемы ее реализации // Вестник Томского гос. ун-та. Серия: Право. 2012. № 1. С. 45–50 ; Егоров А. О перспективах probation в России // Уголовно-исполнительная система : право, экономика, управление. 2016. № 4. С. 5–8.

УПК РФ «Реабилитация» состоит из семи статей, то в УПК Франции их 18, и даже целая глава посвящена реабилитации юридических лиц.

Часть 10 «Судебные издержки» состоит из 16 статей (ст. 800 – 803-7 УПК Франции) и 133 статей (ст. R91 – R249-8 УПК Франции) декретов Государственного Совета, а всего 149 статей.

Эта часть очень объемна потому, что в ней оговариваются абсолютно все потенциально возможные издержки, начиная от уголовного или восстановительного правосудия, полиции, гонораров экспертам, специалистам, в том числе за выполнение функций социального контроля, вспомогательному персоналу, медиаторам, представителям прокуратуры, переводчикам, иным вспомогательным специалистам по электронному обслуживанию и техническим средствам, расходы на поисковые и копировальные услуги, по архивной и проверочной деятельности для оправданных, по работе с несовершеннолетними, специалистам по защите детства, ипотечной регистрации и т. д.

В отличие от такого широкого подхода в отечественном законодательстве вопросы процессуальных издержек прописаны поверхностно, им посвящены только две статьи (ст. 131, 132 УПК РФ). По отечественному законодательству всё остальное издержками не признается, хотя субъекты могут нести большие потери в связи с уголовным преследованием.

Раздел УПК Франции, состоящий из статей декретов Государственного Совета, посвящен следующим вопросам:

– международное сотрудничество (раздел особых производств как упрощенная процедура для обмена информации, применяемая в рамках Совета Европы); состоит из пяти статей (ст. R49-35–R49-39);

– электронное наблюдение; состоит из трех частей: 31 статья в части «Об электронном наблюдении» (ст. R57-10–R57-30-10); 41 статья в части «Установка мобильного электронного наблюдения в качестве меры безопасности» (ст. R61-7–R61-42); и 11 статей в части «Мобильный электронный детектор приближения» (ст. R61-43–R61-53). Всего эти отношения урегулированы 83 статьями;

- «Об отложении» – из четырех статей (ст. R58 – R60-1);
- «О социально-судебном наблюдении» – из восьми статей (ст. R61– R61-6);
- «О юридическом учете (судимости)» – из 33 статей (ст. R62–R90);
- «О судебных издержках» – из 133 статей (ст. R91–R249-8).

На основании изложенного можно сделать следующие выводы.

1. Французское уголовно-процессуальное законодательство рассматривает исполнение наказания как составную часть исполнительного производства – более широкого явления, которое распространяется как на этап предварительного расследования (заключение под стражу, наложение ареста, электронное наблюдение и т. д.), так и на вопросы деятельности пенитенциарных учреждений, международного сотрудничества, технического контроля, юридического учета и др. Такие вопросы в отечественном правоведении традиционно относятся либо к другим стадиям самого уголовного процесса (например, меры уголовно-процессуального принуждения), либо к другим отраслям права (например, уголовного, уголовно-исполнительного), либо к другим отраслям знаний (например, криминалистика, оперативно-розыскная деятельность), хотя указанные правоотношения остаются по своей природе именно уголовно-про-

цессуальными, на что неоднократно обращалось внимание в юридической литературе¹¹. А уголовно-процессуальные отношения должны регулироваться именно УПК для недопущения потенциально различных интерпретаций в разных отраслях права.

Имеющийся в России Федеральный закон «Об исполнительном производстве» от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ не может считаться равноценным аналогом французского исполнительного производства, так как он в своих 130 статьях регулирует узкий круг правовых отношений, связанных с деятельностью пристава-исполнителя.

2. В рамках исполнительного производства рассматриваемые правоотношения получили чрезвычайно подробную, всестороннюю и детальную регламентацию. С одной стороны, явления, известные российскому уголовно-процессуальному законодательству (апелляционное обжалование, международное сотрудничество, реабилитация заключенных, исполнение предварительного заключения, судебные издержки и др.), уголовному или уголовно-исполнительному законодательству (положения о пенитенциарных учреждениях, о судимости, об общественных работах, перевод заключенных, денежные средства заключенных, запрет пребывания, электронное наблюдение в целях обеспечения безопасности, упрощенные процедуры исполнения наказаний и др.), сильно уступают по степени своей регламентации УПК Франции. С другой стороны, во французском законодательстве закреплены принципиально новые уголовно-процессуальные институты, отсутствующие в УПК РФ (например, пробация, судебские заседатели, судебская комиссия по применению наказания, социально-судебное наблюдение, кредит на сокращение срока наказания, период безопасности, наказание по программе соблюдения и др.).

Именно такой широкий подход объясняет, почему в Пятой книге УПК Франции имеются 622 статьи (416 статей законодательной части и 206 статей декретов Государственного Совета).

3. Бросается в глаза демократичность уголовно-процессуальной регламентации, соблюдение принципов и фундаментальных положений уголовного процесса, реальное уважение прав и свобод человека и гражданина.

Как это ни парадоксально, но в этом же направлении движется и вышеупомянутый Пленум Верховного Суда РФ¹², интерпретируя в сторону более широкого и демократичного понимания требований положений исполнения приговора главы 47 УПК РФ.

4. Представляется, что широкое понимание исполнительного производства повышает статус УПК Франции и в целом уголовного процесса. По степени сложности и значимости уголовно-процессуальные отношения превосходят даже уголовно-правовые, закрепленные в УК Франции. Если УПК Франции на

---

¹¹ См.: Тулянский Д. В. Стадия исполнения приговора в уголовном судопроизводстве. М., 2006. С. 16; Маликова Н. Б. Процессуальные нормы уголовно-исполнительного права и их функции при исполнении лишения свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2005.

¹² О практике применения судами законодательства об исполнении приговора: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21 // БВС РФ. 2012. № 2; Рос. газета. 2011. 30 дек.

сайте Legifrance занимает 1704 страниц¹³, то УК Франции занимает 391 страницу, или в 4,7 раза меньше. При этом следует иметь в виду, что в стране нет уголовно-исполнительного кодекса.

5. Историческая близость корней российского и французского уголовно-процессуального законодательства наталкивает на мысль, а не стоит ли провести критическую переоценку УПК РФ и ввести в его структуру исполнительное производство для более детальной и демократической регламентации уголовно-процессуальных отношений с перспективой их унификации с европейской системой. А если посмотреть шире, то и задуматься, не стоит ли отечественный УПК приблизить к французскому (или другому европейскому)? Ведь по здравой логике рано или поздно мы всё равно к этому должны прийти. И немаловажно, что этот путь способен существенно повысить статус уголовного процесса.

Представляется, что эти вопросы достойны серьезного обсуждения.

---

¹³ Code de procédure pénale – Dernière modification le 30 novembre 2020 – Document généré le 01 décembre 2020 Copyright (C) 2007–2020 Legifrance.

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева*

Белоносов В. О., доктор юридических наук, доцент, профессор
кафедры уголовного процесса и криминалистики

National Research University named after Academician S. P. Korolev
Belonosov V. O., Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Professor
of the Criminal Process and Criminalistics Department
E-mail: vladimirbelonosov@yandex.ru

СПОСОБЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВОЗМЕЩЕНИЯ ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ УЩЕРБА

В статье на основе анализа статистических данных и правоприменительной практики показана неэффективность существующего механизма компенсации причиненного преступлением ущерба. Высказаны предложения по созданию компенсационных фондов для возмещения вреда потерпевшим. Предложены механизмы финансирования деятельности таких фондов и показаны источники их потенциального финансирования.

К л ю ч е в ы е с л о в а: гражданский иск, возмещение ущерба, защита имущественных прав потерпевших, доступ к правосудию.

WAYS TO INCREASE THE EFFICIENCY OF COMPENSATION FOR CRIME DAMAGES

In this article, based on the analysis of statistical data and law enforcement practice, the ineffectiveness of the existing mechanism for compensating for the damage caused by the crime is shown. Proposals were made on the creation of compensation funds to compensate for the harm to victims. The mechanisms of financing the activities of such funds are proposed and the sources of their potential financing are shown.

K e y w o r d s: civil action, compensation for damages, protection of property rights of victims, access to justice.

Поступила в редакцию 10 марта 2021 г.

Проблема защиты имущественных прав потерпевших от преступлений стоит в отечественной правоприменительной практике достаточно остро. Немало внимания этому вопросу традиционно уделяется и в научной литературе¹. К сожалению, реалии таковы, что положение дел в этой сфере часто далеко от желаемого. Происходит это в силу разных причин. Каковы же основные проблемы, возникающие у лиц, пытающихся защитить и восстановить свои имущественные права, нарушенные преступлением?

Статистические данные свидетельствуют о том, что в 2018 г. на территории Российской Федерации было зарегистрировано около 2 млн преступле-

¹ См.: Волосова Н. Ю., Баловнева В. И. Концепция обеспечения защиты имущественных и неимущественных прав потерпевшего – юридического лица в уголовном судопроизводстве России : современное состояние и перспективы развития. М., 2019 ; Иванов Д. А. Возмещение имущественного вреда, причиненного преступлением в досудебном производстве. М., 2016 ; Муратова Н. Г., Хасаншина Р. Г. Сущность и значение возмещения вреда потерпевшему при принятии процессуальных решений по уголовным делам. М., 2016 ; Никурадзе Н. О. Защита прав гражданского истца в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2017 ; Лазарева В. А., Иванов В. В., Утарбаев А. К. Защита прав личности в уголовном процессе России : учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2017. С. 56–67.

ний², в 2019 г. – немногим более 2 млн преступлений³. За 2020 г. эта цифра увеличилась на 1 % и составила 2 млн 44 тыс. преступлений⁴. Сумма причиненного ущерба в 2018 г. составила более 563 млрд рублей; в 2019 г. – более 627 млрд рублей; в 2020 г. зафиксировано снижение, и сумма ущерба составила 512 млрд рублей.

Действующее законодательство закрепляет институт гражданского иска как механизм защиты и восстановления нарушенного преступлением имущественного права. Судами страны ежегодно рассматривается значительное число уголовных дел, по которым удовлетворяются заявленные гражданские иски. Так, в 2018 г. было рассмотрено более 105 тыс. исков, удовлетворено полностью или частично – более 83 тыс. исков по уголовным делам на общую сумму более 44 млрд рублей⁵. В 2019 г. было рассмотрено более 107 тыс. гражданских исков, удовлетворено (полностью или частично) более 80 тыс. исков на общую сумму более 341 млрд рублей⁶. За первые 6 месяцев 2020 г. было удовлетворено судами более 31 тыс. гражданских исков на сумму более 113 млрд рублей⁷.

Из приведенных статистических данных виден не только масштаб проблемы, т. е. сумма причиненного преступлением ущерба, но и реальный размер удовлетворенных требований потерпевших. Фактически складывается ситуация, которую условно можно назвать «воронка». Количество удовлетворенных исков меньше числа заявленных по уголовным делам (не будем забывать о нераскрытых преступлениях). То же самое возникает и при сопоставлении размера причиненного вреда с размером удовлетворенных судами исковых требований (примерно каждый шестой иск из числа рассмотренных судами удовлетворяется частично, т. е. не в полном объеме. О делах, не дошедших до стадии судебного разбирательства, также не забываем).

Официальные статистические данные Федеральной службы судебных приставов РФ свидетельствуют, что в 2019 г. было возбуждено более 88 тыс. исполнительных производств о возмещении ущерба от преступлений на сумму более 236 млрд рублей, а всего в производстве находилось более 256 тыс. исполнительных производств на сумму около 450 млрд рублей. Остаток исполнительных производств о возмещении ущерба от преступлений по итогам 2019 г. составил около 195 тыс. производств на сумму более 374 млрд рублей⁸. Окончено было всего более 60 тыс. исполнительных производств на сумму, немного превышающую 70 млрд рублей. При этом фактическим исполнением

² URL: <https://мвд.рф/reports/item/16053092/> (дата обращения: 21.12.2020).

³ См.: Состояние преступности в России за январь–декабрь 2019 года // Официальный сайт Министерства внутренних дел. URL: <https://мвд.рф/reports/3/> (дата обращения: 21.12.2020).

⁴ URL: <https://мвд.рф/reports/item/22678184> (дата обращения: 05.02.2021).

⁵ URL: <http://www.cdcp.ru/index.php?id=79&item=4891> (дата обращения: 20.12.2020).

⁶ URL: <http://www.cdcp.ru/index.php?id=79&item=5258> (дата обращения: 05.02.2021).

⁷ URL: <http://www.cdcp.ru/index.php?id=79&item=5461> (дата обращения: 05.02.2021).

⁸ URL: <https://fssp.gov.ru/statistics/> (дата обращения: 05.02.2021).

было окончено лишь 18 тыс. производств и взыскано 2,3 млрд рублей в пользу потерпевших от преступлений⁹.

Аналогичная картина эффективности имущественных взысканий причиненного преступлением вреда по приговорам судов наблюдается и в 2020 г. Было возбуждено более 97 тыс. исполнительных производств о возмещении ущерба от преступлений на сумму более 225 млрд рублей, а всего в производстве находилось более 314 тыс. исполнительных производств на сумму более 626 млрд рублей. Остаток исполнительных производств о возмещении ущерба от преступлений по итогам 2020 г. составил более 271 тыс. производств на сумму более 544 млрд рублей¹⁰. Окончено было всего более 42 тыс. исполнительных производств на сумму, превышающую 71 млрд рублей. При этом фактическим исполнением было окончено лишь около 19 тыс. производств и взыскана сумма менее 2 млрд рублей¹¹.

Приведенные статистические данные свидетельствуют о крайне невысоком уровне возмещения вреда, причиненного преступлением. Безусловно, за рамками приведенных цифр остаются суммы, выплаченные обвиняемыми добровольно в качестве компенсации вреда потерпевшим, и случаи возврата в натуре похищенного имущества. Но сопоставление только сумм причиненного преступлением вреда в 627 и 512 млрд рублей за 2019 и 2020 гг. и реальное взыскание в пользу потерпевших порядка 2 млрд рублей за те же годы – это крайне удручающие цифры. В процентном выражении данная сумма колеблется на уровне 0,4 %, т. е. в пределах статистической погрешности.

Причины такой ситуации различны. Во-первых, неустановление лица, совершившего преступление. В подобной ситуации просто не к кому предъявлять имущественные требования. На протяжении последних трех лет раскрываемость преступлений составляет немногим более 50 % от числа зарегистрированных.

Во-вторых, низкий уровень доходов лиц, совершивших преступления, либо отсутствие у них каких-либо легальных источников доходов (что нередко и толкает на совершение преступления). К этой группе примыкают и ситуации непринятия или несвоевременного принятия мер по наложению органами предварительного расследования ареста на имущество обвиняемого, подозреваемого. Игнорирование требований ст. 160.1 УПК РФ, предписывающей налагать арест на имущество подозреваемого, обвиняемого в случаях, когда установлено, что преступлением причинен имущественный вред, является отдельной самостоятельной проблемой и обусловлено рядом факторов. Изучение опубликованных статистических данных Судебного Департамента при Верховном Суде РФ показывает, что вопрос о наложении ареста на имущество рассматривался судами в 2018 г. более 41 тыс. раз, в 2019 г. – 40 тыс. раз. Удовлетворялось судами порядка 35 тыс. обращений ежегодно. И это, напомним, при цифре в 2 млн преступлений, регистрируемых ежегодно, и при наличии

---

⁹ URL: <https://fssp.gov.ru/statistics/> (дата обращения: 05.02.2021).

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

более 100 тыс. гражданских исков, рассматриваемых по уголовным делам судами ежегодно в 2018 и 2019 гг.

В-третьих, практике известно немало примеров, когда размер вреда, причиненного преступлением, присужденный к взысканию с осужденного, многократно превышает суммы, которые он может заработать за период отбывания наказания в виде лишения свободы или даже за всю свою жизнь. Так, в исправительных учреждениях сегодня отбывают наказание в виде лишения свободы ряд лиц, осужденных за хищение чужого имущества в особо крупных размерах. Суммы удовлетворенных исковых требований исчисляются десятками и сотнями миллионов рублей. Речь идет о лицах, совершивших преступления в сфере долевого строительства, по вине которых появились несколько десятков, а иногда и сотен «обманутых дольщиков», либо руководители банковских учреждений или организаций – «финансовых пирамид». Такие осужденные нередко оказываются привлеченными к труду в местах лишения свободы. У них имеется постоянный доход, размер которого, как правило, не превышает минимального размера оплаты труда, а нередко и ниже этой величины. И из дохода таких лиц производятся удержания в сумме 50 % от их дохода. На первый взгляд все выглядит благопристойно, если бы не то, что по исполнительным листам на счета потерпевшим перечисляются ежемесячно суммы в размере от нескольких копеек до нескольких рублей. Нехитрые арифметические вычисления показывают, что для полного возмещения вреда осужденный должен работать и выплачивать 50 % своего заработка потерпевшим в течение нескольких сотен или даже нескольких тысяч лет. При этом изменения законодательства, произошедшие в последние годы, предписывают извещать потерпевших о времени и месте рассмотрения ряда ходатайств осужденных (об условно-досрочном освобождении, о замене наказания более мягким) и учитывать факт возмещения осужденным вреда, причиненного преступлением, но не содержат жесткой привязки решения вопросов исполнения наказания в зависимости от возмещения причиненного преступлением имущественного вреда.

Утвержденное Указом Президента РФ от 14 декабря 2020 г. № 787 «Положение о порядке рассмотрения ходатайств о помиловании в РФ» также предписывает при рассмотрении ходатайств о помиловании принимать во внимание возмещение материального ущерба, причиненного преступлением (подп. «е» п. 21 Положения). Таким образом, действующее законодательство не позволяет говорить о жесткой привязке факта возмещения вреда к порядку отбывания наказания и освобождению от него по различным основаниям в стадии исполнения приговора. Иначе говоря, возмещение вреда должно учитываться судом, рассматривающим ходатайство об условно-досрочном освобождении или о помиловании. Но решающее значение при принятии этих решений имеют совершенно другие факторы.

В связи с этим встает закономерный вопрос: что следует сделать для повышения защищенности потерпевших и восстановления их имущественных прав, нарушенных преступлением? Представляется, что одним из вариантов решения данной проблемы может являться создание адекватных компенса-

ционных механизмов. В качестве примера можно предложить создание фонда помощи потерпевшим. Эта идея не нова, она неоднократно обсуждалась на страницах научных изданий еще в 90-е гг. XX в. В качестве примера традиционно приводятся положения ч. 3 ст. 30 Закона РСФСР от 24 декабря 1990 г. «О собственности». Согласно этой норме «ущерб, нанесенный собственнику преступлением, возмещается государством по решению суда. Понесенные при этом государством расходы взыскиваются с виновного в судебном порядке в соответствии с законодательством РСФСР». Общеизвестно, что указанная норма просуществовала недолго и ее действие приостанавливалось каждый год законом о бюджете, пока сам закон не был отменен (в связи с принятием Гражданского кодекса РФ).

Сама идея компенсационного фонда для потерпевших от преступлений не вызывает сомнений в своей полезности. Но возникает вопрос об источниках финансирования этого фонда и определения, оснований, круга случаев и пороговых значений величины возмещения. Полагаем, что эти вопросы должны обсуждаться, и многие предложенные варианты имеют право на существование. Зарубежная практика показывает, что подобные фонды могут существовать как за счет отчислений из государственной казны, так и за счет пожертвований со стороны благотворительных организаций, а также за счет средств, взыскиваемых с самих осужденных (на последнем хотелось бы остановиться подробнее).

В соответствии с п. 9 ст. 46 Бюджетного кодекса РФ «суммы штрафов (судебных штрафов), установленных Уголовным кодексом Российской Федерации, подлежат зачислению в федеральный бюджет по нормативу 100 процентов». Изучение статистики показывает, что только в 2020 г. в производстве органов ФССП России находилось 173 тыс. исполнительных производств по взысканию штрафов по приговорам судов на сумму более 45 млрд рублей. За тот же период почти с 41 тыс. производств была взыскана сумма, превышающая 2,3 млрд рублей. Статистика 2019 г. сопоставима с приведенными данными¹². При этом общая сумма назначенного судами судебного штрафа (в рублях) по прекращенным уголовным делам (ст. 76.2, 104.4 УК РФ, 25.1 УПК РФ) в качестве меры уголовно-правового воздействия составляла более 783 млн рублей. Сегодня указанные денежные средства поступают в федеральный бюджет и не имеют никакого целевого предназначения, являясь просто одним из источников пополнения казны.

В подтверждение своих предложений приведем еще один аргумент. Практика применения судебного штрафа в качестве меры уголовно-правового воздействия свидетельствует, что для применения данной процедуры обвиняемые не ограничиваются принесением извинений и заглаживанием причиненного преступлением вреда. В ряде случаев для подтверждения своего раскаяния в содеянном они осуществляют благотворительные взносы в детские дома, социальные приюты, дома престарелых либо в социально ориентированные некоммерческие организации (например, оказывающие помощь и реабилитацию наркозависимым).

---

¹² URL: <https://fssp.gov.ru/statistics/> (дата обращения: 05.02.2021).

Полагаем, что на законодательном уровне следует закрепить правило о направлении на финансирование компенсационного фонда помощи потерпевшим от преступлений средств, взыскиваемых в качестве штрафов по приговорам судов, а также штрафов, взыскиваемых в качестве меры уголовно-правового воздействия. Такой подход будет в полной мере согласовываться с положениями ст. 52 Конституции РФ, гарантирующей потерпевшим от преступлений доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба.

*Самарский национальный исследовательский университет имени
академика С. П. Королева*

Иванов В. В., кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного
процесса и криминалистики

Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev
Ivanov V. V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Criminal
Process and Criminalistics Department
E-mail: ivanov_sl@rambler.ru

ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ В ПРОЦЕДУРАХ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ ГЛАВАМИ 32.1, 40 И 40.1 УПК РФ

Статья посвящена вопросу применения классической концепции формирования доказательств в упрощенных процедурах, предусмотренных главами 32.1, 40 и 40.1 УПК РФ. Автор приходит к выводу о том, что эта концепция реализуется в указанных процедурах не в полной мере, анализирует связанные с этим проблемы нормативного регулирования и правоприменения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: досудебное соглашение о сотрудничестве, сокращенное дознание, особый порядок судебного разбирательства при согласии с предъявленным обвинением, концепция формирования доказательств.

FEATURES OF PROVING IN PROCEDURES PROVIDED BY CHAPTERS 32.1, 40 AND 40.1 OF CRIMINAL PROCEDURE CODE OF RUSSIAN FEDERATION

The article is dedicated to the application of classical concept of the formation of evidence in simplified procedures provided for in chapters 32.1, 40 and 40.1 of Criminal Procedure Code of Russian Federation. The author comes to conclusion that this concept is not fully implemented in these procedures, analyzes the related problems of normative regulation and law enforcement.

К е у w o r d s: pre-trial agreement on cooperation, abbreviated inquiry, a special order of proceeding in the agreement with the accusation, the concept of formation of evidence.

Поступила в редакцию 15 февраля 2021 г.

Традиционный подход к доказыванию в своей основе имеет концепцию формирования доказательств. Развитие этой концепции связано с именем профессора Семена Абрамовича Шейфера. Согласно концепции собирание доказательств представляет собой систему «действий, обеспечивающих восприятие субъектом доказывания объективных существующих следов изучаемого события, сопровождающихся формированием в сознании познавательного образа, а также действий, обеспечивающих сохранение этого образа путем процессуальной фиксации результатов восприятия»¹. Иными словами, допустимые доказательства – это только те сведения, которые могут быть собраны исключительно следователем (дознавателем) и только путем производства следственных действий. Полученные и удостоверенные таким образом сведения и для суда имеют силу доказательств.

Другой уважаемый представитель Куйбышевской (Самарской) научной школы Валентина Александровна Лазарева, высоко оценивая научный вклад Семена Абрамовича, отмечает, что концепция формирования доказательств с учетом системы принципов, установленных действующим УПК РФ, противоречит реальности, не позволяет объяснить «новые («непроцессуальные») спо-

¹ Шейфер С. А. Собирание доказательств в советском уголовном процессе. Методологические и правовые проблемы. Саратов, 1986. С. 24.

собы получения доказательств, а также новые (условно говоря, упрощенные) формы судопроизводства, а гипертрофированное значение, которое придается процессуальной форме как единственному условию допустимости доказательств, превращается в тормоз для развития состязательности»². Автор отмечает, что данная концепция не согласуется с правом стороны защиты на соби́рание доказательств. В частности, к сведениям, собранным защитником, не должны предъявляться общепринятые критерии допустимости доказательств.

Еще один, не менее известный представитель Куйбышевской (Самарской) научной школы Александр Алексеевич Тарасов полностью поддерживает концепцию формирования доказательств, критикуя позицию Валентины Александровны. В статье, написанной в соавторстве с Семеном Абрамовичем, Александр Алексеевич указывает, что мысль о формировании доказательств непроцессуальным путем – «смелая, но необоснованная»³. При таком подходе ненужными оказываются все детально сформулированные в законе правила проведения следственных действий, посредством которых сведениям и придается надлежащая процессуальная форма. Тогда, делают вывод авторы, от предварительного расследования ничего не останется⁴.

Не смея вступать в спор корифеев уголовно-процессуальной науки, сосредоточимся на вопросе об актуальности этой теории для предусмотренных главами 32.1, 40 и 40.1 УПК РФ упрощенных процедур, появление которых в определенной степени связано с признанием состязательности принципом уголовного процесса.

Обратимся к первому по хронологии закрепления в УПК РФ особому порядку судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением (глава 40). По замыслу законодателя, особенности доказывания в этой процедуре не связаны со стадией предварительного расследования. Требование о всестороннем, полном и объективном исследовании всех обстоятельств, входящих в предмет доказывания, которые косвенно вытекают из норм ст. 73, 152, 154 УПК РФ, в полной мере действует и в этой форме судопроизводства. При этом законодатель не называет в качестве обязательного такое условие постановления приговора в особом порядке, как признание обвиняемым своей вины в совершении преступления, сделанное именно в ходе предварительного расследования. Обвиняемый, пользуясь правами, предоставленными ему ст. 51 Конституции РФ, ст. 47 УПК РФ, может как давать показания, так и отказаться от дачи показаний, признать вину полностью, частично или не признавать вину. При этом если обвиняемый сделает признание, оно, как следует из ст. 77 УПК РФ, может быть положено в основу обвинения только при подтверждении другими доказательствами, собранными по делу. Согла-

² Лазарева В. А., Шейфер С. А. Концепция формирования доказательств // Юрид. вестник Самарского ун-та. 2017. Т. 3, № 4. С. 46.

³ Шейфер С. А., Тарасов А. А. Требуют ли принцип состязательности и положения ч. 3 ст. 86 УПК создания новой теории доказательств? // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России : межвуз. сб. науч. статей / под ред. В. А. Лазаревой. Самара, 2007. Вып. 2. С. 17.

⁴ См.: Там же.

сие с обвинением необходимо позже, а именно при ознакомлении с материалами дела, когда обвиняемый заявляет ходатайство о рассмотрении дела в особом порядке. При этом согласие с обвинением, безусловно, не идентично признанию вины и может носить весьма формальный, пассивный характер. Такого согласия, как следует из положений постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 декабря 2006 г. № 6 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел», достаточно для того, чтобы суд мог назначить рассмотрение дела в особом порядке (п. 3).

Заметим, что наши рассуждения связаны исключительно с анализом закона, а не практики, которая, как известно, всегда отличается от нормативной модели поведения правоприменителя в конкретной ситуации. Так, ученые отмечают, что у следователей в этой процедуре отсутствует мотивация к осуществлению расследования полно, всесторонне и объективно. Они ограничиваются минимальной совокупностью доказательств, во главу которой во что бы то ни стало стараются поставить признание обвиняемым своей вины в совершении преступления. В то же время ключевые положения концепции формирования доказательств свои позиции в досудебной части особой процедуры не сдают – доказательства формируются следователем путем совершения традиционных следственных действий, а сведения, полученные непроцессуальным путем, становятся доказательствами только после легитимации их в этом качестве следователем. Иными словами, к непроцессуальной информации по-прежнему применяются процедуры их обнаружения, осмотра и приобщения, которые, хотя УПК РФ не регулируются, однако на практике к ним относятся как к надлежащему способу придания им статуса доказательств. С. Б. Россинский справедливо называет эти процедуры «теоретическими фантомами»⁵.

«Привычкой» ориентироваться на общепринятую концепцию формирования доказательств можно назвать и подход судей к решению проблемы доказывания в процедуре, предусмотренной ст. 316 УПК РФ. В частности, опрошенные нами мировые и районные судьи г. Самары полагают, что в особом порядке законодатель освободил их от обязанности проверять доказательства, собранные стороной обвинения, подтверждая тем самым мнение многих ученых о том, что в судебном заседании, проводимом в порядке ст. 316 УПК РФ, приговор выносится судом на основании материалов предварительного расследования⁶. В связи с этим в судебном разбирательстве, предусмотренном главой 40 УПК РФ, отсутствует и доказывание, и судебное следствие – этап, в котором осуществляется непосредственное исследование доказательств⁷. Основание так считать дает ч. 5 ст. 316 УПК РФ, согласно которой исследование и оценка доказательств в судебном заседании в общем порядке судьей не проводятся.

---

⁵ Цит. по: *Брестер А. А.* Об ошибочном отнесении особого порядка принятия судебного решения к уголовно-процессуальной деятельности // *Актуальные проблемы российского права.* 2015. № 12 (61). С. 141–142.

⁶ См.: *Дорошков В. В.* Особый порядок судебного разбирательства // *Уголовное судопроизводство.* 2010. № 3. С. 23–28.

⁷ См.: *Россинский С. Б.* Собираение доказательств как «первый» этап доказывания по уголовному делу // *Юрид. вестник Самарского ун-та.* 2020. Т. 6, № 3. С. 96.

Представляется, что идея законодателя все-таки состояла в другом. Как следует из ч. 7 ст. 316 УПК РФ, приговор суда в особом порядке основан не на признании обвиняемым своей вины в совершении преступления, а на проверенной и оцененной судом совокупности доказательств, обосновывающих виновность лица в совершении преступления. Этим отечественная упрощенная процедура отличается от американской сделки о признании вины. Необходимость выполнения этого требования закона обуславливает проведение судебного следствия в процедуре, предусмотренной ст. 316 УПК РФ, хотя и в довольно сокращенном виде. Если к доказыванию подходить с новой позиции как деятельности не только познавательной, но и аргументационной, направленной на обоснование субъектом доказывания своих выводов⁸, его осуществление становится возможным в двух формах – опосредованной и непосредственной. Исследование и оценка судом доказательств, позволяющих убедиться в наличии обстоятельств, входящих в главный факт, осуществляется в процедуре, предусмотренной главой 40 УПК РФ, в опосредованной форме. Доказывание при этом смещается в стадию подготовки уголовного дела к судебному заседанию и состоит в изучении и предварительной оценке судьей материалов уголовного дела⁹.

Непосредственному исследованию в особом судебном заседании подлежат обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность обвиняемого, характеризующие его личность, поскольку это является условием вынесения судом справедливого решения. При этом, как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 5 декабря 2006 г. № 60, исследование указанных обстоятельств может проводиться всеми предусмотренными процессуальным законом способами, в том числе путем исследования дополнительно представленных материалов, а также допроса свидетелей по этим обстоятельствам. Представляется, что данное разъяснение верно и для принятия судом решения по заявленному гражданскому иску. Стороны в судебном заседании в особом порядке могут представлять дополнительные материалы (справки, характеристики и т. д.). Их достоверность должна быть также проверена судом. Очевидно, что суду не запрещается при необходимости входить и в оценку допустимости доказательств. В пользу данной позиции говорят ч. 2 ст. 50 Конституции РФ, согласно которой недопустимо использовать при осуществлении правосудия доказательства, полученные с нарушением федерального закона, а также положения УПК РФ, закрепляющие право на обжалование приговора, постановленного в особом порядке по мотиву процессуальных нарушений, в число которых входит и использование доказательств, полученных с нарушением закона. Данный вывод косвенно подтверждается и разъяснением Пленума Верховного Суда РФ, который в постановлении от 5 декабря 2006 г. № 60 указал, что глава 40 УПК РФ не содержит норм, запрещающих принимать по делу, рассматриваемому в особом порядке, иные, кроме обвинительного

⁸ См.: *Россинский С. Б.* Особый порядок судебного разбирательства как форма доказывания обстоятельств уголовного дела : возражения оппонентам // *Законы России : опыт, анализ, практика.* 2016. № 4. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

⁹ См.: *Качалова О. В.* Теоретические основы ускоренного производства в российском уголовном процессе. М., 2015. С. 174.

приговора, решения, если для этого не требуется исследование собранных по делу доказательств, и фактические обстоятельства при этом не изменяются.

Таким образом, исследование и оценка доказательств судом в процедуре, предусмотренной ст. 316 УПК РФ, проводятся, но в особом порядке. Теперь вернемся к концепции формирования доказательств. Данная концепция приоритет в формировании доказательств отдает следователю. Суд в качестве субъекта, формирующего доказательства, выступает лишь в случае, когда он в общем судебном заседании приобщает к материалам дела новые материалы, представленные сторонами, а также участвует в допросе свидетелей, потерпевших, подсудимых. В случае исследования протоколов следственных действий, заключений экспертов и специалистов, оглашения показаний свидетелей, потерпевших, обвиняемых, данных в ходе предварительного расследования, суд доказательства не формирует, поскольку они уже сформированы следователем. Исследование указанных сведений судом в общем порядке отличается от изучения материалов уголовного дела в особом порядке тем, что оно осуществляется в устной форме и с участием сторон. По сути, исследование судом этих доказательств сводится к проверке соответствия закону способа их собирания следователем. Содержание указанных доказательств оценивается судом позже при вынесении решения в совещательной комнате. Очевидно, что та же оценка доказательств проводится судом и в особом порядке. Различие только в том, что в первом случае суд должен отразить эту оценку в приговоре.

Таким образом, несмотря на то что особый порядок судебного разбирательства своими корнями уходит в англо-американскую и романо-германскую процессуальную традицию, концепция формирования доказательств, развившаяся в недрах советского уголовного процесса, в соответствии с которой материалам предварительного расследования придается значение судебных доказательств, находит в ней применение.

Усилить позиции суда по формированию доказательств позволит, на наш взгляд, закрепление в законе положений о допросе подсудимого, а также допросе потерпевшего и свидетелей, в том числе по инициативе суда. Мы исходим из того, что данные виды доказательств могут считаться только сформированными, если они были непосредственно восприняты судом. И никаких исключений для особого порядка в этом смысле не должно допускаться.

Следующей процедурой, связанной со спецификой доказывания, стал особый порядок судебного разбирательства при заключении с обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве. Сходство с первой процедурой состоит в том, что законодатель в досудебном производстве не предусматривает никаких упрощений в доказывании, тогда как судебное следствие в связи с согласием лица, сотрудничающего со следствием, с предъявленным обвинением сокращается.

Вместе с тем необходимо обратить внимание на следующее. Условиями заключения досудебного соглашения о сотрудничестве и рассмотрения уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства являются соответственно выраженное в ходатайстве подозреваемого/обвиняемого о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве намерение выполнить

определенные положительные посткриминальные действия в целях содействия расследованию и впоследствии подтвержденное представлением прокурора выполнение подозреваемым/обвиняемым этих действий. К таким действиям ч. 2 ст. 317.1, ч. 1 ст. 317.5, ч. 4 ст. 317.7 УПК РФ относит оказание содействия в расследовании и раскрытии преступления, изобличении других соучастников преступления, розыске имущества, добытого преступным путем, возмещении ущерба, причиненного преступлением. Эти же действия признаются п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ смягчающими ответственность обстоятельствами, входят согласно ст. 73 УПК РФ в предмет доказывания по уголовному делу и устанавливаются доказательствами, указанными в ст. 74 УПК РФ. Вместе с тем ч. 1 ст. 317.5 УПК РФ говорит о том, что прокурор рассматривает поступившее от следователя уголовное дело и материалы, подтверждающие выполнение обвиняемым обязательств и соблюдение условий, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве. Иными словами, законодатель исходит из возможности установления обстоятельств, подтверждающих сотрудничество обвиняемого со следствием, какими-то материалами, состав которых законом не раскрывается. Можно предположить, что к таким материалам относятся материалы оперативно-розыскной деятельности, материалы проверок сообщений о преступлениях, материалы других уголовных дел, возбужденных благодаря сотрудничеству подозреваемого/обвиняемого со следствием. Такой вывод следует из приказа Генеральной прокуратуры РФ от 15 марта 2010 г. № 107 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам» (п. 1.4, 1.13), а также постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве». Поскольку в досудебном производстве обязанность подтвердить выполнение обвиняемым соглашения возложена законом (ст. 317.5, ч. 1 ст. 317.6 УПК РФ) на надзирающего прокурора, а в судебном – на государственного обвинителя, очевидно, что указанные материалы должны предоставляться именно ими в распоряжение суда (п. 16). Но поскольку прокурор в доказывании в досудебном производстве участвует опосредованно через осуществление им надзорных полномочий за следствием и дознанием, собрать и предоставить указанные материалы прокурору, очевидно, должен следователь. Эти материалы, будучи сформированными вне рамок производства по уголовному делу, выделенному в отдельное производство в отношении лица, сотрудничающего со следствием, ни одному из классических критериев допустимости доказательств не соответствуют. Тем не менее следователь, осуществляющий расследование по выделенному делу, использует их в доказывании. Тоже можно сказать о прокуроре и суде. Первый проверяет эти материалы путем их прочтения, второй – заслушивания, но реальными средствами для проверки их доброкачественности ни тот ни другой не обладают. Единственным надежным материалом, подтверждающим выполнение обвиняемым соглашения в полном объеме, могут служить вступившие в законную силу приговоры, вынесенные по тем уголовным делам, которые были возбуждены в результате сотрудничества обвиняемого со

следствием. Мы согласны с А. В. Боярской, что двойственность природы материалов, подтверждающих соблюдение обвиняемым условий соглашения, позволяет говорить о неодинаковых требованиях, которые предъявляются к получению, оформлению, проверке, оценке и использованию соответствующих материалов. «С первой категорией материалов все достаточно просто – это стандартные доказательства, соответственно, обычными являются и правила работы с ними. В отношении же материалов второй категории положения действующего законодательства не дают возможности понять, какова их юридическая природа, кто и как их получает, оформляет и оценивает»¹⁰. Очевидно, что данная ситуация в традиционную концепцию формирования доказательств не укладывается. Вместе с тем обобщение самарской практики показывает, что в досудебных соглашениях о сотрудничестве указываются, как правило, обязательства подозреваемого/обвиняемого, связанные с его участием в следственных действиях по выделенному уголовному делу (опознание, очные ставки, допрос). В приговорах суды ограничиваются перечислением тех действий, которые фактически выполнил обвиняемый (дал показания, опознал соучастников и т. д.). При этом анализ и оценка доказательств, собранных в результате производства тех следственных действий, в которых участвовал обвиняемый, сотрудничающий со следствием, в приговорах не приводятся. Если в результате сотрудничества обвиняемого со следствием были возбуждены уголовные дела, об этом лишь упоминается в приговоре, без ссылок на материалы, которые это подтверждают. Возможно, это обусловлено тайной предварительного расследования, которое еще продолжается по этим уголовным делам. Однако это еще раз подтверждает, что постановления о возбуждении иных уголовных дел, копии протоколов следственных действий, проведенных в рамках расследования по ним, и другие подобные материалы вряд ли обладают свойством допустимого доказательства в уголовном деле, выделенном в отдельное производство в отношении сотрудничающего со следствием лица.

Последним по времени в УПК РФ было введено сокращенное дознание (глава 32.1), которое автоматически влечет за собой рассмотрение судом дела в особом порядке, предусмотренном ст. 226.9. Главная особенность этого производства состоит, на наш взгляд, в необоснованном отказе от концепции формирования доказательств. Напомним, что радикальными новшествами в этой процедуре стало придание статуса доказательств сведениям, собранным дознавателем в стадии возбуждения уголовного дела, а также полученным административным и оперативным путем; освобождение дознавателя от обязанности производить следственные действия, если обстоятельства, входящие в предмет доказывания в этой процедуре, установлены материалами доследственной проверки; ограничение судебного следствия исследованием тех доказательств, на которые ссылается дознаватель в обвинительном постановлении. С данными новшествами трудно согласиться. Во-первых, если законодатель допустил отход от постулата о том, что доказательства собирает

---

¹⁰ Боярская А. В. Особенности доказывания, осуществляемого в рамках особого порядка судебного разбирательства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Научный вестник Омской академии МВД России. 2012. № 2(45). С. 105.

только следователь (дознатель) и только путем производства следственных действий, необходимо исключить ст. 89 УПК РФ. Результаты оперативно-розыскной деятельности не могут соответствовать требованиям, предъявляемым УПК РФ к доказательствам, поскольку им порядок их производства просто не установлен. Во-вторых, дублируя непроцессуальные и процессуальные способы собирания информации – изъятие и выемка, объяснения и допрос, исследование и экспертиза, закон ставит дознавателя в сложную ситуацию, поскольку критерии выбора процессуального или непроцессуального способа собирания информации дознавателем неочевидны.

Практика здесь вновь демонстрирует подход, отличный от предложенного законодателем. Анализ обвинительных постановлений показывает, что дознаватели обосновывают обвинение именно доказательствами, т. е. сведениями, полученными путем производства следственных действий (протоколы осмотра места происшествия и предметов, протоколы выемки документов, заключения экспертов). Опрос дознавателей позволил выявить и причины этого – опасения, что в последующем при производстве по делу вплоть до удаления суда в совещательную комнату подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, потерпевший могут заявить возражения против процедуры сокращенного дознания, а также необходимость установления общего предмета доказывания, закрепленного ч. 1 ст. 73 УПК РФ, для того чтобы выполнить требование ч. 1 ст. 226.7 УПК РФ о соответствии содержания обвинительного постановления содержанию обвинительного акта (ч. 1 ст. 225 УПК РФ). Среди так называемых непроцессуальных способов собирания сведений чаще дознаватели используют истребование документов (справок, характеристик, свидетельств и др.) из различных органов и организаций.

Судебная практика также развивается вопреки идее законодателя о проведении в особом порядке, предусмотренном ст. 226.9 УПК РФ, сокращенного судебного следствия. Самарская практика показывает, что мировые и районные судьи, имея возможность непосредственно исследовать доказательства, указанные дознавателем в обвинительном постановлении, не используют ее. В частности, вместо допроса свидетелей, потерпевшего, подозреваемого, на показания которых ссылается дознаватель в обвинительном постановлении, судьи ограничиваются оглашением этих показаний. Складывается впечатление, что судьи не видят различий между особыми порядками, предусмотренными ст. 316 и 226.9 УПК РФ. Чаще в приговорах, вынесенных по делам, по которым дознание осуществлялось в сокращенной форме, анализ и оценка доказательств судом вообще не приводятся, как это имеет место при постановлении приговора в порядке ст. 316 УПК РФ. Суд лишь делает вывод об обоснованности обвинения и соблюдении условий, необходимых для постановления приговора в особом порядке. Нередко судьи в приговорах ограничиваются лишь перечислением доказательств, которые, по их мнению, подтверждают обвинение. Анализ судом в приговоре доказательств, указанных в обвинительном постановлении, – явление редкое.

Ученые высказывают различные предложения, направленные на устранение расхождения законодательства и практики в вопросах доказывания в процедуре, предусмотренной главой 32.1 УПК РФ. Мы абсолютно солидарны с

теми авторами, которые указывают на недопустимость одновременного упрощения и досудебного, и судебного производства¹¹. Как отмечает В. А. Лазарева, материалы сокращенного дознания могут стать судебными доказательствами, если суд будет иметь возможность исследовать их с соблюдением условий устности, гласности и непосредственности, т. е. в полноценном судебном заседании. По сути, речь идет об обновленной концепции формирования доказательств, где ключевую роль играет судебный контроль. Соглашаясь с мнением профессора, полагаем, что и в общем порядке судебного разбирательства непроцессуальная информация не может быть проверена с точки зрения ее допустимости «доступными суду средствами»¹². В связи с этим мы полагаем, что за следователем (дознавателем) в стадии возбуждения уголовного дела необходимо сохранить возможность осуществления осмотра места происшествия, предметов, документов, трупа, освидетельствования, назначения экспертизы и получения заключения эксперта в разумные сроки, а также истребования документов, дачи обязательных к исполнению письменных поручений о производстве оперативно-розыскных мероприятий. Практически все иные способы проверки предусмотрены одновременно в Федеральном законе от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» как оперативные мероприятия. Результаты этих мероприятий, представленные в установленном порядке оперативным сотрудником следователю (дознавателю), в совокупности с той информацией, которую непосредственно собрал сам следователь (дознаватель), могут служить достаточными данными для возбуждения уголовного дела, но не для обвинения лица в совершении преступления. Как справедливо указывали в своей совместной работе С. А. Шейфер и В. А. Лазарева, арсенал познавательных приемов, предусмотренный Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ для стадии возбуждения уголовного дела, является «чрезмерно широким и выходит за пределы решения ограниченной познавательной задачи стадии – выявление признаков преступления»¹³.

Считаем, что непроцессуальная информация и в процедуре, предусмотренной главой 32.1 УПК РФ, должна быть проверена дознавателем процессуальным путем. Данное предложение только на первый взгляд противоречит идее законодателя об оптимизации дознания. Во-первых, сокращенное дознание как любая дифференцированная форма должно быть не правилом, а исключением из общего порядка производства по делу. Во-вторых, сокращенное дознание должно применяться не по всем делам, подследственным органам дознания, а лишь по действительно несложным с точки зрения доказывания виновности уголовным делам, а возможно, и точно отобраным законодателем. В этом случае объемы судебного следствия, установленные ч. 2 ст. 226.9 УПК РФ (непосредственное исследование доказательств, указанных в

---

¹¹ См.: Лазарева В. А. Сокращенное дознание и вопросы доказательственного права // Вестник Самарского юрид. ин-та. 2015. № 1 (15). С. 42.

¹² Тарасов А. А., Закотянский А. С. Упрощенные процедуры по уголовным делам и проблемы процессуальных форм доказывания // Правовое государство : теория и практика. 2014. № 14 (38). С. 125.

¹³ Лазарева В. А., Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовному делу в свете ФЗ № 23 от 04.03.2013 г. // Библиотека криминалиста. 2014. № 6 (45). С. 381.

обвинительном постановлении, а также сведений, дополнительно представленных стороной защиты и способных смягчить наказание), можно признать достаточными для того, чтобы суд мог убедиться в обоснованности обвинения.

Обобщая изложенное, отметим, что выявленные нами проблемы применения концепции формирования доказательств в особых порядках судебного разбирательства нуждаются в решении. Однако представляется, что их решение не будет скорым, поскольку нужно найти разумный компромисс между концепцией формирования доказательств как надежным и проверенным способом доказывания и новыми институтами, допускающими иные, новые способы доказывания.

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева*

*Кувалдина Ю. В., кандидат юридических наук, доцент кафедры
уголовного процесса и криминалистики*

Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev

*Kuvaldina Yu. V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the
Criminal Process and Criminalistics Department
E-mail: iyliia79@mail.ru*

СОБИРАНИЕ ИЛИ ФОРМИРОВАНИЕ? ПРОДОЛЖАЕМ ДИСКУССИЮ

Рассматриваются актуальные вопросы теории уголовно-процессуального права, обострение дискуссионности которых во многом обусловлено развитием состязательного начала. Возникновение новых видов доказательств и способов их появления в уголовном деле обострило прежние противоречия в толковании понятий «доказывание», «доказательство», «собираание доказательств», вызвало к жизни новые аргументы против концепции формирования доказательств в ходе познавательной деятельности следователя (дознателя). В соответствии с этими представлениями собиране доказательств, на основе которых должны устанавливаться имеющие значение для уголовного дела обстоятельства, относится к исключительной компетенции органов предварительного расследования. Развитие состязательного начала в уголовном процессе привело к расширению способов собиране доказательств и лиц, имеющих отношение к их собиранию, что поставило под сомнение концепцию формирования доказательств органами предварительного расследования как единственного способа их появления в уголовном деле. Анализируется попытка обосновать правомерность использования понятий «собиране» и «формирование» не только применительно к различным видам доказательств, но и на основе различных подходов к самому понятию «доказательство».

К л ю ч е в ы е с л о в а: доказательство, формирование доказательств, способы собиране доказательств, следственные действия, иные процессуальные действия.

COLLECTING OR FORMING ? WE CONTINUE THE DISCUSSION

The article deals with topical issues of the theory of criminal procedure law, the aggravation of the debatable nature of which is largely due to the development of the adversarial principle. The emergence of new types of evidence and ways of their appearance in a criminal case has exacerbated the previous contradictions in the interpretation of the concepts of proof, proof, collection of evidence. It brought to life new arguments against the concept of evidence formation in the course of cognitive activity of the investigator (inquirer). In accordance with these views, the collection of evidence, on the basis of which circumstances relevant to the criminal case should be established, belongs to the exclusive competence of the preliminary investigation bodies. The development of the adversarial principle in criminal proceedings has led to the expansion of the methods of collecting evidence and persons related.

К e y w o r d s: proof, formation of evidence, methods of collecting evidence, investigative actions, other procedural actions to their collection, which has put the following problems.

Поступила в редакцию 15 февраля 2021 г.

В третьем номере Юридического вестника Самарского университета за 2020 г. была опубликована статья, в которой С. Б. Россинский вновь препари-

рует понятие «собрание доказательств»¹. Скрупулезно исследуя разные подходы к этому понятию и подвергая критическому анализу ранее высказанные, в том числе и собственные, мнения, автор доказывает правомерность использования двух терминов, вынесенных в название нашей статьи, определяет значение каждого из них и каждому виду деятельности находит собственную нишу. Эта проблема много лет составляет предмет и наших исследований², в связи с чем упомянутая статья не могла остаться без внимания.

Необходимо отметить, что наша позиция по вопросу о собирании доказательств, как и позиция С. Б. Россинского, формировалась под сильным влиянием профессора С. А. Шейфера, с той, однако, разницей, что на нас влияли не только труды, но и личность ученого, у которого посчастливилось учиться. Его тезис: готовых доказательств в природе не существует³, был прочно усвоен еще в студенческой аудитории.

Позиция С. А. Шейфера всегда отличалась простотой, четкостью и ясностью, поэтому воспринималась как нечто естественное, само собой разумеющееся, не допускающее тени сомнения. Из тезиса о том, что готовых доказательств не существует, логично вытекает, что они – доказательства – возникают в результате активной поисковой, познавательной и удостоверительной деятельности следователя. Следователь обнаруживает следы преступления, извлекает из них информацию, отвечающую его познавательной задаче, и фиксирует ее в соответствующем протоколе и/или иным способом. Придавая информации соответствующую ее виду процессуальную форму, следователь фактически формирует доказательство, отсюда собирание доказательств рассматривается как процесс преобразования сведений об обстоятельствах, имеющих значение для дела, в предусмотренную законом форму⁴.

Мы не раз отмечали, что концепция собирания доказательств как процесса их формирования была адекватна времени своего возникновения и положениям УПК РСФСР 1960 г. С принятием УПК РСФСР теория утвердилась в понимании доказательства как единства содержания (любые фактические данные, на основе которых...) и формы (показания, заключения и т. д.). Обеспечить такое единство мог только субъект, наделенный соответствующими полномочиями, т. е. следователь или лицо, производящее дознание. Вытекающий из этого вывод – доказательство есть продукт деятельности следователя – очевиден.

Концепция формирования доказательств эффективно взаимодействовала и с постулатом о допустимости доказательств. Выработанные теорией критерии (условия) допустимости доказательств (правомочность субъекта, закон-

¹ См.: *Россинский С. Б.* Собрание доказательств как «первый» этап доказывания по уголовному делу // *Юрид. вестник Самарского ун-та.* 2020. № 3. С. 91–101.

² См.: *Лазарева В. А.* Доказательство как категория уголовно-процессуального права : новые (старые) подходы // *Legal Concept (Правовая парадигма).* 2019. Т. 18, № 2. С. 55–62 ; *Ее же.* О доказательствах, их допустимости и способах собирания // *Новый Уголовно-процессуальный кодекс России в действии : материалы круглого стола / отв. ред. И. Ф. Демидов.* М., 2004. С. 131–136.

³ См.: *Шейфер С. А.* Сущность и способы собирания доказательств в уголовном процессе / отв. ред. П. П. Лупинская. М., 1973. С. 27.

⁴ См.: *Шейфер С. А.* Доказательства и доказывание по уголовным делам. М., 2008. С. 33–34.

ность способа получения и закрепления фактических данных) убедительно доказывали – допустимыми могут считаться только доказательства, сформированные следователем. Поэтому одновременно с концепцией формирования доказательств естественным образом развивается и теория следственного действия как детально урегулированной законом процедуры поиска и обнаружения следов преступления, извлечения и закрепления в материалах дела полезной информации. Следственное действие утверждается в качестве основного способа собирания доказательств и фактически становится инструментом их формирования. Отсюда с неизбежностью делается вывод – материалы, полученные не путем производства следственных действий, не обладают свойством допустимости, а значит, не являются доказательствами⁵.

Развитие этих идей в конечном счете и привело к отождествлению понятий «формирование» и «собираание доказательств», а позднее даже к предложению заменить термин «собираание доказательств» термином «формирование доказательств»⁶.

Сегодня уязвимость этой концепции для нас очевидна, хотя она до сих пор имеет много сторонников и последователей, несмотря на то что уже произошли огромные изменения в стране и, как следствие, в представлениях об уголовном судопроизводстве, его назначении, принципах, институтах. Если в период действия УПК РСФСР тезис о том, что доказательства как основания процессуальных решений формирует следователь, опираясь на закрепленные им принципы, включая принцип публичности, то с новой системой принципов уголовного судопроизводства он вступил в явное противоречие, а развитие теории уголовного процесса высветило отсутствие единообразного подхода к пониманию природы самого уголовно-процессуального доказательства и механизма его возникновения. Поэтому проблема, поднятая в статье С. Б. Россинского – какой термин: «собираание» или «формирование», лучше отражает процесс возникновения доказательств в уголовном деле – имеет отнюдь не терминологический характер. Тем не менее сложности ее решения во многом затруднены дефицитом процессуальной терминологии, вследствие чего одним и тем же словом обозначаются различные по своей сути понятия. Сказанное касается как самих понятий «доказательство», «собираание» и «формирование», так и образуемых ими словосочетаний.

В частности, выражение «собираание доказательств» свидетельствует об автономности некоего «собираемого» продукта, что сразу же опровергает представление о доказательствах как результате их собирания. Перефразируя героя известного мультфильма, чтобы что-то собрать, надо это что-то иметь. Возникновение доказательств в такой терминологии предшествует процессу их собирания. Следовательно, словосочетание «собираание доказательств» –

---

⁵ См.: Михайловская И. Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М., 2006. С. 123.

⁶ См.: Семенов В., Скребец Г. Формирование доказательств и участие защитника в этом процессе // Вестник Южноуральского гос. ун-та. Серия: Право. 2007. № 18 (90). С. 66–69; Семенов В. А. Формирование доказательств в структуре уголовно-процессуального доказывания // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвуз. сб. науч. трудов / под ред. В. А. Лазаревой. Самара, 2010. С. 236–242.

оsxюморон, стилистическая ошибка: если готовых доказательств в природе не существует, то их нельзя и собрать, а если мы их собираем, значит, они к началу собирания уже существуют, а не формируются в процессе собирания.

В словосочетаниях «собрание доказательств» и «формирование доказательств» всегда смущает множественное число. Грамотный законодатель использует не словосочетание «собирает доказательство», но «*собирает доказательства*» путем производства следственных и иных процессуальных действий (ч. 1 ст. 86 УПК РФ). Представляется, что это не случайно: смысл понятия «собрание» (умножение, накопление, сосредоточение, составление и т. д.) свидетельствует о том, что «собрать» единственный продукт физически невозможно – собираемых объектов всегда несколько. Но приняв за верный концепт формирования доказательства в процессе производства следственного действия, мы можем говорить о собирании, как о накоплении сформированных доказательств. При таком подходе формулировка «следователь, производя следственные и иные процессуальные действия, собирает (т. е. накапливает) доказательства», становится более понятной.

Таким образом, даже такой весьма приблизительный лингвистический анализ демонстрирует не тождественность понятий «собрание доказательств» и «формирование доказательств». Поэтому предложение заменить «собрание доказательств» на «формирование доказательств», если речь идет о конкретном доказательстве, неприемлемо. В то же время, если речь идет о совокупности доказательств, такое словосочетание приемлемо: собирание доказательств есть формирование их совокупности или, как с некоторых пор стало модным говорить, доказательственной базы. Однако сказав так, мы тоже будем не точны, поскольку в этих рассуждениях не принята во внимание многозначность самого понятия «доказательство». В зависимости от того, что мы принимаем за доказательства, термин «собрание доказательств» может быть рассмотрен и как процесс их формирования (получение и оформление информации в процессе следственного действия), и как процесс собирания источников информации (при получении предметов и документов, «сформированных» вне действий следователя), и как процесс насыщения сознания правоприменителя, например судьи так называемыми «доказательственными фактами», формирующимися в процессе исследования представленных сторонами источников и их содержания⁷.

Отмеченная специфика юридического лексикона требует конкретизировать предмет дальнейшего исследования. Большинство процессуалистов так или иначе соглашались с определением доказательств как относящихся к делу сведений (или, иначе говоря, фактических данных), облеченных в требуемую законом форму⁸, олицетворением которой признается перечень содержащихся в ч. 2 ст. 74 УПК РФ видов доказательств – показания (свидетеля, потерпевшего, обвиняемого, подозреваемого, эксперта и специалиста), заключения (эксперта и специалиста), вещественные доказательства, протоколы след-

⁷ См.: Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе : учеб. для бакалавриата и магистратуры. Изд. 5-е. М., 2015. С. 171.

⁸ См.: Шейфер С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М., 2001. С. 100.

ственных действий и иные документы. Какие-то из перечисленных видов доказательств действительно возникают как продукт деятельности следователя, и в этом смысле они им формируются. Однако роль следователя в возникновении разных видов доказательств далеко не одинакова. Стремление унифицировать процесс собирания доказательств с позиций теории их формирования, придать этой теории универсальный характер было ошибкой, которая привела к гипертрофии значения *формы доказательства*, ее разрастанию за счет необоснованного включения в нее процедуры следственного действия, включая меры принуждения, препятствующие сокрытию и искажению информации, а также меры, обеспечивающие охрану здоровья и достоинства лиц, участвующих в собирании доказательств⁹. Вследствие этого даже весьма простой по своей природе процесс принятия предметов и документов, содержащих информацию о каких-то имеющих значение для дела обстоятельствах, стал обрастать искусственными бюрократическими процедурами в виде составления протоколов принятия, осмотра и приобщения к материалам дела, которые стали рассматриваться как элемент их процессуальной формы.

Тем не менее по ходу изменений, происходящих в уголовно-процессуальном законодательстве, роль следственного действия, как наиболее «совершенного» способа придания информации процессуальной формы, соответствующей тому или иному виду доказательств, неизбежно должна была начать снижаться.

Среди причин, изменивших систему способов собирания доказательств в уголовном процессе, в первую очередь, следует назвать закрепление принципа состязательности в ст. 15 УПК РФ. Состязательность процесса требует обеспечить сторонам равные возможности по собиранию и представлению доказательств, необходимых для формулирования и обоснования своей позиции. Допущение к участию в собирании доказательств так называемых неофициальных лиц (потерпевших, обвиняемых, защитников, представителей), не имеющих полномочий по производству следственных действий, логически вело к нивелированию значения процессуальной формы. Представляемые этими субъектами предметы и документы, какими бы процедурами эта деятельность ни сопровождалась, никем в процессуальном смысле в качестве доказательств не формируются, но доказательствами, тем не менее, являются и в качестве таковых принимаются. Хотя вопрос об участии стороны защиты в собирании доказательств продолжает в теории дискутироваться, лишение ее этой возможности, как и отрицание доказательственного значения представляемых защитой материалов, означало бы и отрицание принципа состязательности, на что сегодня вряд ли кто-то решится.

Не менее деструктивное влияние на теорию следственного действия как преобладающего способа собирания доказательств оказала легализация результатов оперативно-розыскной деятельности. Статья 89 УПК РФ, если правильно расставить в ней слова, утверждает, что сведения об обстоятельствах, имеющих значение для дела, полученные в ходе оперативно-розыскной де-

---

⁹ См.: Шейфер С. А. Сущность и способы собирания доказательств в уголовном процессе. С. 27–28.

тельности, если они отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам уголовно-процессуальным законом, могут быть использованы в процессе доказывания, т. е. являются доказательствами. Приведенная формулировка противоречива сама по себе, поскольку уголовно-процессуальный закон не регулирует оперативно-розыскную деятельность, а Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» не является источником уголовно-процессуального права в силу ясного указания ст. 1 УПК РФ (хотя и это уже не кажется однозначным). Эта формулировка фактически означает, что к сведениям, полученным в ходе оперативно-розыскных мероприятий, не может быть предъявлено то требование допустимости, которое мы предъявляем к сведениям, полученным в ходе следственных действий – соответствие уголовно-процессуальному закону процедуры их получения. Эти сведения поступают к следователю в готовом, сформированном, если можно так выразиться, виде, в той форме, которую они получили в ходе оперативно-розыскного мероприятия. Попытка искусственно «нарастить» процессуальную форму путем проведения осмотра и вынесения постановления о приобщении результатов ОРД к материалам дела «в качестве доказательств» (так называемая легализация доказательств) не способна изменить первичный не следственный характер процедуры получения тех сведений, которые содержатся в материалах, представленных оперативно-розыскными органами, и которые, конечно, способны иметь значение для установления подлежащих доказыванию обстоятельств.

Окончательно теория следственного действия как урегулированного уголовно-процессуальным законом универсального способа получения доказательств, в ходе которого сведения об обстоятельствах, имеющих значение для дела, получают процессуальную форму, была разрушена Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ, которым как, известно, к доказательствам, полученным путем производства следственных действий, приравнены сведения, полученные путем производства неких проверочных мероприятий, не являющихся следственными действиями (исследование предметов, документов, трупов, изъятие предметов и документов «в порядке, установленном настоящим Кодексом» и т. п.). Невразумительная ссылка на то, что такие сведения должны быть получены с соблюдением требований ст. 75 и 89 УПК РФ, логическому истолкованию если и поддается, то с большим трудом и множеством оговорок. Одновременно заметим, что такой решительный перенос доказательственной деятельности в стадию возбуждения уголовного, приуроченный к внедрению в практику предварительного расследования сокращенной формы дознания, сокращенным дознанием не ограничился (возможно, это было бы и логично, и обоснованно), а распространился на все формы расследования и поэтому оказывает влияние на все постулаты классической теории доказательств (теории доказывания).

Перечисленные способы собирания доказательств размывают единую концепцию их формирования органом предварительного расследования, меняют наши представления о понятии и критериях допустимости доказательств, ослабляют значение процессуальной формы, вследствие чего требуют иного, чем прежде, подхода к оценке доказательств на всех этапах уголовно-процессуальной деятельности. Как представляется, именно поэтому С. Б. Россинский

предложил разделить доказательства на условно готовые, которые модно собрать, и сформированные следователем, т. е. те, которые в готовом виде не существуют. Соглашаясь с С. А. Шейфером в том, что формирование доказательств – это весь процесс преобразования полезных сведений в форму доказательств, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, включающий как познавательные (извлечение информации из следов), так и удостоверяющие элементы (объективизация воспринятых сведений с помощью средств фиксации)¹⁰, С. Б. Россинский справедливо обратил внимание на различный характер этих действий следователя и пришел к выводу: концепция формирования доказательств применима лишь к показаниям, экспертным заключениям и результатам «невербальных» следственных действий как доказательствам, возникновение которых обусловлено собственным активным поведением органов предварительного расследования и суда.

Разделяя такой подход в принципе, предлагаем рассматривать этот вопрос в комплексе «вид доказательств + способ его получения». При этом уточним, что и сам автор, позиции которого мы рассматриваем, под результатами «невербальных» следственных и судебных действий понимает лишь «доказательства, предусмотренные ст. 83 УПК РФ, традиционно именуемые протоколами, поскольку именно их возникновение обусловлено собственным активным поведением органов предварительного расследования. При этом автор верно подметил, что протоколы именно таких следственных действий анализировал С. А. Шейфер, описывая процесс отражения воспринятой следователем предметно-пространственной информации и преобразования ее в знаковое описание. Это протоколы осмотра, обыска, выемки, следственного эксперимента. Предметы и документы, обнаруженные при производстве этих следственных действий, приобщаются к материалам дела в качестве самостоятельных доказательств, хотя и сохраняют связь с протоколом, подтверждающим сам факт и обстоятельства их обнаружения. Такой протокол, как и писал С. А. Шейфер, отражает результат непосредственного восприятия следователем материальных следов события и «формирует доказательство в уголовно-процессуальном смысле»¹¹. Однако в отношении характеристики целого ряда доказательств наши с С. Б. Россинским мнения не совпадают.

Расхождение касается, в первую очередь, самого факта отнесения тех или иных приемов получения сведений об обстоятельствах, имеющих значение для дела, к следственным действиям. На наш взгляд, система следственных действий, предусмотренная действующим УПК, составлена без учета характеристики следственного действия, прежде всего, как акта познания, осуществляемого непосредственно следователем. В структуре таких действий, как назначение и производство экспертизы (или, по мнению В. А. Семенцова, производство экспертизы¹²), контроль и запись телефонных и иных переговоров, получение информации о соединениях между абонентами и абонентскими

---

¹⁰ См.: Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам. С. 33–34.

¹¹ Шейфер С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. С. 7.

¹² См.: Семенцов В. А. Следственные действия в досудебном производстве. М., 2017. С. 38.

устройствами, отсутствует познавательная деятельность следователя в том виде, в каком она присутствует при осмотре, обыске, допросе и т. д. Не углубляясь здесь в существо каждой процедуры, как и в само весьма дискуссионное понятие следственного действия, не касаясь множества спорных вопросов системы следственных действий, сформулируем главное: в перечисленных, как и в ряде других, случаях роль следователя ограничивается организационно-распорядительными действиями, фактически формулированием задания (поручения). Даже в такой нормативно разработанной процедуре, как назначение экспертизы, следователь фактически отстранен от действий по выбору эксперта, разъяснению ему прав и обязанностей, предупреждению его об уголовной ответственности. Главное, что во всех указанных случаях отсутствуют признаки непосредственного контакта следователя с источником информации, личного восприятия им этой информации и преобразования ее по форме, т. е. познавательной сути следственного действия. Это означает, что следователь, направив соответствующим лицам поручение, получает от них уже готовый (сформированный) информационный продукт, который он может изучать, исследовать, проверять, оценивать и использовать. Эти способы собирания доказательств имеют больше общего с истребованием предметов и документов, которое относится к иным (т. е. не следственным) процессуальным действиям. Формирует заключение эксперта, если уж пользоваться этим термином в том смысле, который придавал ему С. А. Шейфер, сам эксперт.

С этих же позиций можно указать на отсутствие признаков познавательной деятельности в акте наложения ареста на почтово-телеграфные отправления (ст. 185). Именно так называет данное (следственное) действие В. А. Семенов¹³, хотя по разделяемому нами определению С. Б. Россинского, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления является лишь элементом процессуальной комбинации, включающей в себя также ее осмотр и выемку¹⁴. Собственно наложение ареста (тоже своего рода комбинация ходатайства следователя, согласия руководителя следственного органа и решения суда) – юридическое основание для задержания корреспонденции – создает предпосылки для ее осмотра и выемки примерно так же, как это имеет место при производстве обыска в жилище, или эксгумация трупа, без которой его осмотр и последующее исследование в принципе невозможны. Точно так же лишены познавательной характеристики такие новые «следственные действия», как контроль и запись переговоров (ст. 186), получение информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами (ст. 186.1).

Интересно отметить, что несмотря на внешнюю схожесть процессуальных действий, в каждом случае предполагается: а) получение судебного решения; б) направление его для исполнения в соответствующий компетентный орган; в) осмотр полученного источника информации и г) приобщение его к делу. Способ получения доказательства, включенный в структуру каждой из названных процессуальных комбинаций, принципиально различен. Получение почтовых отправлений происходит путем совершения выемки. Информа-

¹³ См.: Семенов В. А. Следственные действия в досудебном производстве. С. 37.

¹⁴ См.: Россинский С. Б. Следственные действия. М., 2018. С. 56.

ция о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами, как и о состоявшихся переговорах, *представляется* следователю в виде документа (в первом случае) или предмета (фонограммы, как говорит ч. 6 ст. 186). То есть в первом случае в качестве способа собирания доказательств мы имеем следственное действие, в двух других – комбинацию истребования и принятия (или представления и принятия), которые, как давно (ст. 70 УПК РСФСР 1960 г.) и хорошо известно, следственными действиями не являются. Осмотр полученных источников информации, необходимый во всех трех случаях, является самостоятельным следственным действием, который в двух случаях производится после их принятия, а в отношении почтовых отправлений предшествует выемке. Попутно отметим неудачность формулировки ч. 5 ст. 185, согласно которой в протоколе осмотра отражается также факт задержания почтового отправления после его осмотра, хотя очевидно, что задержание, которое осуществили работники учреждения связи, предшествует осмотру. Можно полагать, что законодатель имел в виду необходимость перечисления в протоколе осмотра изымаемых из учреждения связи почтовых отправлений.

Во всех рассмотренных случаях собираемые сведения не претерпевают какого-либо преобразования, они уже имеют пригодную для использования форму и в дополнительном формировании не нуждаются. В этих, как и иных указанных выше, случаях следователь, если что и формирует, то лишь протокол соответствующего следственного или иного процессуального действия (выемки, осмотра, эксгумации, ознакомления с постановлением о назначении экспертизы), который сам по себе способен играть роль доказательства, обеспечивающего, главным образом, допустимость полученных таким образом доказательств.

В особом ряду в свете рассматриваемого вопроса стоит такой вид доказательств, как показания, на характеристике которых следует остановиться более подробно.

Показания, названные в ч. 2 ст. 74 УПК РФ среди других видов доказательств, представляют собой специфическое тождество содержания и формы. Показания есть сведения, сообщенные на допросе лицом, имеющим тот или иной процессуальный статус, в устной форме. Устное сообщение физического лица есть продукт его психической деятельности, результат отражения его сознанием объективной действительности. Это значит, что показания как форма устного сообщения в виде ответа на вопросы не существуют вне речи носителя информации. Будучи записанными в протоколе допроса, показания утрачивают свойство устного (личного) сообщения, преобразуются в другой вид доказательств. Если допрос – это следственное действие, что бесспорно, то протокол допроса правильно рассматривать как протокол следственного действия, а не как форму показаний.

Показания и протокол (допроса, очной ставки), таким образом, есть два разных вида доказательств. Протокол отражает отнюдь не обстоятельства преступления, воспринятые свидетелем или потерпевшим, а результат восприятия (отражения), в данном случае устного сообщения, следователем. В процессе преобразования информации по форме (словесного сообщения в образы и обратно в слова) неизбежно происходит искажение и утрата информации,

понижение уровня ее адекватности. Во всяком случае в курсе судебной (юридической) психологии этот механизм достаточно убедительно описан.

На нетождественность показаний и протоколов допроса прямо указывает и ст. 74 (ч. 2) УПК РФ, которая, перечисляя виды доказательств, называет и показания, и протоколы следственных действий, к которым, естественно, относятся и протоколы допроса. В связи с этим допрос, как и очную ставку, мы рассматриваем лишь как способы получения ориентирующей информации, способствующей решению стоящих перед следователем задач, определяющей целесообразность вызова свидетеля в суд, перспективы применения глав 32.1, 40, 40.1 УПК РФ и т. п., но само доказательство – показания – формируется лишь в процессе судебного допроса в условиях непосредственности.

В свете сказанного обращает на себя внимание ошибочность указания в ст. 276, 281 и 281.1 УПК РФ на оглашение показаний ранее, т. е. в ходе следствия, допрошенных лиц. Фактически оглашаются в судебном заседании протоколы следственных действий. Тексты этих статей противоречат требованию ч. 1 ст. 240 УПК РФ, которая прямо гласит: *суд заслушивает показания, но оглашает протоколы*. Мы не ставим здесь задачу рассмотреть допустимость оглашения в суде протоколов следственных допросов, поскольку данный вопрос в условиях существующего правового регулирования не имеет простого решения, но подчеркивая ошибочность подхода к следственному допросу как к способу формирования доказательства, не отрицаем такого значения за судебным допросом.

Размышления, навеянные статьей С. Б. Россинского, позволяют сделать следующие выводы.

Концепция формирования уголовно-процессуальных доказательств, сыгравшая значительную роль в развитии науки, не пригодна в качестве универсальной теории для объяснения природы доказательств.

Следственное действие не является универсальным способом получения доказательств даже в не состязательном уголовном процессе. Вопрос о понятии и системе следственных действий, как и о понятии и системе иных способов собирания доказательств, ждет продолжения исследований.

Полагаем, что теория доказательств нуждается в выработке более непротиворечивого терминологического инструментария для описания и объяснения институтов доказательственного права.

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева*

*Лазарева В. А., доктор юридических наук, профессор кафедры
уголовного процесса и криминалистики*

*Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev
Lazareva V. A., Doctor of Legal Sciences, Professor of the Criminal Process
and Criminalistics Department
E-mail: v.a.lazareva@mail.ru*

НОВАЯ РЕДАКЦИЯ СТАТЬИ 129 КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ «ПОПРАВИЛА» ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН «О ПРОКУРАТУРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Рассмотрены изменения, внесенные в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с принятыми в 2020 г. поправками к Конституции РФ. Правовые изменения коснулись понятия прокуратуры РФ, правовых основ деятельности прокуратуры, порядка назначения на должность прокуроров и других вопросов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: прокуратура, новый порядок назначения на должность прокуроров, усиление роли Президента в формировании кадров органов прокуратуры, изменения в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации».

NEW EDITION OF ARTICLE 129 OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION «CORRECTED» THE FEDERAL LAW «ON THE PROSECUTOR'S OFFICE OF THE RUSSIAN FEDERATION»

The article examines the changes made to the Federal Law «On the Prosecutor's Office of the Russian Federation» in connection with the amendments to the Constitution of the Russian Federation adopted in 2020. The legal changes affected the concept of the prosecutor's office of the Russian Federation, the legal basis for the activities of the prosecutor's office, the procedure for appointing prosecutors to the post and other issues.

Key words: prosecutor's office, a new procedure for appointing prosecutors to the post, strengthening the role of the President in the formation of personnel for prosecutors, amendments to the Federal Law «On the Prosecutor's Office of the Russian Federation».

Поступила в редакцию 15 февраля 2021 г.

Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» внес в 2020 г. ряд изменений в Основной закон страны. Поправки к Конституции РФ были одобрены общероссийским голосованием 1 июля 2020 г. Указанные изменения коснулись в том числе положений, посвященных прокуратуре. В частности ст. 129 Конституции РФ была изложена в новой редакции, в соответствии с которой были уточнены понятие и функции прокуратуры РФ, установлен новый порядок назначения на должность Генерального прокурора РФ, его заместителей, прокуроров субъектов РФ, прокуроров военных и других специализированных прокуратур, приравненных к прокурорам субъектов РФ, а также иных прокуроров. Кроме того, были закреплены дополнительные ограничения и запреты для граждан РФ, претендующих на замещение должности прокурора.

В целях реализации указанной конституционной поправки 9 ноября 2020 г. был принят Федеральный закон № 367-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации». Данным законом были внесены ряд организационных изменений, основные из которых рассмотрены в настоящей статье.

Первое изменение коснулось ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре), посвященной понятию и назначению прокуратуры РФ. Согласно новой редакции указанной статьи прокуратура РФ представляет собой единую федеральную централизованную систему органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями, а также выполняющих иные функции.

До внесения изменений в ст. 1 Закона о прокуратуре понятие прокуратуры РФ также имело место быть в данном законе. Однако прежде прокуратура РФ определялась как единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации.

Сравнение редакций показывает, что из понятия прокуратуры была исключена фраза об осуществлении надзора от имени Российской Федерации. Свидетельствует ли это о сущностном изменении похода к прокурорскому надзору, т. е. о переходе надзора от главенствующего государственного уровня¹ к уровню надзора отдельного ведомства либо лишь о некорректной юридической технике письма законодателя, на данном этапе ответить сложно. Однако буквальное прочтение внесенных изменений позволяет сделать вывод о том, что теперь принимаемые акты прокурорского надзора не могут считаться вынесенными от имени государства в целом, они имеют статус лишь решения отдельно взятого правоохранительного органа – прокуратуры РФ. Полагаем, что данную поправку возможно рассматривать в качестве контраргумента к суждениям о том, что прокурорский надзор и собственно саму прокуратуру возможно рассматривать в качестве самостоятельной ветви власти.

Иные изменения, внесенные в понятие прокуратуры РФ, по мнению автора, носят «технический» характер. Так, к числу признаков, характеризующих прокуратуру РФ, в новой редакции ст. 1 Закона о прокуратуре добавлено указание на то, что она осуществляет надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями. О «техническом» характере этих изменений свидетельствует тот факт, что перечисленные направления деятельности были и ранее возложены на прокуратуру в соответствии с Законом о прокуратуре, только поименованы не в самом определении прокуратуры РФ, а отдельно в ст. 2 Закона о прокуратуре.

Отметим, что неизменным принципом прокуратуры РФ в новой и предыдущей редакции ст. 1 Закона о прокуратуре осталось положение о единстве

¹ См.: *Зюбанов Ю. А.* Комментарий к Федеральному закону «О прокуратуре Российской Федерации» (постатейный). М., 2018. С. 15.

и централизации системы органов прокуратуры. Чего нельзя сказать об Основном законе страны. Так, после поправок в Конституцию РФ, внесенных в 2014 г., указанный принцип перестал иметь конституционную основу, так как из ст. 129 Конституции РФ было исключено положение о том, что прокуратура составляет единую централизованную систему с подчинением нижестоящих прокуроров вышестоящим и Генеральному прокурору РФ. По факту этот принцип в 2014 г. остался лишь на уровне Закона о прокуратуре. Это привело к мысли о том, что принцип единства и централизации не имеет характера конституционного правила и в будущем может быть видоизменен. Сохранение ключевого принципа организации и деятельности прокуратуры лишь на уровне федерального закона создавало определенно более легкие условия для его пересмотра². Справедливым в этом плане был сделан вывод о том, что исключение из Конституции РФ базовых принципов организации деятельности прокуратуры, по сути, лишает прокуратуру конституционной прочности, создает основу для глобального ее реформирования в «упрощенном» порядке³. Но согласно поправкам 2020 г. единство и централизация системы органов прокуратуры вновь вернулись на конституционный уровень в качестве признака прокуратуры РФ. В чем состояла логика законодателя, исключившего данный признак в 2014 г., однозначно утверждать сложно. В этой части хотелось бы разделить мнение о том, что исключение из ч. 1 ст. 129 Конституции РФ указанного положения скорее имело характер ошибки⁴ или неясной юридической техники.

Отдельно хотелось бы отметить, что ни последнее изменение Закона о прокуратуре, ни собственно поправки в Конституцию РФ от 2020 г. не исключили неопределенности в предназначении прокуратуры. На это прямо указывает открытый перечень функций, который может быть возложен на прокуратуру. Так, в рассматриваемом понятии прокуратуры РФ указано о том, что помимо надзорных полномочий, уголовного преследования прокуратура выполняет и иные функции. При этом согласно новой редакции ст. 3 Закона о прокуратуре функции прокуратуры определяются не только Конституцией РФ, Законом о прокуратуре, но и другими федеральными законами. Оставляя возможность дополнения функций на уровне других федеральных законов, законодатель вновь создает почву для дальнейших дискуссий о неопределенности места и роли прокуратуры в системе государственных органов. Вполне естественно, что с точки зрения обеспечения «удобства» управления государством сохранение открытого перечня возможных функций и задач, которые могут быть возложены на прокуратуру, вполне оправданно. Вместе с тем отсутствие изначальной определенности в перечне выполняемых прокуратурой функций

---

² См.: *Лобачев Д. А.* Конституция Российской Федерации как вектор развития прокуратуры // Вестник Самарского юрид. ин-та. 2020. № 3 (39). С. 45.

³ См. подробнее: *Пересыпкин А. В.* Роль органов прокуратуры и проблемы осуществления надзора за соблюдением федерального законодательства в условиях изменившегося законодательства // Рос. юстиция. 2017. № 10. С. 55–57.

⁴ См.: *Шобухин В. Ю.* Конституционное регулирование статуса прокуратуры Российской Федерации : проблемы, тенденции и перспективы изменения ст. 129 Конституции Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 4. С. 28.

влечет за собой в последующем, при «внеплановом» наделении прокуратуры новыми направлениями деятельности, риск возложения на прокуратуру вопросов, которые уже вменены в обязанность другим органам власти. Полагаем, что подобное дублирование функций не может повысить эффективность их реализации, более того, возникает вопрос об обоснованности дополнительных расходов государства.

Следующее изменение, которое было внесено в Закон о прокуратуре после конституционных поправок 2020 г., затронул ст. 3, посвященную правовой основе деятельности прокуратуры. Абзац 2 указанной статьи был дополнен положением о том, что решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров РФ в их истолковании, противоречащем Конституции РФ, не подлежат исполнению в РФ. В данном случае в Законе о прокуратуре был продублирован принцип верховенства Конституции РФ, закрепленный в ст. 79 Основного закона страны. В частности, А. Л. Бредихин, Е. Д. Проценко отмечают, что указанный принцип предполагает, что нормы международного права в иерархии законодательства РФ стоят на ступень ниже, чем нормы Конституции РФ⁵.

Претерпели изменения положения Закона о прокуратуре, касающиеся порядка назначения и освобождения от должности прокуроров.

Так, согласно ст. 12 Закона о прокуратуре Генеральный прокурор РФ назначается на должность Президентом РФ после консультаций с Советом Федерации Федерального Собрания РФ. Для этого Президент РФ направляет в Совет Федерации Федерального Собрания РФ представление по кандидатуре на должность Генерального прокурора РФ и другие материалы, характеризующие представляемую кандидатуру. Совет Федерации не позднее недельного срока со дня получения представления информирует в письменной форме Президента РФ о результатах рассмотрения представленной кандидатуры на должность Генерального прокурора РФ. Генеральный прокурор РФ освобождается от должности самостоятельным решением Президента РФ.

Аналогичным образом назначаются и освобождаются от должности заместители Генерального прокурора, прокуроры субъектов РФ, прокуроры военных и других специализированных прокуратур, приравненные к прокурорам субъектов РФ.

В пояснительной записке к закону о поправке к Конституции РФ указано о том, что назначение прокурора на должность после согласования с Советом Федерации позволит обеспечить большую независимость органов прокуратуры в субъектах РФ. При этом новая редакция ч. 1 ст. 15.1 Закона о прокуратуре исключила необходимость согласования кандидатуры прокурора субъекта РФ с самим субъектом РФ, т. е. с его органами власти. Данное изменение следует признать обоснованным и правильным. Назначение прокурора субъекта РФ без согласования с региональными органами власти должно содействовать большей степени независимости руководителя надзорного ведомства субъекта РФ от местных органов власти. Существовавшее ранее положение о необ-

---

⁵ См.: Бредихин А. Л., Проценко Е. Д. Государственный суверенитет Российской Федерации в свете поправок к Конституции Российской Федерации, принятых в 2020 г. // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 11. С. 23.

ходимости согласования кандидатуры прокурора с органами власти субъекта РФ шло вразрез с действием принципа единства и централизации системы органов прокуратуры, ставило кандидата в прокуроры субъекта РФ в определенную степень моральной зависимости от решения органов власти субъекта РФ, могло оказать влияние на объективность прокурорского надзора.

Согласно новой редакции ч. 5 ст. 129 Конституции РФ иные прокуроры могут назначаться на должность и освобождаться от должности Президентом РФ, если такой порядок назначения на должность и освобождения от должности установлен федеральным законом. Во исполнение данной конституционной нормы в ч. 3 ст. 15.1 Закона о прокуратуре закреплено понятие «иные прокуроры». Иные прокуроры – это прокурорские работники, претендующие на замещение должности, по которой предусмотрено присвоение высших классных чинов прокурорских работников или воинских званий высших офицеров, либо замещающие такую должность, за исключением Генерального прокурора РФ, его заместителей, прокурора субъекта РФ и приравненных к нему прокуроров специализированных прокуратур. Иные прокуроры назначаются на должность и освобождаются от должности Президентом РФ по представлению Генерального прокурора РФ.

В ч. 6 ст. 129 Конституции РФ предусмотрено, что прокуроры городов, районов и приравненные к ним прокуроры назначаются на должность и освобождаются от должности Генеральным прокурором РФ, если иное не предусмотрено федеральным законом. То есть законодатель оставил возможность изменить указанный порядок через Закон о прокуратуре. В настоящее время иного порядка назначения на должность прокуроров городов, районов и приравненных к ним прокуроров, чем предусмотрено в Конституции РФ и Законе о прокуратуре, не внесено.

Анализ изменений в Законе о прокуратуре в части порядка назначения и освобождения от должности прокуроров явным образом отражает, с одной стороны, укрепление роли Президента РФ в формировании кадрового состава органов прокуратуры, а с другой – сокращение полномочий Генерального прокурора РФ и Совета Федерации в этом вопросе. Таким образом, историческая фраза о том, что прокуратура – это «око государево, коим он будет видеть всё» приобрело новый виток развития.

Следующее изменение Закона о прокуратуре связано с расширением перечня требований, предъявляемых к лицам, назначаемым на должность прокуроров. Так, согласно ст. 40.1 Закона о прокуратуре введено дополнительное ограничение, при котором кандидат не может быть принят на службу. В частности, если он имеет вид на жительство или иной документ, подтверждающий право на постоянное проживание гражданина РФ на территории иностранного государства. До внесения изменений в качестве ограничения выступало лишь наличие у лица гражданства иностранного государства.

Кроме того, прокурорские работники обязаны сообщить в письменной форме непосредственному руководителю о прекращении гражданства РФ или приобретении гражданства (подданства) иностранного государства либо получении вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина РФ на территории иностранного го-

сударства, в течение пяти рабочих дней со дня прекращения гражданства РФ или приобретения гражданства (подданства) иностранного государства либо получения указанных документов.

Таким образом, внесенные изменения в Закон о прокуратуре в связи с принятыми конституционными поправками в первую очередь устранили правовые разночтения между Основным законом страны и Законом о прокуратуре, а также завершили этап правовых преобразований в отношении органов прокуратуры на основании новой редакции ст. 129 Конституции РФ.

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева
Лобачев Д. А., кандидат юридических наук, доцент кафедры
уголовного процесса и криминалистики*

*Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev
Lobachev D. A., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the
Criminal Process and Criminalistics Department
E-mail: lobachev@mail.ru*

ОСОБЕННОСТИ НАУЧНЫХ ПОДХОДОВ САМАРСКОЙ ШКОЛЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА К ПОНИМАНИЮ ЦЕЛИ ДОКАЗЫВАНИЯ

Представлены научные концепции по вопросу возможности достижения истины в уголовном процессе, которые возникли и развиваются на кафедре уголовного процесса и криминалистики Самарского университета, а также точки зрения относительно цели доказывания.

К л ю ч е в ы е с л о в а: цель доказывания, объективная истина, юридическая истина, принцип всестороннего, полного, объективного исследования обстоятельств дела.

FEATURES OF SCIENTIFIC APPROACHES OF THE SAMARA SCHOOL OF CRIMINAL PROCEDURE TO UNDERSTANDING THE PURPOSE OF PROOF

In this article presents scientific concepts on the possibility of achieving the truth in criminal proceedings, which have emerged and are being developed at the Department of criminal procedure and criminalistics of Samara university and presents points of view regarding the purpose of proof.

К е у w o r d s: purpose of proof, objective truth, legal truth, principle of comprehensive, complete, objective investigation of the circumstances of the case.

Поступила в редакцию 15 февраля 2021 г.

А Господь Бог есть истина.

Книга Пророка Иеремии 10:10

Иисус сказал ему: «Я есть путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня».

Евангелие от Иоанна 14:6

Споры о том, нужно ли включать в уголовно-процессуальный закон понятие истины и является ли ее достижение целью доказывания, не могли обойти стороной кафедру уголовного процесса и криминалистики Самарского университета. Изучение научных подходов по вышеуказанным вопросам особенно интересно тем, что Семен Абрамович Шейфер, Валентина Александровна Лазарева и Александр Алексеевич Тарасов имели и имеют подчас противоположные точки зрения, при этом научная обоснованность всех взглядов бесспорна. Принятие нового УПК РФ придало новый виток развитию данной полемики, которая велась как на страницах научных изданий, так и при непосредственном личном обсуждении среди коллег. Сейчас уже реже в коллективе кафедры обсуждается вопрос истины в уголовном процессе, хотя это не может означать утрату актуальности, важности этого вопроса в сфере юриспруденции, так как

любая сложившаяся система научных представлений подвержена изменениям в зависимости от разных условий.

Прежде чем перейти к изучению кафедральных научных концепций по поводу цели доказывания и отношения к истине, необходимо сказать, что несмотря на различие взглядов, все ученые хотят видеть российский уголовный процесс логичным, понятным и ориентированным на человека, однако механизмы достижения этого у всех разные. Более того, вопрос познания истины неразрывно связан с пониманием самого процесса доказывания, используемых при этом механизмов, с субъектами доказывания, обязанностью доказывания, ролью следователя, защитника и, конечно, суда в процессе доказывания.

Преемственность научных представлений имеет важнейшее значение для любой научной школы. Можно констатировать, что на кафедре уголовного процесса сложилась особая ситуация: с одной стороны, одни продолжают придерживаться позиции, что истина должна являться целью доказывания, другие пишут о том, что доказанная достоверность, а не истина должна быть целью доказывания. Но всех сближает то, что использование термина «истина» как нравственной категории допустимо в учебном процессе. Будущие следователи, прокурорские работники, судьи без этого ориентира не смогут до конца осознать важность своей профессии, не смогут добросовестно относиться к выполнению своих должностных обязанностей. Истина нужна для воспитания будущих юристов. Истина является идеалом, который, может быть, и не достижим на практике, но к которому необходимо стремиться, чтобы не быть введенными в заблуждение и правильно понимать картину совершенного преступления. Это, по сути, нравственная категория, которая скорее всего и не должна содержаться в нормативных правовых актах.

Начнем изучение заданного вопроса, разумеется, с С. А. Шейфера.

Объективная (материальная) истина представляет собой, по мнению С. А. Шейфера, отражение в сознании познающего субъекта действительных обстоятельств какого-либо явления, это знание, полученное в итоге его исследования¹. По его мнению, установление истины является целью доказывания, и достичь ее можно путем всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела. Поэтому вопрос о включении в УПК РФ принципа всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела неоднократно поднимался С. А. Шейфером². В первую очередь обязанность всесторонне, полно и объективно исследовать обстоятельства дела лежит на лицах, производящих расследование. В работах С. А. Шейфера особая роль отводилась следователю (дознавателю), который должен быть не обвинителем, а объективным и беспристрастным исследователем. Он полагал, что функция уголовного преследования (обвинения) и расследования (т. е. объективного исследования обстоятельств дела), по существу, противоположны. Поэтому фигура судебного следователя, который существовал по Уставу уголовного су-

¹ См.: Шейфер С. А. О законопроекте «О внесении изменений в УПК РФ в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4 (5). С. 281.

² См.: Шейфер С. А. Собрание доказательств по уголовному делу : проблемы законодательства, теории и практики. М., 2015. С. 19.

допроизводства, наилучшим образом была способна собирать «не только уличающие обвиняемого, но и обстоятельства оправдывающие».

Т. Ю. Проскурина, формируя свои научные представления под влиянием своего Учителя, в связи с этим выразила следующую позицию: поэтому именно прокурор должен составлять обвинительное заключение, так как в дальнейшем на основании этого акта в суде прокурор поддерживает государственное обвинение, а значит, это позволит тщательнее изучить материалы уголовного дела и уже на данном этапе прокурор сможет определить, есть ли основания для осуществления уголовного преследования³. Действительно, если предположить, что перед следователем не стоит задача обвинить, то оценку собранных им доказательств должен проводить прокурор, определяя, какие из них относятся к обвинительным, а какие – к оправдательным.

Таким образом, С. А. Шейфер считал, что достижению объективной истины на предварительном расследовании ничего не препятствует. Более того, он подчеркивал, что и законодатель в ч. 4 ст. 152 и ч. 2 ст. 154 УПК РФ, используя формулировки «полнота и объективность предварительного расследования», «всестороннее и объективное расследование и разрешение уголовного дела», по-прежнему ориентирован на достижение объективной истины. Однако как быть с судьей? Нередко в суде допускается ситуация, когда судья не может не согласиться с выводами других участников уголовного процесса: согласие с предъявленным обвинением, суд присяжных, отказ прокурора от обвинения. С. А. Шейфер пришел к выводу о том, что обязанность всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела судом может возлагаться на суд не в полной мере, в противном случае суд перейдет в положение органа обвинительной власти. При этом суд, участвуя в процессе доказывания, участвует и в установлении истины, так как восполняет пробелы осуществленного сторонами доказывания, собирает необходимые для установления истины доказательства. Более того, суд должен обосновать вынесенное решение имеющимися доказательствами. Получается, что несмотря на то что нельзя на суд возложить обязанность всестороннего, полного, объективного исследования обстоятельств дела, тем не менее, суд должен быть в разумных пределах активен, а значит, и он участвует в процессе установления истины. Более того, следует добавить, что именно судья несет ответственность за вынесенный им приговор, поэтому он должен быть уверен, что исследовал все возможные доказательства по делу, а при необходимости сделал всё возможное, чтобы собрать доказательства, которые могут повлиять на принятие окончательного решения. Хотя в ряде случаев, как, например, в суде с участием присяжных заседателей, устанавливается не объективная, а формальная (договорная) истина, когда суд может быть не согласен с вынесенным вердиктом, но вынужден его принять.

Отстаивая идею постижения истины в уголовном процессе, ученые-юристы предлагают видеть в этом явлении исключительно формально-юридическую составляющую. А. А. Тарасов пишет, что объективная истина не зависит

---

³ Цит. по: Цапаева Т. Ю. Участие прокурора в доказывании на предварительном следствии. Самара, 2004. С. 97.

от индивидуальных свойств познающего субъекта, его интересов и договоренностей, так как истина одна⁴.

К. А. Савельев также считает, что стремление к достижению объективной истины является целью доказывания. В обоснование своих взглядов он использует идеологическую подоплеку и объясняет, что в период массовых репрессий 30-х гг. XX в. перед правоохранительными органами не стояла задача тщательного установления всех обстоятельств уголовного дела, поэтому закрепление в ст. 243 УПК РСФСР 1960 г. обязанности председательствующего в судебном заседании устанавливать истину, а также в ст. 20 УПК РСФСР обязанности следователя, прокурора и судьи всесторонне, полно и объективно исследовать обстоятельства дела дало возможность государству подчеркнуть, что теперь выводы должностных лиц правоохранительных органов не могут быть вероятностными, и уголовно-процессуальное воздействие не может быть осуществлено при отсутствии на то фактических оснований. Правда, стремление к объективной истине может привести к «бесконечному обвинению»⁵, когда вместо оправдательного приговора в связи с недоказанностью обвинения, уголовное дело возвращается на дополнительное расследование (как это было в советский период) или возвращается прокурору (ст. 237 УПК РФ). В этих рассуждениях важным аспектом является придание объективной истине особой роли, ее закрепление в нормах УПК РСФСР, это давало в тот период надежду, что уголовный процесс будет ориентироваться на человека, а следователь, прокурор и судья сделают от себя все возможное, чтобы собрать все имеющиеся доказательства по данному делу.

Как видим, в теории по-прежнему имеется стремление сохранить именно объективную, а не формальную истину в качестве цели доказывания в уголовном судопроизводстве⁶. В своих научных трудах А. А. Тарасов отстаивает идею объективной истины как цели доказывания в уголовном процессе. При этом указывает, что стремление к объективной истине, т. е. желание узнать, что было на самом деле, не противоречит стремлению к правильному выражению этого знания в юридических терминах в юридическом документе⁷. В соответствии с его рассуждениями получается, что нормативно-правовая регламентация уголовно-процессуальной деятельности должна стремиться к совпадению

⁴ См.: Тарасов А. А. Идеологическая составляющая учения об истине в уголовном процессе // Природа российского уголовного процесса и принцип состязательности : к 125-летию со дня рождения М. С. Строговича : материалы конф. (24–25 октября 2019 г.). М., 2020. С. 313, 315.

⁵ Савельев К. А., Проскурина Т. Ю. Бесконечное обвинение : pro et contra // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. статей / науч. ред. О. И. Андреева, Т. В. Трубникова. Томск, 2018. Ч. 79. С. 327.

⁶ См.: Лазарева В. А. Яблоко раздора или основание дифференциации уголовно-процессуальной формы // Юридическая истина в уголовном праве и процессе : материалы Всероссийской науч.-практ. конф. (16–17 марта 2018 г.) / под общ. ред. К. Б. Калиновского, Л. А. Зашляпина. СПб., 2018. С. 47.

⁷ См.: Тарасов А. А. Юридическая истина – правовой инструмент или предмет спекуляции? // Юридическая истина в уголовном праве и процессе : материалы Всероссийской науч.-практ. конф. (16–17 марта 2018 г.) / под общ. ред. К. Б. Калиновского, Л. А. Зашляпина. СПб., 2018. С. 197.

этих истин. Истина судебного решения, которая подтверждается доказательствами и проверяется в рамках юридических процедур юридическими средствами – это юридическая истина и, если она установлена «в результате добросовестного стремления к истине объективной, значит, юридическая истина и будет истиной объективной, т. е. знанием, соответствующим тому, что было на самом деле».

В. А. Лазарева в вопросе возможности познания объективной истины в уголовном процессе придерживается иного мнения. Объективная истина не совместима с презумпцией невиновности, так как требует достоверного знания не только о вине, но и о невиновности лица, а также с принципом состязательности, потому что побуждает суд к самостоятельному поиску доказательств⁸. Более того обоснованность приговора не равнозначна понятию «юридическая» или «формальная» истина, о которой говорят сторонники объективной истины. Например, оправдательный приговор не требует ни истинного, ни достоверного знания, так как если обвинение не доказано, то суд обязан вынести оправдательный приговор в силу презумпции невиновности. При этом приговор все так же законный и обоснованный.

В. А. Лазарева указывает также на то, что знание о прошедшем событии всегда субъективно, так как существует в сознании субъекта, сопоставляющего свои знания о преступлении не с объективной реальностью, а с другими знаниями, т. е. с доказательствами, которые сами являются результатом действий субъекта и поэтому не могут претендовать на абсолютную объективность, т. е. истинность. Получается, что абсолютной достоверности знания (как и абсолютной истины) не существует. Для того чтобы ограничить субъективизм при принятии процессуального решения, необходима состязательность уголовного судопроизводства, которая обеспечивает равенство сторон и делает уголовное судопроизводство справедливым. Суд должен иметь возможность всесторонне исследовать все имеющиеся у сторон доказательства, а значит, должна быть обеспечена возможность их представления судье. При этом доказательства, которые были получены сторонами, имеют предварительный характер, а доказательства, которые ложатся в основу приговора, должны быть непосредственно изучены судьей, после чего они становятся судебными доказательствами. Перед следователем и прокурором стоит задача доказать обвинение, а перед судом – проверить представленные доказательства и вынести честное решение.

Само доказывание В. А. Лазаревой понимается как деятельность, направленная на обоснование обвинения, это мыслительная и практическая деятельность органов уголовного преследования по изобличению подозреваемого и обвиняемого в совершении преступления и обоснованию его вины⁹. Судья же собирает, проверяет и оценивает доказательства для того, чтобы убедиться: доказано обвинение или нет. Таким образом, суд в состязательном уголовном процессе не субъект, а адресат доказывания, так как он не осуществляет доказывание, а отвечает на вопрос, считает ли он обвинение доказанным.

---

⁸ См.: Лазарева В. А. Объективна ли «объективная истина»? // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4 (5). С. 173–174.

⁹ См.: Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе : учеб. для бакалавриата и магистратуры. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2015. С. 40.

Получается, что если оставить истину в качестве идеальной цели уголовного процесса, то нельзя ставить знак равенства между стремлением суда к познанию истины и обязанностью ее установить. Как полагает В. А. Лазарева, суд, который стремится достичь истину любой ценой, неизбежно переходит на позиции обвинения.

А. Ю. Шапошников предлагает разделять цель доказывания в зависимости от того, идет ли речь о досудебном или судебном производстве. Следовательно, находясь на стороне обвинения, по его мнению, исходя из психологии мышления участников процесса, не может одинаково беспристрастно оценивать доказательства, которые он собрал сам, и доказательства, представленные стороной защиты. В связи с этим важное значение имеет обеспечение достоверности доказательств, собираемых органами предварительного следствия и дознания. На стадии предварительного расследования должны быть созданы такие условия, чтобы суд смог всесторонне, полно и объективно рассмотреть дело¹⁰. Суд же в идеале должен сопоставить имеющиеся доказательства с объективной действительностью, а не механически друг с другом и как результат подтвердить или опровергнуть их содержание, признав достоверными только те, которые невозможно опровергнуть. Вместе с тем информация, зафиксированная в протоколах следственных и судебных действий, не может полностью соответствовать объективной действительности, а значит, и истина в уголовном судопроизводстве недостижима.

По нашему мнению, доказывание как специализированная деятельность направлена на установление факта совершения преступления для дальнейшего возникновения правоотношения уголовной ответственности, а следовательно, эта обязанность лежит исключительно на стороне обвинения. Доказывание необходимо для формирования изначальной адекватной юридической оценки содеянного и последующей развернутой и аргументированной юридической квалификации совершенного лицом преступления. Судья же должен объективно рассмотреть представленные сторонами доказательства и вынести решение. При этом судья, вынося приговор, должен быть уверен в первую очередь для себя, что исследовал все возможные в данных условиях доказательства и принял на основании этого объективное правосудное решение, которое при прочих равных условиях соответствует его пониманию справедливости.

При этом проблема установления факта совершения преступления, которое является объективно существующим в окружающем материальном мире, заключается в том, что его познание всегда субъективно и отражается субъективным сознанием человека-правоприменителя и выражается в субъективно сформулированных этим человеком правоприменительных актах. Следовательно, проблема максимальной (абсолютной, истинностной) познаваемости отсутствует. Использование в уголовном процессе термина «истина» как цели доказывания носил и носит особое идеологическое значение, через него публичная власть стремится к усилению государственности. Именно страны ро-

¹⁰ См.: Шапошников А. Ю. Некоторые проблемы проверки и оценки достоверности доказательств // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России : сб. науч. трудов / под ред. В. А. Лазаревой. Самара, 2012. С. 31.

мано-германской правовой традиции используют термин «истина» в качестве цели доказывания, так как их правовая культура своими корнями глубоко уходит в христианскую догматику, причем у одних это догматика римской католической церкви, а у других – византийской. Но благодаря тому, что в этих странах на протяжении многих веков имело место постоянное взаимодействие церкви с государственным аппаратом, идея истины смогла плодотворно развиваться на этой почве, представляя собой сакральное знание, которое может быть известно ограниченному кругу лиц, приближенных к политической элите. Как в XIX в., так и в середине XX в. мы никак не можем отказаться от идеи, что эффективное социальное регулирование возможно только при наличии в обществе сильной государственной власти. Даже в XXI в. мы, по сути, «цепляемся» за эту идею, вместо того чтобы признать неоспоримый факт, что перед правоохранительными органами и судом стоит задача восстановить нарушенный баланс интересов и то лишь в той степени, которая допускается действующим уголовно-процессуальным законом.

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева*

Марьина Е. В., кандидат юридических наук, доцент кафедры
уголовного процесса и криминалистики

Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev

Maryina E. V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the
Criminal Process and Criminalistics Department

E-mail: urclin@yandex.ru

ИНСТИТУТ ОПРАВДАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: СТРУКТУРА, ПРИЗНАКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Рассматриваются параметры, характеризующие оправдание как уголовно-процессуальный институт. На основе общетеоретических представлений о структуре системы права выявлены признаки института оправдания. Для компенсации недостаточной обособленности положений закона об оправдании лиц, невиновных в совершении преступления, предложена общая конфигурация института оправдания. Эти наработки в будущем могут использоваться при совершенствовании действующего законодательства в целях лучшей систематизации уголовно-процессуальных норм.

К л ю ч е в ы е с л о в а: уголовный процесс, презумпция невиновности, оправдание, институт права, оценка доказательств.

INSTITUTE OF JUSTIFICATION IN THE CRIMINAL PROCEDURE: STRUCTURE, SIGNS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

The parameters characterizing justification as a criminal procedure institution are considered. On the basis of general theoretical ideas about the structure of the legal system, the features of the institution of justification are revealed. To compensate for the insufficient isolation of the provisions of the law on acquittal of persons innocent of committing a crime, a general configuration of the institution of acquittal is proposed. These developments in the future can be used to improve the current legislation in order to better systematize criminal procedural norms.

Ke y w o r d s: criminal procedure, presumption of innocence, acquittal, institution of law, assessment of evidence.

Поступила в редакцию 15 февраля 2021 г.

В современный период уголовно-процессуальные отношения подвергаются достаточно нестабильному правовому регулированию. С 1 июля 2002 г. (дата вступления в силу Уголовно-процессуального кодекса РФ) до настоящего времени принято 275 федеральных законов и 30 актов Конституционного Суда РФ, изменивших его содержание¹. Ученые констатируют, что масштабная судебная реформа 90-х гг. XX в. хотя и привнесла в отечественное уголовное судопроизводство множественные новеллы, всё же не привела к появлению такого порядка производства по уголовному делу, который оставался бы неизменным длительное время²; его корректировки носили бессистемный и хаотичный характер³, а будущие перспективы развития до настоящего вре-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Божьев В. П., Гаврилов В. Я. Критика современного УПК РФ : обоснованность, научность, прикладной характер // Вестник Моск. ун-та МВД России. 2018. № 1. С. 16–22.

³ См.: Давыдов В. А., Качалова О. В. Современные тенденции развития российского уголовного судопроизводства // Вестник Томск. гос. ун-та. Серия: Право. 2018. № 29. С. 69–78.

мени не имеют четкого концептуального обрамления⁴. В научной литературе сохраняются критические оценки обвинительного уклона в уголовном судопроизводстве⁵, наряду с предложениями о дальнейшем утверждении демократических начал правосудия, идеологии прав человека⁶. В этом контексте актуализируются рассуждения о самостоятельности института оправдания в уголовном процессе.

В рамках настоящей статьи автором не ставится цель обсуждения тезиса об обвинительном уклоне в уголовном судопроизводстве, равно как и цель исследования системы уголовного судопроизводства как инструмента противодействия преступности, обеспечивающего осуждение и наказание лиц, совершивших преступления. Напротив, автор полагает необходимым обратиться к нормам действующего законодательства, гарантирующим защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод.

Обязанность государства обеспечить право каждого на справедливую и действенную судебную защиту установлена общепризнанными принципами и нормами международного права, являющимися частью национальной правовой системы (ст. 8 Всеобщей декларации прав человека, ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод), конституционными положениями (ст. 118 Конституции РФ) и основанными на них правовыми позициями Конституционного Суда РФ⁷. Исходя из них, суд на основе исследованных в судебном заседании доказательств устанавливает фактические обстоятельства дела, осуществляет юридическую квалификацию инкриминируемого деяния и формулирует выводы об осуждении или оправдании лиц, в отношении которых велось уголовное преследование. Иными словами, уголовное судопроизводство не запрограммировано на достижение единственно возможного результата рассмотрения уголовного дела, и суд с равной долей вероятности может вынести как обвинительное, так и оправдательное решение.

Термин «оправдание» не получил определения в ст. 5 УПК РФ (в целом кодекс оперирует преимущественно дефиницией «оправдательный приговор»). Однако в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 оправдание характеризуется как часть процессуальной деятельности суда (п. 15, 16, 21) или как качественный параметр итогового судебного реше-

---

⁴ См.: Лантух Н. В. Концепция судебной реформы 1991 года и современный УПК РФ : достижения и проблемы // Юрид. вестник Самарского ун-та. 2016. Т. 2, № 3. С. 77–85.

⁵ См.: Калиновский К. Б. Обвинительный уклон в уголовном судопроизводстве : нормативные предпосылки в действующем российском законодательстве // Обвинение и оправдание в постсоветской уголовной юстиции : сб. статей / под ред. В. В. Волкова. М., 2015. С. 93–103 ; Коряковцев В. В., Питулько К. В. Состязательность : насущные проблемы современного уголовного судопроизводства // Правоприменение. 2019. Т. 3, № 1. С. 119–137.

⁶ См.: Лазарева В. А., Иванов В. В., Утарбаев А. К. Защита прав личности в уголовном процессе России. М., 2020. С. 6.

⁷ По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б. Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда : постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ния (в контексте «вынесение оправдательного приговора»)⁸. Тем не менее в правовой доктрине разработана концепция оправдания не только как основанного на презумпции невиновности субъективного права лица, привлекающегося к уголовной ответственности⁹ или акта применения права¹⁰, но и как специфического процессуального института¹¹.

Изложенное выше позволяет выдвинуть гипотезу о том, что оправдание в российском уголовно-процессуальном законодательстве сформировалось как правовой институт, обладающий относительно автономной структурой и всеми признаками, присущими такому элементу системы нормативного регулирования. В целях ее дальнейшего обоснования представляется необходимым обратиться к теоретико-правовым характеристикам института права.

Как один из элементов системы права институт права является «составной частью, блоком, звеном», функционирующим в пределах отрасли права¹². Ключевым признаком, определяющим правовой институт, выступает наличие совокупности норм права, регулирующих однородные общественные отношения¹³. В современный период признаками правового института теории признают относительную самостоятельность, специфичность способа правового регулирования, нормативную обособленность¹⁴. В уголовно-процессуальной доктрине особое внимание обращается на то, что институт выступает органической частью отрасли права¹⁵. Резюмируя изложенное, можно заключить, что институт права как компонент его отраслевой структуры обладает относительной автономностью и самостоятельностью, собственным предметом и методом правового регулирования, целостным подходом к установлению юридических последствий возникновения общественных отношений, подлежащих правовому регулированию.

В уголовно-процессуальной науке сложилось неравнозначное по объему понимание правового института. Определенную роль в этом, как представляется, сыграло суждение о том, что «единого критерия уголовно-процессуального института не существует»¹⁶. В связи с этим ученые признают статус правового института как за отдельными стадиями процесса¹⁷, так и за их структурными этапами¹⁸. В некоторых трудах обоснована институциональная структура отдельных стадий уголовного процесса (иными словами, доказано,

⁸ О судебном приговоре : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ См.: Права человека / под ред. Е. А. Лукашевой. М., 2008. С. 36–41.

¹⁰ См.: Чурилов Ю. Ю. Оправдательный приговор в российском судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 11.

¹¹ См.: Абрамов А. В. Оправдание в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 12.

¹² См.: Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права. М., 2005. С. 316.

¹³ См.: Джалилова Е. А. Проблемы определения понятия и сущности института права // Вестник Волжского ун-та имени В. Н. Татищева. 2018. № 2, т. 1. С. 22–31.

¹⁴ См.: Пилипенко Е. А. Система российского права : структурно-функциональный анализ : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов, 2003. С. 75.

¹⁵ См.: Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе. М., 2019. С. 7.

¹⁶ Батычко В. Т. Уголовный процесс. Таганрог, 2016. С. 7.

¹⁷ См.: Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса : в 2 т. М., 1968. Т. 1. С. 96.

¹⁸ См.: Григорьев В. Н., Победкин А. В., Яшин В. Н. Уголовный процесс. М., 2008. С. 42.

что институт уголовно-процессуального права выступает структурной единицей соответствующей стадии процесса)¹⁹. Учеными выделены отраслевые, межотраслевые, регулятивные и охранительные институты уголовно-процессуального права²⁰. Вследствие изложенного можно видеть терминологический диссонанс, когда ученые характеризуют с помощью этого понятия как совокупность норм, регулирующих однородные уголовно-процессуальные отношения (например, уголовное преследование²¹), так и явления меньшего масштаба (отдельные источники получения доказательств²² или даже процессуальное положение отдельных участников уголовного судопроизводства²³).

Таким образом, в теории права и уголовно-процессуальной доктрине сложилось во многом идентичное восприятие правового института, основанное на представлениях о качественных (регулирование однородных общественных отношений, взаимосвязь с иными положениями отрасли) и количественных (наличие совокупности норм, обособление в отдельных разделах, главах закона или нормативных актах) характеристиках. Рассмотрим эти параметры на примере института оправдания.

Во-первых, институт оправдания характеризуется самостоятельностью, в силу которой отказ от дальнейшего осуществления уголовного преследования происходит только вследствие констатации невиновности лица, обвиняемого в совершении преступления. В ст. 24, 27 УПК РФ установлен широкий перечень оснований, вследствие которых продолжение уголовного преследования становится невозможным. Однако далеко не все из них подразумевают установление невиновности в совершении инкриминируемого деяния. Применение части оснований прекращения уголовного дела, уголовного преследования (например, истечение срока давности, недостижение возраста уголовной ответственности) находится за пределами оправдания, итоговое процессуальное решение устанавливает и преступный характер содеянного, и причастность к этому деянию конкретного лица.

Во-вторых, институт оправдания регулирует специфические уголовно-процессуальные отношения, возникающие в связи с установлением обстоятельств, влекущих признание отсутствия события преступления, отсутствия признаков состава преступления или иных обстоятельств, влекущих признание подсудимого невиновным или непричастным к совершению преступления. Этот признак – автономность правового регулирования – присущ оправданию, поскольку назначение уголовного судопроизводства раскрыто в ст. 6 УПК РФ дуалистически, а значит, его достижение сопряжено с возникновением уголовно-процессуальных отношений негативной (осуждение) и позитивной

---

¹⁹ См.: Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980. С. 13.

²⁰ См.: Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс) / под ред. Э. К. Кутуева. СПб., 2019. С. 55.

²¹ См.: Мазюк Р. В. Институт уголовного преследования в системе институтов российского уголовного судопроизводства // Сибирский юрид. вестник. 2012. № 2. С. 139–144.

²² См.: Кудрявцева А. В. Судебная экспертиза как институт уголовно-процессуального права : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2001. С. 34–41.

²³ См.: Дациева Х. Г. Институт подозреваемого в механизме уголовного преследования // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 3. С. 90–92.

(оправдание) направленности. Помимо отказа от продолжения уголовного преследования, решение о котором может быть принято как в судебном, так и в досудебном производстве по уголовному делу, отношения, урегулированные институтом оправдания, включают право на реабилитацию и охватывают процедуры ее осуществления, предусмотренные главой 18 УПК РФ. Однако ограничивать институт оправдания только реабилитацией было бы ошибочно. Реабилитации предшествует производство по уголовному делу, осуществление уголовного преследования, ограничение прав и свобод лица, обвиняемого в совершении преступления.

В-третьих, институт оправдания обладает частичной обособленностью, вследствие которой составляющие его нормы могут быть структурированы внутри УПК РФ или отдельных его глав. Так, нормы о реабилитации сгруппированы в главе 18 УПК РФ; основания отказа в возбуждении уголовного дела, прекращения уголовного дела, уголовного преследования дифференцируются в главе 4 УПК РФ достаточно условно, но в целом среди них можно выделить те, которые относятся исключительно к оправданию (отсутствие события преступления, отсутствие признаков состава преступления); в главе 39 УПК РФ содержатся положения, относящиеся только к постановлению оправдательного приговора (ст. 305, 306 УПК РФ). Как представляется, полное обособление института оправдания в уголовно-процессуальном законе невозможно вследствие изначально вариативного характера назначения уголовного судопроизводства и закрепления равной перспективы осуждения или оправдания.

«Залог» равенства этой перспективы устанавливается положениями, регламентирующими процесс доказывания, т. е. охватывается рамками самостоятельной подотрасли уголовно-процессуального права – доказательственного права. Оправдание лица, обвиняемого в совершении преступления, возможно только на основе собранных или представленных доказательств, не подтверждающих его виновность. В то же время оценка доказательств происходит по единым правилам и на основании внутреннего убеждения, вследствие чего выделить ее особенности, относящиеся только к последующему оправданию, невозможно.

Исходя из изложенного, можно предложить следующую структуру института оправдания.

В ее основе лежат принципы законности, презумпции невиновности, свободной оценки доказательств, состязательности (ст. 7, 14, 15, 17 УПК РФ). В совокупности их применение гарантирует равную возможность осуждения или оправдания лица, обвиняемого в совершении преступления. Каждый из них защищает граждан от необоснованного уголовного преследования и исключает возможность безоговорочного осуждения. Достаточность и убедительность доказательств служат теми критериями, которые создают условия для принятия законного и непротиворечивого итогового решения.

В структуру института оправдания могут быть включены также нормы, характеризующие основания и порядок принятия решений, констатирующих отказ от продолжения уголовного преследования (п. 1, 2, 6 ч. 1 ст. 24, п. 1, 2 ч. 1 ст. 27, ст. 214, 214.1, 246, ч. 1–3 ст. 302, ст. 305, 306 УПК РФ). Оправдание подразумевает вынесение постановления о прекращении уголовного дела

(уголовного преследования) или постановление приговора, удостоверяющего невиновность лица в совершении преступления. Соответственно процедура принятия таких решений может быть в полном объеме включена в институт оправдания.

Наконец, как часть института оправдания, наличие которой придает составляющим его уголовно-процессуальным нормам завершенность, выступает реабилитация, итогом которой является возмещение вреда, причиненного уголовным преследованием. Положения главы 18 УПК РФ распространяются исключительно на лиц, признанных невиновными в совершении преступления. Их применение подразумевает принесение извинений от имени государства, а возникающие уголовно-процессуальные отношения концентрируются вокруг установленной невиновности подсудимого. Иными словами, отношения в сфере реабилитации возникают в целях устранения последствий незаконного и необоснованного привлечения к уголовной ответственности.

В современный период определенную актуальность приобрела разработка сценария судебной реформы²⁴. С учетом того, что уголовное судопроизводство выступает одним из инструментов противодействия преступности, сомнительно, что прогнозируемые преобразования будут направлены на дальнейшее развитие норм об оправдании. Однако поскольку институт оправдания служит гарантией защиты как от судебной ошибки, так и от незаконного привлечения к уголовной ответственности, то нормы, составляющие его, должны также получить новое осмысление. В связи с этим видится перспективным обособление внутри отдельных глав УПК РФ тех положений, которые регулируют уголовно-процессуальные отношения, возникающие в связи с установлением невиновности лица в совершении преступления или его непричастности к уголовно наказуемому деянию.

Такое обособление привело бы к окончательному и бесспорному установлению оправдания в отечественном уголовном процессе как самостоятельного правового института и было бы более совершенным с юридико-технической точки зрения, т. е. имело бы более удобную для правоприменителя конфигурацию. В частности, позитивным было бы разграничение реабилитирующих и нереабилитирующих оснований прекращения уголовного дела, уголовного преследования; закрепление в отдельных статьях УПК РФ общих положений о видах приговоров (а в перспективе – и выделение в главе 39 УПК РФ самостоятельных подглав, закрепляющих основания постановления, структуру и содержание обвинительного и оправдательного приговора).

Кроме того, логичным представляется изменение структуры части первой УПК РФ, а именно места в ней положений о реабилитации. Нормы, регламентирующие порядок осуществления реабилитации, в настоящее время размещены в разделе VI УПК РФ, что представляется не вполне удачным как с учетом его наименования («Иные положения»), так и во взаимосвязи с содержанием главы 17 кодекса, регулирующей общие вопросы исчисления процессуальных сроков, несколько принижается значение оправдания как такого

---

²⁴ См.: Тимошенко А. А. Внешние факторы трансформации судебно-правоохранительной системы и сценарный анализ судебной реформы // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2019. № 4. С. 274–283.

итога судопроизводства, при котором достигается торжество справедливости и создаются препятствия для осуждения и наказания невиновных. В этом контексте гораздо более корректным представляется структура УПК Республики Казахстан²⁵, в котором нормы о реабилитации являются составной частью раздела «Основные положения». В данном разделе сгруппированы базовые установления, относящиеся к действию уголовно-процессуального закона, определяющие задачи и принципы уголовного процесса. Особенно гармонично выглядит конструкция, в которой нормы о реабилитации следуют за главой, раскрывающей понятие и формы уголовного преследования. При системном толковании уголовно-процессуальных норм следует, что в условиях, когда уголовное преследование становится необоснованным, несправедливым и незаконным, лицо, привлекавшееся к уголовной ответственности, подлежит реабилитации. Соответственно, реабилитация априори становится главным юридическим последствием оправдания, придавая ему характеристику завершенности и создавая окончательную (итоговую) конструкцию оправдания как уголовно-процессуального института.

---

²⁵ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Палата адвокатов Самарской области
Миронова М. А., адвокат коллегии адвокатов № 34

Chamber of Advocates of the Samara Region
Mironova M. A., Lawyer of the Bar Association № 34
E-mail: 2538@paso.ru

НУЖНЫ ЛИ РОССИЙСКОМУ СУДОПРОИЗВОДСТВУ СЛЕДСТВЕННЫЕ СУДЬИ?

Статья посвящена развитию законодательства о досудебном производстве. Рассмотрены планируемые в будущем права следственного судьи на этапе предварительного расследования. Отмечено отсутствие связи между действиями судебного следователя и состязательностью предварительного расследования. Проведен анализ форм участия следственного судьи в уголовном процессе. Выявлены общие тенденции развития законодательства. Даны рекомендации по улучшению законодательства.

К л ю ч е в ы е с л о в а: следственные судьи, законная процедура, реформы, инквизиционная модель, доказательства, реорганизация предварительной процедуры, расследование, суд.

DO RUSSIAN JUDICIAL JUDGES NEED INVESTIGATIVE JUDGES?

The article is devoted to the development of legislation on pre-trial proceedings in criminal cases. Changes in the future rights of the the investigating judge during the preliminary investigation. The lack of a link between the actions of the investigating judge and the competitiveness of preliminary investigation is shown. The comparative analysis of contemporary forms of participation by investigating judges in the criminal process is carried out. The general trends of development of legislation are set. Recommendations for improving legislation are given.

К е у w o r d s: investigating judge, criminal legal procedure, reforms, inquisitorial model, evidence, reorganization of the preliminary proceedings, investigation, court.

Поступила в редакцию 15 февраля 2021 г.

Наиболее заметной тенденцией развития теории и практики уголовного судопроизводства постсоветских стран стало введение в процесс фигуры «следственного судьи». Этим путем пошло законодательство Казахстана, Украины, Грузии, Молдавии, Литвы, Латвии, Эстонии, Киргизии. Как правило, их необходимость обосновывается расширением состязательности досудебных частей уголовного процесса, которая, по мнению законодателя, положительно скажется на обеспечении прав участников судопроизводства и позволит исключить необоснованное применение мер уголовно-процессуального принуждения. Между тем усиление функции судебного контроля за предварительным следствием и выделение отдельного участника для его осуществления имеет как положительные, так и отрицательные последствия.

Положительной чертой такого порядка является передача вопроса о применении наиболее суровых мер принуждения лицу, которое не осуществляет уголовного преследования. Свободный от ответственности за результаты расследования, следственный судья способен беспристрастно устанавливать

наличие или отсутствие оснований для применения мер пресечения и производства следственных действий. Это позволяет исключить неправомерное воздействие органа предварительного расследования на подозреваемого и обвиняемого путем угрозы применения заключения под стражу в случае отказа последних от признания своей вины. Другим позитивным последствием судебного порядка санкционирования следственных действий и мер пресечения является отсутствие у следственного судьи обязанности проверять целесообразность их применения. В отличие от следователя и дознавателя суд здесь ограничен проверкой законности и обоснованности данных мер и не связан необходимостью выяснять их влияние на дальнейший ход уголовного дела. Следовательно, тактические соображения обвинения не смогут повлиять на решение вопросов об ограничении свободы обвиняемого или производства следственных действий.

Появление следственного судьи способно также освободить судей районного суда от участия в решении процессуальных вопросов предварительного расследования. Тем самым исключается возможность формирования у них предвзятого отношения о виновности обвиняемого еще до передачи дела в суд.

Тем не менее концепция следственного судьи имеет целый ряд негативных черт. Прежде всего, как ее несомненное достоинство рассматривается отнесение этого субъекта к судебной власти. Являясь носителем судебной власти, судебный следователь представляется лицом, на которое распространяются все ее преимущества: независимость, состязательность, наличие эффективной процедуры рассмотрения стоящих перед ней вопросов. Тем самым, судебный следователь априори лучше прокурора и руководителя следственного органа в решении стоящих перед ним задач контроля за предварительным следствием. С этой точки зрения появление данного участника в процессе означает его демократизацию и действенную защиту прав и свобод участников досудебного производства.

Согласиться с этим нельзя. Полномочия судебной власти неразрывно связаны с осуществлением правосудия в состязательном судебном разбирательстве, которое включает в себя участие знакомых с уголовным делом сторон. При осуществлении судебного контроля о состязательности говорить не приходится: как правило, сторона защиты лишена возможности участвовать в рассмотрении ходатайства следователя о санкционировании следственных действий. Очевидно, что и с появлением судебного следователя ситуация не изменится, так как предварительное извещение обвиняемого о планируемых следственных действиях грозит их срывом и поэтому невозможно. В случае избрания меры пресечения говорить о состязательности также невозможно, так как на этот момент защита с уголовным делом не знакома и по общему правилу ограничена в своих средствах одним только указанием на характеристику личности обвиняемого. Не владея информацией об имеющихся в деле доказательствах, обвиняемый и его защитник не могут указать на имеющиеся в деле противоречия, ставящие под сомнения доводы следователя о наличии оснований для применения меры пресечения. Таким образом, возникает парадоксальная ситуация – носитель судебной власти вынуждается разрешать поставленные перед ним вопросы вне состязательного процесса.

Сомнительна и возлагаемая на судебного следователя функция «сплошного» судебного контроля, в рамках которого он во всех случаях санкционирует указанные в законе следственные действия и меры пресечения. Процедура санкционирования производится также и в тех случаях, когда эти следственные действия и меры пресечения никем не оспариваются. Как правило, правосудие рассматривается как деятельность по разрешению споров о праве¹. С этим следует согласиться, так как без спора нет и состязательности. Но тогда возникает вопрос о необходимости отнесения деятельности по санкционированию процессуальных действий органов предварительного расследования к компетенции судебной власти.

Вряд ли можно говорить и о полноценной процедуре осуществления судебного контроля. Судебный следователь при санкционировании следственных действий лишен возможности полноценно исследовать законность, обоснованность и мотивированность ходатайства следователя. Это связано с тем, что решение по нему принимается на основании представленных следователем материалов, проверка которых судебным следователем либо затруднена, либо невозможна, так как это лицо не имеет возможности полноценной проверки доказательств с участием сторон уголовного дела.

Из сказанного можно сделать вывод о невозможности использования судебным следователем в своей деятельности преимуществ судебной власти. Вопреки высказанному в литературе мнению об отнесении судебного контроля к особой форме осуществления правосудия², его анализ позволяет говорить об отсутствии в этой деятельности наиболее характерных для правосудия черт. Ограниченность участия стороны защиты в судебном контроле исключает наличие как состязательности, так и надлежащей процедуры в работе судебного следователя.

Хотя судебные следователи, наделенные функцией судебного контроля, уже достаточно давно введены в уголовный процесс соседних с Россией государств, своих преимуществ там они не показали. На основании личного опыта применения УПК Украины 2012 г. подверг критике институт следственного судьи М. А. Михайлов, который отметил отсутствие связанных с их появлением положительных изменений в защите прав граждан, оперативности расследования и решении стоящих перед расследованием задач³.

Содержательной критике подверг концепцию судебного следователя Л. В. Головки, который также отметил отсутствие положительных результатов появления этого института в законодательстве иностранных государств⁴.

---

¹ См.: *Лазарева В. А.* Судебная власть и ее реализация в уголовном процессе. Самара, 1999. С. 55.

² См.: *Там же.* С. 57.

³ См.: *Михайлов М. А.* Необходимость учета крымского опыта при решении вопроса о создании института следственных судей в Российской Федерации // Уголовное производство : процессуальная теория и криминалистическая практика : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (Симферополь-Алушта, 24–25 апреля 2015 г.) / отв. ред. М. А. Михайлов, Т. В. Омельченко. Симферополь, 2015. С. 53.

⁴ См.: *Головка Л. В.* Следственные судьи или очередной раунд «американизации» российского уголовного процесса? URL: <https://www.iuaj.net/node/1740> (дата обращения: 04.02.2021).

Еще одним сомнительным предложением является наделение судебного следователя функцией депонирования и даже легализации доказательств⁵. Предполагается предоставление данному должностному лицу права самостоятельного производства ряда следственных действий, результаты которых получают статус судебных доказательств. Более того, в судебное заседание суда первой инстанции предполагается направление только тех собранных следователем доказательств, которые прошли верификацию у следственного судьи. Указанное суждение вызывает возражения. Прежде всего, реализация этой мысли повлечет за собой разделение доказательств на «следственные» и «судебные», что противоречит принципу свободы оценки доказательств по внутреннему убеждению (ст. 17 УПК РФ). Так как ни одно доказательство не имеет заранее установленной силы, придание легализованным следственным судьей доказательствам значения «судебных» противоречит базовым принципам уголовного процесса.

Как известно, принцип презумпции невиновности освобождает обвиняемого от обязанности доказывания своей невиновности (ст. 14 УПК РФ). Тем не менее при рассмотрении вопроса о легализации доказательств сторона защиты неизбежно окажется перед необходимостью обоснования допустимости и достоверности представляемых ею доказательств. Такое положение недопустимо близко к возложению на защиту обязанности доказывания. Более того, легализация доказательств защиты может потребовать выяснения обстоятельств получения обвиняемым или его защитником представленного доказательства и его источника. Такие сведения может предоставить защитник; однако допрос защитника невозможен. Следовательно, реализация рассматриваемого предложения ведет к ущемлению защиты в возможности легализации своих доказательств.

Кроме того, «фильтрация» следственным судьей доказательственной базы по уголовному делу ограничивает права суда первой инстанции по осуществлению правосудия, так как отсутствие в судебном следствии всей полноты доказательств лишает суд возможности сделать самостоятельные выводы о допустимости, относимости и достоверности доказательств.

Предложенный вариант легализации доказательств представляется нарушающим права сторон. Как обвинение, так и защита ограничиваются следственным судьей в праве представления доказательств суду только теми доказательствами, которые им были проверены. Не случайно данная концепция была подвергнута критике как противоречащая интересам защиты⁶.

Следует отметить, что легализация доказательств предлагается только в отношении материалов предварительного расследования. В отношении доказательств, которые стороны представляют непосредственно в судебном следствии, таких ограничений не предусмотрено. В этом случае ничто не мешает

⁵ См.: Смирнов А. В. Возрождение института следственных судей в российском уголовном процессе. URL: <https://www.iuaj.net/node/1723> (дата обращения: 04.02.2021).

⁶ См.: Соловьев С. А. Процессуальная конструкция – благоприятствование защите (Favor Defensionis) – в свете новой (состязательной) теории уголовно-процессуальных доказательств // Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней. М., 2015. С. 220.

суду самостоятельно проверить допустимость и относимость доказательств, сделать вывод об их достоверности. Возникает вопрос – почему же суд не может сделать это в отношении собранных следователем доказательств? Чем принципиально отличаются доказательства, собранные следователем, от доказательств, представленных суду государственным обвинителем? В обоих случаях суд обязан проверить и оценить доказательства по внутреннему убеждению, основанному на законе и совести. Лишать суд возможности исследовать собранные следователем доказательства на основании мнения следственного судьи недопустимо, так как резко снижает гарантии вынесения законного и обоснованного приговора по уголовному делу. Противоречивость этой новации проявляется и в том, что «суд в судебном разбирательстве по ходатайству стороны или по своей инициативе вправе повторно рассмотреть вопрос о признании исключенного доказательства допустимым, если в ходе судебного следствия были обнаружены ранее неизвестные обстоятельства, указывающие на его допустимость...»⁷. Таким образом, решение следственного судьи об отказе в легализации следственного доказательства не препятствует суду в его исследовании при рассмотрении уголовного дела по существу, а также в суде апелляционной инстанции. Следовательно, досудебная проверка допустимости доказательств не способна исключить влияние недоброкачественных материалов расследования на внутреннее убеждение суда. О неэффективности досудебной проверки допустимости доказательств свидетельствует и современная практика заявления и разрешения ходатайств о признании доказательств недопустимыми в ходе предварительного слушания (ст. 235 УПК РФ), которая не получила широкого распространения в судебной практике. Это связано с отсутствием у суда в предварительном слушании возможности полноценной проверки доказательств, а также промежуточным характером решения по этой проблеме – в последующих стадиях уголовного судопроизводства уже рассмотренный вопрос о допустимости может быть пересмотрен.

Вызывает возражения и предложенная процедура верификации доказательств. Верификация доказательств, как и судебный контроль в целом, носит эпизодический характер и производится только в отдельных, предусмотренных законом случаях. Предполагается наделение следственного судьи правом проверки доказательств без принятия уголовного дела к своему производству. Значит, каждое доказательство будет исследовано следственным судьей изолированно, отдельно от всех остальных имеющихся в деле доказательств. Фрагментированное исследование каждого отдельного доказательства, без учета его места в совокупности собранных следователем и защитой доказательств, исключает возможность их полноценной проверки и оценки. Не приняв дело к своему производству, не изучив в полной мере все имеющиеся доказательства, судебный следователь просто не сможет выработать основанного на законе и совести внутреннего убеждения. Из этого следует неприятный вывод о невозможности основывать легализацию доказательств на свободной оценке доказательств. Проверка доказательств при их легализации очевидно сведется

---

⁷ Смирнов А. В. Указ. соч.

к проверке формального соответствия формы доказательства требованиям закона. Тем самым в современный уголовный процесс будут внесены элементы формальной теории доказательств.

Попытки ограничения обвинительного уклона в деятельности органов предварительного расследования, придания следствию состязательного характера принимались неоднократно. Так, еще А. Ф. Кони требовал от судебного следователя беспристрастности, всесторонности исследования обстоятельств дела, приведения в известность обстоятельств, как уличающих обвиняемого, так и оправдывающих его⁸. И уже тогда отмечалось, что сам характер деятельности умного, энергичного следственного судьи создает из него склонного к обвинению сыщика, видящего в обвиняемом виновного⁹.

Как анализ исторического опыта, так и осмысление современного опыта неизменно показывают безуспешность попыток модифицировать инквизиционное по своему существу предварительное расследование путем введения в число его участников носителей судебной власти. В отсутствие возможности решать стоящие перед следственным судьей задачи средствами состязательного судопроизводства этот субъект уголовного процесса лишен принципиальных преимуществ перед прокурорским надзором.

Как правильно констатировала Т. К. Рябинина, усиление судебного контроля за предварительным расследованием, введение в процесс следственного судьи потребует концептуального переосмысления политики в области уголовного судопроизводства, переустройства досудебного производства, перераспределения полномочий между органами следствия, прокуратуры и суда¹⁰. Обеспечение законности и обоснованности производства по уголовному делу в досудебном производстве по уголовному делу, защита прав и законных интересов участников процесса требуют установления системы сдержек и противовесов в деятельности государственных участников предварительного расследования. В ее рамках отклонение одного из властных участников расследования от строгого следования закону должно быть парировано другим участником с учетом его процессуальной роли в производстве по делу.

Исходя из этого, центральную роль в расследовании должен играть следователь, на которого возложена функция полного, объективного и всестороннего исследования всех обстоятельств дела. Следователь обязан установить обстоятельства, как уличающие обвиняемого в совершении преступления, так и оправдывающие его. Ограничение следователя обвинительной функцией представляется недопустимым. Несмотря на расширение прав обвиняемого и его защитника по участию в доказывании, сторона защиты по-прежнему не имеет достаточных юридических и технических возможностей для установления оснований для принятия благоприятных для обвиняемого решений.

В свою очередь, склонность следователя к обвинительному уклону должна исправляться средствами прокурорского надзора, который обязан носить все-

⁸ См.: Кони А. Ф. Курс уголовного судопроизводства. М., 2011. С. 216.

⁹ См.: Даневский В. П. Наше предварительное следствие, его недостатки и реформа. М., 1895. С. 31.

¹⁰ См.: Рябинина Т. К. Необходим ли российскому уголовному процессу институт следственного судьи? // Lex Russica. 2017. № 12 (133). С. 209.

объемлющий характер и сопровождать каждое важное процессуальное действие и решение следователя. Так как в ходе реформы прокурорского надзора за предварительным следствием 2007 г. из уголовно-процессуального законодательства были полностью устранены нормы о личном участии прокурора в расследовании и производстве следственных действий, можно сделать вывод об отсутствии у надзирающего прокурора заинтересованности в исходе дела. Поэтому именно прокурор, непосредственно надзирающий за законностью расследования, знакомый со всеми материалами дела и имеющимися доказательствами с момента возбуждения дела и до его окончания, способен обеспечить всесторонность предварительного следствия. При этом должны быть расширены имеющиеся у прокурора властно-правовые средства исправления ошибок и нарушений следователя в виде права отмены процессуальных актов следователя и руководителя следственного органа.

Отсутствуют и принципиальные препятствия для возвращения прокурору права санкционировать следственные действия и меры пресечения в ходе расследования. Как уже отмечалось выше, эта деятельность не носит состязательного характера, не основана на свойственных суду процедурах и поэтому вполне может осуществляться прокурором. В отличие от суда, который знакомится только с ходатайством следователя и представленными им материалами, прокурор обязан вникать во все нюансы поднадзорного ему дела на каждом его этапе и на основании всех его материалов. Поэтому степень осведомленности прокурора значительно выше имеющейся у суда в рамках судебного контроля, что позволяет ему принимать более обоснованные решения по этим вопросам.

Судебный контроль в уголовном процессе развивается с 1679 г. и имеет своим истоком английский Habeas Corpus Act. В связи с отсутствием в Великобритании института прокуратуры только суд был вправе проверить законность ареста граждан. Иное положение сложилось в СССР и современной России, где имеются специализированные прокурорские органы обеспечения законности предварительного расследования, которые в течение многих лет эффективно выполняли функции по проверке законности и обоснованности производства следственных действий, а также мер пресечения.

Представляются необходимыми и судебные формы проверки законности действий органов предварительного следствия и прокуратуры. Ключевым условием их эффективности является рассмотрение возникающих споров только по жалобам участников уголовного процесса. При отсутствии спора отсутствует и предмет рассмотрения вопроса судом. Только при наличии конфликтной ситуации, в которой имеются стороны, возможна состязательная форма проверки законности оспариваемых действий.

Проверка судом законности действий и решений должностных лиц предварительного расследования только по жалобам заинтересованных лиц положительно скажется на скорости осуществления правосудия, оперативности решения возникающих вопросов, экономии процессуальных усилий судебных органов.

Вместе с тем реализация данного предложения позволит уделить большее внимание рассмотрению наиболее сложных споров участников расследова-

ния, так как суд будет освобожден от необходимости тратить время на деятельность, не связанную с рассмотрением споров.

Правом на обращение с жалобой в суд должны быть наделены не только все участники производства по делу с собственным или представляемым интересом, но и следователь в случае его несогласия с действиями и решениями прокурора. Только таким путем может быть обеспечена процессуальная независимость следователя, без которой невозможно принятие им решений на основании свободной оценки доказательств.

Таким образом, деятельность по судебному санкционированию следственных действий и мер пресечения не имеет признаков осуществления правосудия и поэтому не требует введения относящегося к судебной власти участника – судебного следователя.

Не может быть отнесена к полномочиям судебного следователя деятельность по легализации/верификации собранных следователем доказательств, так как этот участник не способен оценить доказательства по каждому уголовному делу во всей их полноте. Кроме того, реализация этого предложения способна навредить деятельности судов первой и апелляционной инстанции по установлению обстоятельств дела.

Следует исключить проверку судом законности действий и решений органов предварительного расследования в отсутствие жалобы заинтересованного лица, как противоречащую функциям суда как органа правосудия.

Представляется эффективным средством обеспечения законности и обоснованности мер пресечения и следственных действий их санкционирование прокурором. Права сторон в этом случае могут быть обеспечены путем предоставления им права обжаловать решение прокурора в суд.

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева*

Савельев К. А., кандидат юридических наук, доцент, заведующий
кафедрой уголовного процесса и криминалистики

*Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev
Savelyev K. A., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the
Criminal Process and Criminalistics Department
E-mail: konsav67@gmail.com*

ПРОВЕДЕНИЕ ОЧНОЙ СТАВКИ В УСЛОВИЯХ, ИСКЛЮЧАЮЩИХ ВИЗУАЛЬНОЕ НАБЛЮДЕНИЕ СВИДЕТЕЛЯ В ЦЕЛЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЕГО БЕЗОПАСНОСТИ

Рассматриваются порядок и особенности проведения очной ставки в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля, избличающего подозреваемого или обвиняемого, а также перспективы его законодательного закрепления. Приводятся примеры из следственно-судебной практики, позиции исследователей и данные опросов практических сотрудников. Сформулированы предложения по изменению УПК РФ.

К л ю ч е в ы е с л о в а: очная ставка, свидетель, свидетель под псевдонимом, безопасность, видео-конференц-связь, условия, исключающие визуальное наблюдение.

PRODUCING OF CONFRONTATION IN CONDITIONS OF WITNESS INVISIBILITY FOR SECURITY REASONS

The article deals with the order and features of confrontation in conditions of invisibility of a witness who exposes a suspect or an accused and the perspectives of legislative regulation such type of confrontation. It gives some examples from investigative and judicial practice, scientists' points of view and data of practitioners' survey. The legislative proposals to the Russian Criminal Procedure Code are formulated.

К е у в о р д s: confrontation, witness, witness under pseudonym, security, videoconferencing, conditions of invisibility.

Поступила в редакцию 15 февраля 2021 г.

Очная ставка – одно из наиболее эффективных следственных действий, результаты которого имеют если не решающее, то существенное значение, поскольку «они помогают выбору той единственной версии в массе иных, следуя которой удастся выяснить действительные обстоятельства дела, а также способствуют устранению существенных противоречий в показаниях допрошенных лиц»¹. Согласно данным опроса, проведенного Р. И. Зайнуллиным, 43 % следователей считают очную ставку наиболее эффективным средством устранения противоречий².

Как и предъявление для опознания, очная ставка является следственным действием, сопряженным с большим тактическим риском: из пяти возможных вариантов последствий очной ставки, которые поддаются предвидению, четыре носят отрицательный характер, в том числе три – существенно отри-

¹ Савоста А. И. Воспрепятствование производству предварительного расследования и пути его преодоления : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. С. 104.

² См.: Зайнуллин Р. И. Теоретические и практические проблемы производства очной ставки с участием несовершеннолетнего обвиняемого : дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2008. С. 41.

цательный³. Недобросовестные участники очной ставки часто не ограничиваются изложением своих показаний, а стремятся склонить другого участника к изменению показаний в их пользу. Страх открытой конфронтации с обвиняемым (подозреваемым), опасения мести за дачу изобличающих его показаний приводят к тому, что свидетели отказываются от участия в очной ставке или изменяют свои показания в пользу другого участника. Приведем несколько примеров из опубликованной судебной практики Самарской области, подтверждающих данную тенденцию.

1. В Кинельском районном суде было рассмотрено уголовное дело по обвинению Р. в совершении преступления, предусмотренного п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ. В ходе расследования указанного дела обвиняемый Р. угрожал одному из свидетелей, в связи с чем последний отказался от проведения очной ставки с обвиняемым и боялся давать показания⁴.

2. В Центральном районном суде г. Тольятти было рассмотрено уголовное дело в отношении К., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 228.1 УК РФ. В ходе производства очной ставки свидетель В. не ответила на все поставленные перед ней следователем вопросы, пояснив, что опасается за свою жизнь и здоровье, поскольку на нее знакомыми обвиняемого К. оказывается давление с целью принуждения к изменению ранее данных показаний. Другой участник этого уголовного дела – свидетель Б. М., узнав, что обвиняемый К. состоит в ОПГ, отказался давать показания на очной ставке также из-за опасений угроз его жизни и здоровью⁵.

3. В Центральном районном суде г. Тольятти было рассмотрено уголовное дело по обвинению М. А. и М. С. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 30, п. «г» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ. При производстве предварительного расследования свидетель лично обратилась к следователю с заявлением, в котором просила не проводить очную ставку между ней и обвиняемым М. А., поскольку она опасается за свою жизнь и здоровье, а также за здоровье своих родственников, указав при этом в заявлении, что настаивает на ранее данных ею показаниях⁶.

Несмотря на то что исследователи и правоприменители признают производство очной ставки весьма рискованным, а по отдельным категориям дел (в том числе связанным с расследованием деятельности ОПГ) и вовсе рекомендуют отказаться от нее и заменить, например, воспроизведением звукозаписи показаний либо предъявлением видеозаписи допроса⁷, очная ставка порой является единственным средством проверки ранее данных показаний. В случае возникновения существенных противоречий между обвиняемым (подозреваемым) и свидетелем необходимость производства очной ставки

³ См.: *Садиков Р. Ф.* Совершенствование механизма принятия тактических решений в условиях тактического риска при расследовании преступлений, совершенных организованными преступными группами : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 109.

⁴ См.: Уголовное дело № 1-241/2015 // ГАС «Правосудие».

⁵ См.: Уголовное дело № 1-177/2011 // Там же.

⁶ См.: Уголовное дело № 1-448/2011 // Там же.

⁷ См. подробнее: *Криминалистика : учеб. для вузов / Т. В. Аверьянова [и др.] ; под ред. Р. С. Белкина. М., 2004. С. 624 ; Криминалистика : учебник / отв. ред. Н. П. Яблоков. М., 2002. С. 470 ; Садиков Р. Ф. Указ. соч. С. 107.*

очевидна. Однако если до возникновения вопроса об очной ставке в отношении свидетеля уже были проведены мероприятия по обеспечению безопасности (допрос под псевдонимом, предъявление для опознания по правилам ч. 8 ст. 193 УПК РФ), то ее проведение нецелесообразно, так как это сведет к нулю все эти мероприятия. В связи с этим полагаем, что если сложившаяся следственная ситуация требует проведения очной ставки обвиняемого (подозреваемого) с засекреченным свидетелем, то она должна быть проведена в особом режиме – в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля обвиняемым (подозреваемым), по аналогии с правилами, предусмотренными для опознания в ч. 8 ст. 193 УПК РФ. Отметим, что необходимость дополнения уголовно-процессуального закона нормой, позволяющей проводить такую очную ставку (ч. 7 ст. 192 УПК РФ), высказывалась в исследованиях и ранее⁸. Более того, в следственной практике Хабаровского края имеются реальные примеры проведения очной ставки вне визуального контакта засекреченного свидетеля с обвиняемым (подозреваемым). В одном случае такая очная ставка проводилась в двух кабинетах: в одном кабинете находились следователь, подозреваемый и его защитник, а во втором – свидетель под псевдонимом, два понятых и сотрудник полиции. Перед началом следственного действия понятые зашли в первый кабинет, где следователь в присутствии подозреваемого и его защитника зафиксировал их данные в протоколе, после чего они перешли в кабинет с засекреченным свидетелем. Затем следователь разъяснил всем участникам очной ставки их права, обязанности, ответственность, а также порядок ее проведения. Свидетелю по сотовой связи задавались вопросы, ответы на которые свидетель тихо сообщал находящемуся с ним сотруднику полиции. Тот, в свою очередь, передавал следователю ответы свидетеля вместо него в целях недопущения рассекречивания последнего⁹. В другом случае следователь, обвиняемый и его защитник находились в одном кабинете, засекреченный свидетель и два понятых – в другом кабинете; очная ставка проводилась с использованием специального оборудования, через которое свидетель отвечал на вопросы¹⁰.

Представляется, что такой формат очной ставки допустим и в тех случаях, когда избобличающий обвиняемого (подозреваемого) свидетель не скрыт псевдонимом в целях обеспечения его психологической безопасности, нейтрализации чувств тревоги и страха перед обвиняемым (подозреваемым). Полагаем, что во втором случае оформления отдельного постановления о производстве очной ставки без зрительного контакта между участниками не требуется.

Подчиняясь общим правилам проведения, изложенным в ст. 192 УПК РФ, очная ставка, исключающая визуальный контакт участников, потребует создания определенных условий. Наиболее оптимальным способом ее производства в таком режиме представляется использование смежных помещений (или одного помещения, разделенного на две части) с окном, снабженным стеклом односторонней прозрачности. В этом случае общение участников можно было

---

⁸ См., например: Харитонов И. В. Уголовно-процессуальные меры безопасности, применяемые в отношении потерпевшего в досудебных стадиях : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 154–155.

⁹ См.: Уголовное дело № 1-357/2018 // ГАС «Правосудие».

¹⁰ См.: Уголовное дело № 1-54/2019 (1-777/2018) // Там же.

бы осуществить через тонированное стекло с выводом микрофона из помещения, в котором находится добросовестный участник очной ставки, в кабинет, где находятся следователь и конфликтующее лицо. При проведении очной ставки в таких условиях необходимо предусмотреть возможность отключения микрофона в случае, если недобросовестный участник попытается с помощью угроз и оскорблений оказать воздействие на изобличающего¹¹. Очевидно, что для проведения очной ставки в таком формате подойдет помещение, предназначенное для производства опознания в порядке ч. 8 ст. 193 УПК РФ, достаточно лишь оборудовать его микрофоном¹². Если здания следственных отделов не располагают специально оборудованным помещением (смежными помещениями) описанного типа, то для исключения визуального контакта может применяться передвижная ширма, изготовленная из непрозрачного, но звукопроницаемого материала, посредством которой одна часть кабинета отгораживается от другой. В таком случае участники очной ставки размещаются по разные стороны от ширмы. При производстве очной ставки в «особых условиях» следователю целесообразно пригласить оперативных сотрудников для минимизации риска нападения на свидетеля (потерпевшего, его представителя, других участников данного следственного действия), а также для пресечения возможных попыток изобличаемого лица сорвать его проведение иными способами. Хотя указанные лица никакими процессуальными полномочиями не наделены, представляется, что само их присутствие способствует созданию морально-психологического настроя и чувства защищенности у свидетеля, участвующего в очной ставке.

Допустимо расположение участников очной ставки таким образом, чтобы исключить возможность видеть лицо того участника, безопасность которого обеспечивается. Достоинство такого приема состоит в том, что лицо, дающее неправдивые показания, физически ощущает присутствие второго допрашиваемого, а это является серьезным фактором эмоционального воздействия на него¹³.

Наиболее оптимальным вариантом представляется проведение очной ставки в условиях, исключающих визуальное наблюдение изобличающего (свидетеля) изобличаемым (подозреваемым, обвиняемым), в дистанционном формате с использованием систем видео-конференц-связи (трансляция). О перспективности внедрения и применения видео-конференц-связи на стадии предварительного расследования при производстве отдельных следственных действий (допросе, очной ставке, предъявлении для опознания) неоднократно упоминалось современными исследователями¹⁴. Использование системы

¹¹ См.: *Петрова А. Н.* Противодействие расследованию, криминалистические и иные меры его преодоления : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000. С. 157–158.

¹² В таких помещениях должна быть соблюдена звукоизоляция, для того чтобы опознаваемый не мог не только увидеть опознающего, но и узнать по голосу. Если же возникает необходимость проведения опознания по голосу окно может приоткрываться.

¹³ См.: *Перякина М. П.* Правовые основы и тактика очной ставки : дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2008. С. 113–114.

¹⁴ См., например: *Дмитриева А. А.* Меры безопасности, применяемые в отношении участников процесса на стадии предварительного расследования уголовного дела // Рос. следователь. 2017. № 1. С. 3–6 ; *Желтобрюхов С. П.* О необходимости предоставления ор-

видео-конференц-связи при производстве очной ставки и некоторых других следственных действий возможно не только в целях экономии средств, времени и минимизации иных затрат, но и для обеспечения безопасности свидетелей (и других участников процесса) в тех ситуациях, когда дача ими избыточных показаний может поставить под угрозу их жизнь, здоровье и материальное благополучие. Опрошенные нами следователи Самарской области (60,2 %) положительно отнеслись к возможности введения и последующего применения в ходе производства следственных действий систем видео-конференц-связи в целях обеспечения безопасности свидетелей¹⁵. И. В. Казначей предлагает дополнить уголовно-процессуальный закон ст. 192.1 «Проведение допроса и очной ставки с использованием систем видео-конференц-связи» с подробной регламентацией процедуры и применения технических средств¹⁶. Согласно данным проведенного им анкетирования, 240 респондентов, вовлеченных в уголовное судопроизводство (судей, работников прокуратуры, органов предварительного расследования, сотрудников адвокатских палат, экспертно-криминалистических и оперативно-разыскных подразделений), 43 % из числа опрошенных считают целесообразным предусмотреть возможность использования систем видео-конференц-связи в проведении очной ставки и допроса на стадии предварительного расследования¹⁷. Опираясь на приведенные данные, можно сделать вывод, что правоприменители, в целом, положительно относятся к возможности производства следственных действий и применения «мер безопасности» в дистанционном формате посредством использования систем видео-конференц-связи. Причина затруднения при ответе практическими сотрудниками правоохранительных органов на поставленный вопрос, связывается нами с новизной предлагаемых технологий и отсутствием четкого представления у правоприменителей о порядке производства процессуальных действий в дистанционном формате.

В случае законодательного закрепления применения системы видео-конференц-связи на стадии предварительного расследования, возможен следующий порядок проведения очной ставки в дистанционном формате. По поручению следователя в ближайшем следственном органе, расположенном по месту нахождения лица, участие которого необходимо для проведения очной ставки, организуется техническое обеспечение. В поручении, которое может высылаться телефонограммой, факсом или электронной почтой, указываются:

гану предварительного расследования возможности применения видео-конференц-связи на стадии досудебного производства // Рос. юстиция. 2016. № 1. С. 62–64 ; *Новиков С. А.* Допрос с использованием систем видео-конференц-связи : завтрашний день российского предварительного расследования // Рос. следователь. 2014. № 1. С. 2–6 ; *Халиулин А. Г., Кебеков Т. М.* Взаимодействие правоохранительных органов в сфере международно-правового сотрудничества // Законность. 2011. № 7. С. 29–31.

¹⁵ В опросе принимали участие 128 следователей (100 %). На вопрос «Возможно ли в целях обеспечения безопасности свидетеля введение и последующее применение видео-конференц-связи в стадии предварительного расследования?» 77 (60,2 %) респондентов ответили «да», 44 (34,4 %) – «нет», 7 (5,4 %) затруднились с ответом.

¹⁶ См.: *Казначей И. В.* Использование технических средств коммуникации в уголовном судопроизводстве : пути совершенствования : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2014. С. 130–131.

¹⁷ См.: Там же. С. 130, 234–235.

1) основания проведения очной ставки и краткие сведения об обстоятельствах преступления; 2) лицо (лица), участвующее в очной ставке; 3) дата и время проведения данного следственного действия; 4) электронный адрес, реквизиты и программное обеспечение для осуществления видео и звукового сопровождения. Техническая реализация может быть осуществлена посредством использования компьютерных систем, оснащенных звуковой и видеоплатой, позволяющими фиксировать видеоизображение и звук, записывать их и передавать по заданному электронному адресу. Запись будет производиться с двух сопряженных с временной синхронностью экранов. В дальнейшем на мониторе компьютера такая запись будет просматриваться в виде двух экранов с одновременным изображением двух групп лиц, участвующих в очной ставке. При желании любой из этих экранов можно разворачивать на полную плоскость монитора, делать остановки или повторы, увеличивать изображение, регулировать звук¹⁸.

В случае внедрения предлагаемой технологии и дистанционного порядка проведения очной ставки в условиях, исключающих визуальное наблюдение «изобличающего» (свидетеля, а также потерпевшего) «изобличаемым» (обвиняемым, подозреваемым), предполагается, что обвиняемый (подозреваемый) находится в отдельном от свидетеля (потерпевшего) помещении и имеет возможность наблюдать его лишь на экране, а вопросы задавать только через микрофон. Свидетель также дает свои пояснения через микрофон. Для исключения возможности узнавания изобличающего изобличаемым очная ставка в данном режиме должна быть проведена с аудио- и видеопомехами. О возможности производства очной ставки с аудио- и видеопомехами, исключающими идентификацию защищаемого лица, неоднократно упоминал в своих работах Л. В. Брусницын, опираясь на опыт таких стран, как Латвия, Молдавия и Белоруссия, в законодательстве которых регламентировано проведение подобных очных ставок¹⁹. Вместе с тем среди исследователей немало противников производства очной ставки с генерируемыми помехами в целях обеспечения безопасности изобличающего лица. Так, по мнению С. А. Шейфера, очная ставка сама по себе не может производиться с аудио- и видеопомехами, исключающими идентификацию одного из ее участников, так как это лишает данное следственное действие его сущности²⁰. Подобное мнение высказывает и К. Д. Шевченко, не считающий предложение о проведении очной ставки с использованием подобных помех допустимым, поскольку такая форма ее производства вступает в противоречие с сущностью и целью данного

¹⁸ См.: Николаев А. В. Коммуникационные средства и методы как элемент информационной системы раскрытия и расследования преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004. С. 91–92.

¹⁹ См.: Брусницын Л. В. Теоретико-правовые основы и мировой опыт обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. С. 240 ; *Его же*. Уголовно-процессуальные аспекты использования компьютерных и видеотехнологий в обеспечении безопасности участников судопроизводства : международный, зарубежный, российский опыт // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 6 (11). С. 207.

²⁰ См.: Шейфер С. А. Проблемы регламентации доказывания в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации // Государство и право. 1995. № 10. С. 101.

следственного действия: «По определению очная ставка требует одновременного присутствия лиц, между которыми она проводится, для создания условий контролируемой конфронтации и предоставления сторонам возможности открыто опровергать друг друга»²¹.

Исходя из ч. 1 ст. 170 УПК РФ, производство очной ставки не требует присутствия понятых. На наш взгляд, при отступлении от общего порядка и проведения очной ставки в «особом режиме» следует предусмотреть обязательное присутствие не менее двух понятых, размещаемых в месте нахождения изобличающего. Их присутствие послужит гарантией соблюдения порядка уголовного судопроизводства и надлежащего производства следственного действия в неординарных условиях. Вместе с тем ввиду повышенного риска и необходимости неукоснительного соблюдения положений уголовно-процессуального закона, очная ставка в условиях, исключающих визуальное наблюдение изобличающего изобличаемым, должна проводиться двумя следователями, один из которых является лицом, непосредственно ведущим производство по данному делу, а второй привлекается для обеспечения надлежащих условий проведения очной ставки.

Так же как и в случае с предъявлением для опознания, при производстве очной ставки целесообразно предусмотреть два варианта нахождения защитника подозреваемого (обвиняемого): 1) если свидетель скрыт псевдонимом, то защитник изобличаемого должен находиться в месте нахождения своего подзащитного; 2) если очная ставка в таких условиях проводится в целях обеспечения психологической безопасности незасекреченного свидетеля, потерпевшего или другого участника уголовного судопроизводства, то защитник по усмотрению (с разрешения) следователя может находиться как в месте нахождения изобличающего, так и в месте нахождения изобличаемого.

Полагаем, что оформление отдельного постановления о производстве очной ставки без зрительного контакта между ее участниками не требуется: условия (и причины) ее проведения в таком формате следует отразить лишь в протоколе.

При возникновении существенных противоречий в показаниях свидетеля (потерпевшего) и обвиняемого (подозреваемого) производство очной ставки в обычном режиме становится затруднительным, если изобличающим свидетелем является несовершеннолетний. В научной литературе высказано негативное отношение к производству очной ставки между взрослым и несовершеннолетними участниками уголовного процесса – от рекомендации к проведению такой очной ставки «с особой осторожностью» до категорического отрицания возможности ее производства²². По мнению Л. В. Брусницына, не стоит проводить очную ставку между взрослым обвиняемым и несовершеннолетними, поскольку последние нередко испытывают страх при одном лишь его виде.

---

²¹ Шевченко К. Д. Процессуальные аспекты государственной защиты потерпевших, свидетелей и других лиц, содействующих уголовному судопроизводству : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 176.

²² См., например: Криминалистика : учебник / Н. И. Порубов [и др.] ; под общ. ред. Н. И. Порубова, Г. В. Фёдорова. Минск, 2011. С. 264 ; Подольный Н. Проблема избыточных следственных действий // Уголовное право. 2002. № 4. С. 61.

Исследователь полагает, что необходимо заменить производство очной ставки альтернативным действием, признанным допустимым ЕСПЧ. Альтернатива заключается в том, что возможность допросить потерпевшего, а равно свидетеля обеспечивается предоставлением обвиняемому и (или) его защитнику права задать вопросы потерпевшим и свидетелям через следователя. Эти вопросы сторона защиты формулирует в ходатайстве о дополнительном допросе потерпевшего (свидетеля), а ответы на них фиксируются в протоколе допроса, который (протокол) предъявляется указанной стороне. Таким образом, заменив проведение очной ставки указанным действием, следователь создаст условия для того, чтобы при последующем судебном рассмотрении суд смог ограничиться оглашением и воспроизведением видеозаписи показаний несовершеннолетних, данных в досудебном производстве, и затем положить эти показания в основу обвинительного приговора²³. Безусловно, проведение очной ставки между несовершеннолетним свидетелем (потерпевшим) и совершеннолетним обвиняемым (подозреваемым), против которого тот дает показания, возможно в крайних случаях, когда исчерпаны другие способы выявления причин возникших противоречий, а необходимость их разрешения имеет принципиальное значение для расследования уголовного дела. В связи с этим представляется, что производство очной ставки в условиях, исключающих визуальное наблюдение изобличающего изобличаемым, способно снизить степень психологического дискомфорта несовершеннолетнего свидетеля и защитить его от попыток противоправного воздействия со стороны изобличаемого. На наш взгляд, в уголовно-процессуальном законе следует предусмотреть возможность проведения очной ставки между несовершеннолетним и совершеннолетним участниками процесса только в условиях, исключающих их визуальный контакт (по аналогии с предъявлением для опознания).

Стоит отметить, что перспектива производства очной ставки в «особом режиме» на практике может вызвать некоторые проблемы.

В случае, когда подлинные данные о личности свидетеля засекречены в порядке ч. 9 ст. 166 УПК РФ с последующим присвоением ему псевдонима, а данные им показания противоречат показаниям обвиняемого, то у следователя возникает необходимость провести между свидетелем и обвиняемым очную ставку. Проведение ее в обычном режиме опасно, поскольку изобличаемое лицо, даже не располагая личными сведениями об изобличающем, имеет возможность увидеть и запомнить его внешность, а впоследствии оказать на него противоправное воздействие, применяя угрозы, шантаж, физическое насилие лично или с помощью третьих лиц. В связи с этим очную ставку следует проводить в условиях, исключающих визуальное наблюдение изобличающего изобличаемым. Однако в соответствии с положением ч. 2 ст. 192 УПК РФ в самом начале очной ставки следователь выясняет у лиц, между которыми она проводится, знают ли они друг друга и в каких отношениях находятся между собой. Очевидно, что из соображений безопасности и ввиду сокрытия его подлинной личности под псевдонимом свидетель не может дать ответ на

²³ См. подробнее: Брусницын Л. В. Новые правила допросов несовершеннолетних потерпевших и свидетелей на предварительном следствии и в суде // Уголовное право. 2015. № 3. С. 90–94.

эти вопросы, так как ответив на поставленные вопросы, свидетель подвергнет себя риску быть узнанным.

Вместе с тем согласно п. д ч. 3 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет право допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены. УПК РФ не содержит определения понятия «оспаривание показаний свидетелей и потерпевших». Тем не менее, исходя из положений Европейской конвенции и возможностей реализации этих прав в уголовно-правовой плоскости, предоставляемых УПК РФ, единственным действием на досудебной стадии уголовного процесса, которое может отвечать требованиям о предоставлении обвиняемому возможности допроса лиц, свидетельствующих против него, является следственное действие, предусмотренное ст. 192 УПК РФ, т. е. очная ставка²⁴. Представляется, что в случае, когда свидетель изобличает обвиняемого в совершении преступления, опасаясь при этом противоправных действий со стороны обвиняемого, а обвиняемый отрицает свою вину в инкриминируемом ему деянии, для соблюдения баланса интересов участников судопроизводства и установления обстоятельств совершенного преступления целесообразно провести между свидетелем и обвиняемым очную ставку в условиях, исключающих визуальный контакт между ними.

Исходя из изложенного, в уголовно-процессуальный закон необходимо внести следующие изменения:

1) часть 1 статьи 170 после слов «статьями 184» дополнить словами «192, частью 7 и 7.1 настоящего Кодекса»;

2) статью 191 дополнить частью 6 следующего содержания: «6. Очная ставка с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля проводится в порядке, предусмотренном статьей 192, частями 7, 7.1 и 7.2»;

3) статью 192 дополнить частью 7 следующего содержания: «7. В целях обеспечения безопасности изобличающего потерпевшего, свидетеля, чья личность не скрыта псевдонимом, очная ставка может быть проведена в условиях, исключающих его визуальное наблюдение другим участником очной ставки (изобличаемым). В этом случае к проведению очной ставки привлекается второй следователь, а также понятые, находящиеся в месте нахождения изобличающего. В случаях, когда в качестве изобличаемого выступает обвиняемый или подозреваемый, его защитник, по усмотрению следователя, может

---

²⁴ См.: Пархоменко С. А. Некоторые аспекты реализации прав обвиняемых на допрос процессуальных оппонентов // Адвокат. 2016. № 9. С. 28–32. Вместе с тем мы не можем не обратить внимание на замечание Л. В. Брусницына о том, что Конвенция не обязывает предоставить обвиняемому возможность задать вопросы показывающим против него свидетелям (и потерпевшим) именно в досудебном производстве (а это, в свою очередь, значит, что отказ следователя от проведения очных ставок не является нарушением прав обвиняемого). Более того, исследователь полагает, что проведение очной ставки с целью обеспечения конвенционального права допустимо и при отсутствии каких-либо противоречий в показаниях, поскольку обвиняемый наделен рассматриваемым правом независимо от того, отличаются его показания от показаний иных лиц или нет (см. подробнее: Брусницын Л. В. О праве обвиняемого допрашивать показывающих против него свидетелей // Рос. юстиция. 2016. № 1. С. 37–40).

находиться как в месте нахождения изобличаемого, так и в месте нахождения изобличающего»;

4) статью 192 дополнить частью 7.1 следующего содержания: «7.1. В целях обеспечения безопасности изобличающего – свидетеля под псевдонимом очная ставка проводится в условиях, исключающих визуальное наблюдение изобличающего изобличаемым. В этом случае понятия находятся в месте нахождения изобличающего. В случаях, когда в качестве изобличаемого выступает обвиняемый или подозреваемый, его защитник находится в месте нахождения изобличаемого»;

5) статью 192 дополнить частью 7.2 следующего содержания: «7.2. В целях обеспечения безопасности участника уголовного судопроизводства допускается проведение очной ставки в соответствии с частями 7 и 7.1 указанной статьи с использованием систем видео-конференц-связи».

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева*

Свечникова Е. И., ассистент кафедры уголовного процесса и
криминалистики

Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev

Svechnikova E. I., Assistant of the Criminal Process
and Criminalistics Department

E-mail: elenasvechnikova1011@gmail.com

ЭЛЕКТРОННОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО КАК ОТВЕТНАЯ МЕРА НА ПАНДЕМИЮ В 2020 ГОДУ

Приводится обзор информационных технологий, применяемых судами в уголовном судопроизводстве в настоящее время. Указываются актуальные технические нововведения уголовного процесса в связи с ограничительными мероприятиями, обусловленными борьбой с COVID-19. Анализируются положительные и отрицательные моменты ведения онлайн судебных заседаний, позволяющие определить дальнейший вектор развития информационных технологий в современном уголовном процессе.

К л ю ч е в ы е с л о в а: видео-конференц-связь, ограничительные мероприятия, онлайн судебное заседание, справедливое и публичное слушание, электронное судопроизводство, электронное уголовное дело.

E-JUSTICE AS A RESPONSE TO THE 2020 PANDEMIC

The article provides an overview of information technologies used by courts in criminal proceedings at present. The author provides relevant technical innovations in the criminal procedure in connection with restrictive measures due to the fight against COVID-19. Analyzed are the positive and negative aspects of online court hearings, which make it possible to determine the further vector of information technology development in modern criminal process.

K e y w o r d s: video conferencing, restrictive measures, online court session, fair and public hearing, electronic court proceedings, electronic criminal case.

Поступила в редакцию 15 февраля 2021 г.

Следует отметить, что вопросу цифровизации уголовного судопроизводства начали уделять внимание еще задолго до начала ограничительных мероприятий в связи с борьбой с COVID-19. В частности, 19 апреля 2020 г. состоялся 20-летний юбилей со дня проведения первого судебного заседания с использованием видео-конференц-связи в России.

Внедрение информационных технологий в уголовное судопроизводство происходит по следующим направлениям:

- электронное фиксирование хода и результатов следственных и иных процессуальных действий;
- использование электронной квалифицированной подписи в документообороте;
- разработка системы ведения уголовного дела полностью в электронной форме с апробацией ее в отдельных субъектах РФ;
- проведение отдельных следственных мероприятий, судебного заседания в «удаленном» формате, когда участники процесса не находятся в непосредственной близости, а общаются с помощью различных электронных технологий;

– выгрузка в сеть «Интернет» информации о ходе движения и принятых процессуальных решениях по уголовному делу с возможностью ознакомления участников процесса;

– применение отдельных возможностей робототехники, позволяющих рассчитать размер наказания за совершенное преступление, оценить фактические данные по уголовному делу¹.

В настоящее время электронное уголовное судопроизводство ведется в Государственной автоматизированной системе (ГАС) «Правосудие»², которая содержит информацию по следующим интересующим нас разделам:

– «Судебное делопроизводство и статистика» – подсистема, обеспечивающая автоматизированное судебное делопроизводство, документооборот, ведение электронных архивов судебных дел, баз данных по судимости и судебной статистике; технологическое обеспечение записи протоколов судебных заседаний;

– «Банк судебных решений (судебной практики)» – подсистема автоматизированного сбора и анализа решений судов, систематизации сведений о прецедентах и судебных решений, аналитической обработки и тиражирования обобщенных данных судебной практики, оперативного обмена этими данными между судами;

– «Видео-конференц-связь» – техническая программа, обеспечивающая проведение судебного заседания с использованием видео-конференц-технологий³.

Помимо этого, опытной зоной ГАС «Правосудие» выступает в настоящее время «Комплексная информационная система судов общей юрисдикции», которая применяется в судах общей юрисдикции на территории г. Москвы. Она включает в себя более широкий по сравнению с ГАС «Правосудие» функционал – интернет-портал для граждан и государственных ведомств, внутренний портал для сотрудников аппаратов судов, подсистемы межуровневого и межведомственного взаимодействия, аудио- и видеозаписи судебных заседаний, видео-конференц-связи с СИЗО Москвы, «Электронное дело», «Электронный архив», информационно-аналитическая подсистема, центр обработки данных и пр. Кроме того, данная программа позволяет обмениваться необходимой информацией в электронной форме с различными государственными учреждениями на территории Москвы – Прокуратура, Следственный комитет, Федеральная служба судебных приставов, Федеральная налоговая служба и Федеральное казначейство, Управление ФСИН России и СИЗО, Департамент ЖКХ и

¹ См.: Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве : учеб. пособие для вузов / С. В. Зуев [и др.] ; отв. ред. С. В. Зуев. М., 2020. С. 8–9.

² Информационная система, предоставляющая свободную информацию о судебном делопроизводстве в России; используется также при судопроизводстве, обеспечивая информационную интеграцию судебной деятельности в России. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%90%D0%A1_%C2%AB%D0%9F%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B8%D0%B5%C2%BB

³ См.: Официальный портал Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации. URL: <http://www.vkks.ru/publication/265/>

Управление Судебного департамента. Представляется удобной возможностью судей в электронной форме отследить исполнительное производство⁴.

Как выявил опрос адвокатов и помощников судей, в Самарской области отдельными элементами электронного уголовного судопроизводства до введения карантинных мер являлись:

- смс-оповещение о назначенном судебном заседании;
- использование системы видео-конференц-связи;
- отправка исковых заявлений, апелляционных, кассационных жалоб на электронную почту судов;
- аудио-, видеопротоколирование судебных заседаний через компьютерную программу «Фемида»;
- выгрузка и обезличивание итоговых судебных решений в сеть «Интернет» через программу «БСР».

Однако новая реальность в условиях пандемии дала шанс по-другому взглянуть на возможности электронного судопроизводства.

Стало возможным проведение судебных заседаний посредством общедоступных программ Skype, WhatsApp и др. Например, в Комсомольском районном суде г. Тольятти состоялось судебное заседание при помощи программы WhatsApp, на котором избиралась мера пресечения в виде заключения под стражу. Следователь, обвиняемый и адвокат выходили на связь при помощи телефона следователя из его рабочего кабинета. При этом с ними связывались через телефон секретаря судебного заседания из зала судебного заседания судья, ведущий процесс, и прокурор. И это не единичная практика по России: подобные заседания проводились, например, в Свердловской и Вологодской областях.

Как справедливо отмечается представителями суда, использование мессенджеров, установленных на мобильный телефон, является очень удобным, доступным и понятным для граждан средством связи с судами⁵.

В Верховном Суде РФ заработала система веб-видео-конференц-связи, позволяющая проводить судебные заседания в онлайн-формате. Как указывается, участникам процесса необходимо уведомить суд о желании участвовать в онлайн-процессе, направив в его адрес заявление с документами, подтверждающими их полномочия, и пройти идентификацию личности, используя собственные данные с портала государственных услуг. В случае положительного ответа от суда, высылается гиперссылка для перехода в электронную версию зала судебного заседания Верховного Суда. В день заседания участники судебного процесса подключаются к системе видео-конференц-связи с помощью собственных средств связи, снова авторизуются на портале государственных услуг, их личность и полномочия проверяются судом, после чего они могут

---

⁴ См.: Исследование : участники судебных процессов дали оценку электронному правосудию в Москве. URL: https://ejustice.cnews.ru/articles/2018-09-03_issledovanie_uchastniki_sudebnyh_protseessov_dali_otsenku_elektronnomu

⁵ См.: Куликов В. Суды начали рассматривать дела с помощью WhatsApp // Рос. газета. Федер. вып. 2020. № 85 (8139). URL: <https://rg.ru/2020/04/19/reg-urfo/sudam-razreshili-provodit-slushaniia-onlajn.html>

быть допущены к участию в судебном заседании⁶. Данная система электронного судопроизводства, представляется, актуальна не только в период ограничительных мер, но и постепенно будет совершенствоваться и внедряться во всех судах на территории страны.

Президиум Верховного Суда РФ от 30 апреля 2020 г. в своем Обзоре указал на то, что проведение судебных заседаний при помощи видео-конференц-связи не противоречит понятию справедливого и публичного слушания, если подозреваемый, обвиняемый или подсудимый может беспрепятственно следить за ходом процесса, видеть и слышать его участников, а также быть заслушанным самим, подтверждая позицию Европейского суда по правам человека⁷.

Представители судебного корпуса отмечают удобство вводимых электронных программ ведения уголовного судопроизводства – «быстрота», «разгрузка судопроизводства», «способ ухода от подделки документов»⁸.

Однако, как отмечают адвокаты, онлайн судебные заседания применимы по малозначительным делам либо при избрании мер пресечения, санкционировании отдельных следственных действий, принятии промежуточных решений. Эта позиция объясняется отсутствием близкого визуального контакта, не позволяющего оказывать психологическое воздействие на судью с целью склонения его к принятию решения, благоприятного для стороны обвинения.

Кроме того, адвокаты отмечают отсутствие должного законодательного регулирования участия подсудимого в судебном заседании суда первой инстанции, проводимого с применением видео-конференц-связи. Возникают сложности с рассмотрением уголовных дел с участием нескольких подсудимых, обеспечением реализации их права на защиту. Безусловно, технические сложности применения «удаленных» средств связи требуют доработки – «настройка ВКС между судами и СИЗО может занимать несколько часов. Также есть проблема с отсутствием квалифицированных техкадров, способных в кратчайшие сроки устранять неполадки»⁹.

⁶ Верховный Суд России внедряет новый вид судебного производства : информация Верховного Суда РФ от 20 апреля 2020 г. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73820796/>

⁷ Ответ на вопрос 16 Обзора по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 Президиумом Верховного Суда Российской Федерации от 30 апреля 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ См.: Как электронные суды будут рассматривать уголовные дела : интервью с председателем судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда Любовью Ишмуратовой. URL: https://ejustice.cnews.ru/articles/2016-10-18_lyubov_ishmuratova_elektronnoe_pravosudie_sdelaet_sudoproizvodstvo ; Электронное правосудие решает проблему подделки судебных актов : интервью с председателем Тверского районного суда Москвы Ольгой Солоповой. URL: https://ejustice.cnews.ru/articles/2017-12-26_olga_solopova_elektronnoe_pravosudie_reshaet_problemu_poddelki

⁹ Трифонова Е. Судебные процессы будут зависеть в сетях. Дистанционное разбирательство дел может сохраниться и после снятия карантина. URL: https://www.ng.ru/politics/2020-04-20/3_7848_courts.html

В настоящее время разрабатываются законопроекты, направленные на урегулирование нового способа ведения судебного заседания посредством видеосвязи, предусматривающие возможность подключения участников процесса к общей видеоконференции с использованием собственных средств связи и их авторизацию посредством единого портала¹⁰.

---

¹⁰ См.: *Корня А.* Верховный Суд начнет рассматривать дела по Интернету. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/04/20/828523-sud-internetu>

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева*

Сержантова Л. А., кандидат юридических наук, старший
преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики

Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev
Serzhantova L. A., Candidate of Legal Sciences, Senior Lecturer of the
Criminal Process and Criminalistics Department

О ПРОЦЕССУАЛЬНОМ СТАТУСЕ «ЗАЯВИТЕЛЬ О ПРЕСТУПЛЕНИИ»

Обосновывается авторский вариант оптимизации нормативно-правового определения статуса заявителя о преступлении, не зависящий от сохранения в российском уголовном процессе самостоятельной стадии возбуждения уголовного дела либо упразднения ее, а также от будущего процессуального статуса заявителя в этом деле.

К л ю ч е в ы е с л о в а: заявление о преступлении, явка с повинной, проверка сообщения о преступлении, возбуждение уголовного дела, потерпевший, назначение и производство экспертизы.

TO THE QUESTION ABOUT THE PROCEDURAL STATUS OF THE «APPLICANT ABOUT A CRIME»

Justified the author's variant of optimization of the legal status of the applicant about the criminal offense, independent of the preservation in the Russian criminal trial independent stage initiation of a criminal case, or abolishment it, and future procedural status of the applicant in the criminal case.

К e y w o r d s: statement of a crime, confession, verification of a report on a crime, initiation of a criminal case, victim, appointment and production of an expert examination.

Поступила в редакцию 15 февраля 2021 г.

Для уголовно-процессуальной литературы обозначенный в названии статьи вопрос не нов и не оригинален. «Заявитель о преступлении» практически безоговорочно признается участником уголовно-процессуальных правоотношений, что дает авторам основания предлагать четкое определение его процессуального статуса, посвятив ему отдельную статью УПК РФ, поскольку в действующем УПК нормы о заявителе находятся в разных его разделах¹. О. В. Гладышева в 2008 г. предложила дополнить главу 8 УПК РФ «Иные участники уголовного судопроизводства» двумя статьями о рассматриваемом участнике процесса – ст. 56.1 «Заявитель» и ст. 56.3 «Адвокат заявителя и лица, привлекаемого для получения объяснений». В этих нормах фиксируются права, схожие с правами свидетеля, но с некоторой спецификой. Например, с указанием на право заявителя о преступлении «представлять предметы, документы и иные сведения, подтверждающие достоверность сделанного заявления». Но почему-то без указания на имеющееся у свидетеля право ходатайствовать о применении мер безопасности². Последнее представляется явным упущением, поскольку угроза для жизни и здоровья заявителя о преступлении

¹ Подробнее об этом см.: Прошляков А. Д., Ахматов И. И. Понятие, признаки и система уголовно-процессуальных правоотношений. М., 2018. С. 163–164.

² См.: Гладышева О. В. Справедливость и законность в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. Краснодар, 2008. С. 205.

возникает в связи с поданным заявлением и с того момента, когда это заявление подано.

Тем не менее вопрос о процессуальном статусе заявителя о преступлении, как полагаем, по-прежнему не утрачивает актуальности в силу своей тесной связи с более общими теоретическими и практическими проблемами уголовного процесса. Это проблемы и защиты прав жертв преступлений³, и предотвращения укрытия преступлений от учета, равно как и коррупции в этой сфере, и все известные проблемы стадии возбуждения уголовного дела, прокурорского надзора и судебного контроля над ней и т. д.

О процессуальном статусе любого участника уголовного процесса по общему правилу принято говорить либо в тех случаях, когда такой статус уже есть, а потому может требовать бесконечного совершенствования, либо когда этого статуса нет, но он непременно нуждается в законодательном определении. В случае с «заявителем о преступлении» ни первое, ни второе не выглядит очевидным. К тому же нормативно-правовая регламентация, равно как и подробная детализация уже имеющейся, должна, по логике, улучшать существующее положение, а не только порождать дополнительное бумаготворчество или требовать каких-то избыточных действий от и без того загруженных должностных лиц. Бесконечное увеличение объема прямых и детальных нормативных предписаний, особенно для случаев, когда для выбора правильного образа действия достаточно системного толкования уже имеющихся норм, слишком уж напоминает латинский юридический афоризм – *summum just – summa injuria* – «высшее право есть высшая несправедливость». Ниоим образом не бросая тени на предложения коллег о совершенствовании процессуального статуса заявителя о преступлении как действительно важного участника правоотношений с государством, всё же заметим следующее. Прямое указание в законе на наличие какого-либо права у невластного субъекта правоотношений делает логичным возложение такой же конкретной обязанности на властвующего субъекта этих же правоотношений. Например, обязанности принять предметы, документы и сведения, предоставленные заявителем в подтверждение своего заявления, отразить присутствие адвоката при получении заявления в протоколе с подтверждением его полномочий и т. д. Регламентация действий по принятию названных объектов тут же влечет за собой необходимость их процессуального оформления с составлением соответствующих документов, а подтверждение статуса приглашенного адвоката потребует и от него какого-то оформления своих действий по оказанию квалифицированной юридической помощи и т. д. Заметим, что всем этим должна будет пополниться и без того очевидно перегруженная разного рода «процессуальными подробностями» стадия возбуждения уголовного дела, сам факт необходимости которой многими ставится под сомнение. Заметим также, что доступ в дежурную часть органов внутренних дел или на личный прием к руководителям органов дознания имеет любой человек с докумен-

---

³ См.: *Конин В. В., Марьина Е. В.* Тактико-криминалистическое обеспечение предварительной проверки заявлений и сообщений в рамках стадии возбуждения уголовного дела // *Криминалистика* : вчера, сегодня, завтра. 2020. № 2 (14). С. 116–130.

том, удостоверяющим его личность, и сопровождать его может любой человек, в частности адвокат.

У заявителя о преступлении весьма ограниченное время правового бытия, т. е. формально существует он только на этапе проверки сообщения о совершенном или готовящемся преступлении, когда еще не ясно, будет ли уголовное дело по результатам проверки возбуждено, т. е. будет ли начат собственно уголовный процесс. Последовательное расширение круга процессуальных действий, допущенных законодателем до возбуждения уголовного дела, за весь период действия УПК РФ 2001 г. привело к ситуации, когда дожидаться официального начала производства по уголовному делу, не обеспечивая прав заинтересованных в результатах этой проверки лиц, сегодня уже невозможно. На этот счет с 2013 г. имеется императивное указание действующего закона (ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ). Значимость процессуальной фигуры заявителя о преступлении в этой системе правоотношений представляется бесспорной, а защита прав этого лица – абсолютно необходимой. В контексте настоящего изложения важно понять не это, а то, необходима ли какая-то особая нормативно-правовая регламентация в отношении заявителя о преступлении. Если же считать, что такая особая регламентация уже есть, то достаточна ли она, и в каком направлении она могла бы развиваться, если она не точна или недостаточна.

Правовую основу для разговора о процессуальном статусе «заявителя о преступлении» при действующем законе дает закрепление в ч. 1 ст. 140 УПК РФ «заявления о преступлении» как первого и наиболее распространенного повода для возбуждения уголовного дела. Полагаем, что таким же статусом должен обладать и автор другого указанного в этой статье повода – «явки с повинной», поскольку это тоже заявление о преступлении, предположительно совершенном самим заявителем, как это и указано в его заявлении. Оба заявления в равной мере нуждаются в проверке в рамках уголовно-процессуальных отношений, на которую они и нацелены в момент подачи. Имеет смысл подчеркнуть, что само лицо, обращающееся в правоохранительные органы с заявлением о преступлении или с явкой с повинной, имеет намерение стать именно субъектом уголовно-процессуальных правоотношений, а вовсе не участником неких проверочных действий спорной юридической природы.

«Заявителем о преступлении» можно было бы считать и «частного обвинителя». Согласно ст. 43 УПК РФ частным обвинителем является лицо, подавшее заявление в суд по уголовному делу частного обвинения и поддерживающее это обвинение в суде. Этот случай менее интересен в контексте настоящего изложения ввиду достаточно совершенной регламентации процессуального статуса частного обвинителя. Однако и здесь не все столь однозначно. Во-первых, в ст. 318 УПК РФ данный субъект тоже назван заявителем, который предупреждается об уголовной ответственности за заведомо ложный донос, т. е. законом предусмотрен некоторый временной разрыв между статусами заявителя о преступлении и частного обвинителя. Частным обвинителем лицо становится в момент вынесения мировым судьей постановления о принятии заявления к рассмотрению. Во-вторых, названный временной разрыв существенно увеличивается в случае возбуждения уголовного дела и производства предварительного расследования по делу частного обвинения в соответствии

с правилами ч. 1.1 ст. 319 УПК РФ, т. е. в публичном порядке. Здесь будут действовать обычные правила признания данного лица потерпевшим, а до этого момента оно сохранит процессуальный статус заявителя о преступлении.

«Заявитель о преступлении» не назван в числе участников уголовного процесса ни в одной из глав раздела II УПК РФ «Участники уголовного судопроизводства». Однако само по себе это вовсе не аргумент против наличия указанного процессуального участника. Таковыми не названы, например, секретарь судебных заседаний или руководитель экспертного учреждения, которые, тем не менее, наделены присущими только им процессуальными правами и обязанностями (соответственно ст. 245 и 199 УПК РФ) и, следовательно, участниками процесса признаются. К тому же перечень участников процесса может дополняться законодателем по мере изменения правовой реальности, как это было сделано в 2018 г. в отношении помощника судьи или лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве (соответственно ст. 56.1 и 244.1 УПК РФ). И такие законодательные решения, как правило, не ставят точку в научных дискуссиях по поводу их предмета, а иногда даже и усиливают их.

Статья 141 действующего УПК, в которой заявитель о преступлении прямо указан, называется «Заявление о преступлении». Процессуальные и иные правовые обязанности этого лица закон привязывает к поданному им или составленному с его слов документу – письменному заявлению или протоколу, в который занесено устное заявление, или вовсе – к рапорту сотрудника правоохранительного органа, если заявитель не может присутствовать лично при подаче заявления. Все процессуальные права и обязанности лица, предоставляющего первичную информацию о совершенном или готовящемся преступлении в правоохранительный орган, обусловлены поведенческим актом и более ничем. Иными словами, уголовно-процессуальный статус заявителя о преступлении необходим, и он должен содержать все права, обязанности и гарантии, обеспечивающие реализацию этого поведенческого акта, стимулирующие к нему и не заставляющие добросовестного участника правоотношений с государством пожалеть о том, что он обратился с подобным заявлением в правоохранительные органы, а не к криминальным структурам или к своим физически более сильным знакомым.

В случае заведомой ложности официально представленной информации уголовную ответственность за заведомо ложный донос по ст. 306 УК РФ будут нести вовсе не составленные с чьих-то слов документы, а сам человек, от которого эта информация поступила. И здесь без процессуального статуса названного человека точно никак не обойтись, ибо «доносом» в уголовно-правовом смысле можно считать только официально зафиксированное сообщение в правоохранительные органы. Непременной составляющей этой официальной фиксации является предупреждение заявителя об уголовной ответственности в соответствии со ст. 306 УК РФ с отметкой в протоколе, удостоверенной его подписью. Заявителю выдается документ о принятии заявления (ч. 4 ст. 144 УПК РФ), отказ в приеме заявления может быть обжалован прокурору или в суд (ч. 5 ст. 144 УПК РФ), заявитель извещается о принятых по его заявлению решениях (ч. 2 ст. 145 и ч. 4 ст. 148 УПК РФ) с направлением ему копии поста-

новления об отказе в возбуждении уголовного дела (ч. 4 ст. 148 УПК РФ) или копии постановления о возбуждении уголовного дела, если заявитель является потерпевшим от преступления (ч. 1 ст. 42 УПК РФ). Названные права и обязанности в совокупности образуют уголовно-процессуальный статус заявителя о преступлении.

Все перечисленные действия являются уголовно-процессуальными, предполагающими наличие процессуального статуса у всех его участников. Беглый анализ нормативных предписаний относительно приема заявления о преступлении позволяет выявить некоторые несоответствия. Так, составление протокола прямо предусмотрено только для приема устного заявления, применительно к письменному заявлению такого указания в законе нет. Тем не менее необходимость предупреждения заявителя об уголовной ответственности за заведомо ложный донос и письменного подтверждения этого факта сомнений не вызывает. Одним словом, принять любое заявление о преступлении в процессуальном смысле можно только путем составления протокола об этом. Данный протокол, несомненно, относится к числу уголовно-процессуальных актов, хотя собственно уголовный процесс по невозбужденному уголовному делу, казалось бы, еще не начался и пока не ясно, начнется ли.

Есть и другие неясности в определении процессуального статуса заявителя о преступлении на основе действующего закона. Имеющаяся лаконичная регламентация сориентирована исключительно на физическое лицо, хотя заявление о преступлении может быть подано и любой организацией в лице ее официального представителя, в том числе государственным органом, например налоговым. Налоговые органы, как известно, в течение довольно длительного времени (2011–2014 гг.) были единственным прямо указанным в УПК РФ субъектом, уполномоченным выступать в качестве заявителя о налоговом преступлении. И так же как любой другой заявитель, государственные налоговые органы ранее не получали своевременно информации о юридической судьбе своего заявления, что выглядело довольно странно. Сейчас налоговые органы тоже не лишены права выступать заявителями о налоговых преступлениях, но к этому, теперь уже не исключительному праву, добавились и специальные права и обязанности, которым посвящены несколько вновь введенных частей ст. 144 УПК РФ.

Период существования процессуальной фигуры «заявитель о преступлении», как отмечалось, при действующем российском уголовно-процессуальном законе объективно ограничен стадией возбуждения уголовного дела. Сама по себе стадия возбуждения уголовного дела, как и необходимость ее сохранения в российском уголовном процессе, вызывает в литературе оживленную полемику, которую в нашем контексте тоже нельзя обойти вниманием. Не лишено оснований утверждение А. А. Абраменко, что по действующему российскому уголовно-процессуальному закону «между возбуждением уголовного дела как стадией уголовного процесса и приемом, регистрацией сообщений о преступлениях как совокупностью административных процедур отсутствует юридическая связь», и что такая неопределенность влечет за собой многие негативные последствия, в том числе и ограничение конституционного

права человека на доступ к правосудию⁴. Нельзя не согласиться и с его выводом о явной избыточности не только допустимых в этой стадии следственных действий, но и сроков, для нее предусмотренных⁵. Об опасности превращения так называемой «доследственной проверки» в суррогат предварительного расследования и неоправданном дуближе некоторых непроцессуальных действий последующими процессуальными после возбуждения уголовного дела С. А. Шейфер многократно писал и при куда более скромном законодательном перечне способов проверки сообщения о преступлении⁶.

Теоретический анализ проблем защиты прав личности в этой ситуации, сопряженный с попыткой обойтись без особого процессуального участника – «заявителя о преступлении», малопродуктивен и скорее порождает новые загадки, чем позволяет разрешить старые. Так, по мнению А. А. Абраменко, «в уголовно-процессуальном законодательстве России отношения, возникающие при проверке сообщения о преступлении, еще не имеют выраженный процессуальный характер, поскольку в результате проверки уголовное дело может и не быть возбуждено»⁷. Однако действующей ч. 1 ст. 144 УПК РФ, при проверке сообщения о преступлении допускается производство внушительного количества полноценных следственных и иных процессуальных действий, а в специально для них введенной ч. 1.1 этой же статьи перечислен обширный круг сугубо процессуальных обязанностей государственных органов по обеспечению реализации процессуальных прав и обязанностей участников этих действий. Да, уголовное дело может быть и не возбуждено по результатам всех этих процессуальных действий, но это отнюдь не означает, что сами они осуществились как-то вне уголовного процесса, а отношения, возникшие при этом, «не имели выраженного процессуального характера». Можно возражать против столь масштабного расширения круга процессуальных действий в стадии возбуждения уголовного дела, можно оспаривать и необходимость самой этой стадии. Но при действующем законе эти правоотношения не могут быть никакими другими, кроме как уголовно-процессуальными, независимо от того, будет ли после их окончания возбуждено уголовное дело или в возбуждении уголовного дела будет отказано. Конечно, трудно не видеть в имеющемся положении вещей логического противоречия, но выводить существующий порядок возбуждения уголовного дела за рамки уголовного процесса – и вовсе невозможно.

Попытка обойтись без фигуры «заявитель о преступлении» приводит авторов еще и к неудачному обозначению участников процедур стадии возбуждения уголовного дела: «будущий подозреваемый или обвиняемый» и «будущий потерпевший». Заметим, что если вдруг произошло бы законодательное преобразование этой стадии в российском уголовном процессе в начальный

---

⁴ См.: Абраменко А. А. Процессуальные гарантии участников уголовного процесса в стадии возбуждения уголовного дела (по уголовно-процессуальному законодательству России и Украины) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. С. 23.

⁵ См.: Там же.

⁶ См.: Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики : учеб. для магистров / под ред. В. А. Лазаревой, А. А. Тарасова. М., 2012. С. 192–194.

⁷ Абраменко А. А. Указ. соч. С. 21.

этап «досудебного расследования» по украинскому или казахстанскому образцу, как предлагается в литературе⁸, эти легальные наименования не стали бы удачнее. Внешне привлекательным выглядит предложение при имеющейся нормативно-правовой регламентации возбуждения уголовного дела принимать решение о признании потерпевшим незамедлительно после подачи заявления о совершении преступления с возможностью последующей отмены этого постановления, если основания для признания потерпевшим не подтверждаются⁹. Но и такой вариант решения проблемы нельзя считать оптимальным, потому что никакой предопределенности будущего статуса кого бы то ни было на первоначальном этапе расследования нет и быть не должно. Здесь уместна только нейтральная процессуальная фигура «заявитель о преступлении», поскольку только факт подачи в правоохранительные органы заявления о преступлении или явки с повинной на момент начала процессуальной деятельности с участием заявителя можно считать достоверно установленным. Основания для признания заявителя потерпевшим или, тем более, подозреваемым или обвиняемым либо даже свидетелем, устанавливаются позднее, как бы ни назывался первоначальный этап уголовно-процессуальной деятельности.

Однако главное даже не это. Независимо от законодательного решения вопроса о сохранении либо ликвидации стадии возбуждения уголовного дела в российском уголовном процессе процессуальная фигура заявителя о преступлении сохранит свое значение. Этот субъект вступает в правоотношения с государством по поводу подаваемого им сигнала о совершенном или готовящемся преступлении в любом случае, независимо от того, как именно эти отношения будут урегулированы. Считаем себя сторонниками той идеи, что при всей дискуссионности вопроса о цели уголовного судопроизводства, одна его цель бесспорна: обеспечить надлежащее реагирование государства на сигнал о совершенном или готовящемся преступлении¹⁰. Такая цель уголовного процесса имеет сугубо процедурное значение и никогда не рискует быть обремененной разного рода идеологическими и политическими «довесками». Сказанное имеет непосредственное отношение к настоящему изложению, поскольку процессуальная фигура «заявитель о преступлении» приобретает в этом контексте ключевое значение для уголовного процесса в целом – не меньшее, чем фигуры обвиняемого или потерпевшего для более поздних этапов производства по уголовному делу.

В законодательном определении нуждается процессуальный статус самого заявителя о преступлении, а вовсе не распространение на «заявителя» статуса того участника, которым потенциально может стать «заявитель» в будущем. Фигура «заявитель о преступлении» привлекательна не только своей нейтральностью в отношении процессуальных функций, но еще и универсальностью, т. е. способностью объединить в себе все варианты возможных заявителей. В число потерпевших на момент подачи заявления о преступлении не

⁸ См.: Там же. С. 26.

⁹ См.: Олейник В. В. Участие потерпевшего в уголовном преследовании : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2020. С. 8.

¹⁰ См., например: Михайловская И. Б. Цели, функции и принципы уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). М., 2003. С. 27–42.

попадает автор явки с повинной, притом что заявителем о преступлении (в том числе и совершенном в соучастии с другими лицами) он бесспорно является. Кроме того, при попытке привязать статус «заявитель» к будущей стороне в процессе из числа потенциальных заявителей о преступлении категорически по умолчанию исключаются те лица, которые в будущем на статус стороны в данном уголовном деле не претендуют.

Последнее обстоятельство редко обсуждается в уголовно-процессуальной литературе, и вопрос о процессуальном статусе заявителя о преступлении традиционно привязывается к проблеме обеспечения доступа к правосудию именно лица, пострадавшего от преступления (здесь намеренно не употребляем термин «потерпевший»). На уровне общей теории права «информирование о совершенных правонарушениях» не без оснований признается правомерным и социально полезным видом человеческого поведения, в котором государство заинтересовано и которое, по логике, должно бы поощрять. Известно, что в отечественной правовой традиции препятствием для распространения этого вида позитивного поведения выступает «стереотип постыдности, аморальности», связывающий заявление о преступлении с доносительством, стукачеством¹¹. Но от этого значимость фигуры заявителя для уголовного процесса ничуть не уменьшается, скорее наоборот. В нашем контексте подчеркнем, что заявитель о преступлении – это совсем не обязательно потенциальный потерпевший. Он может быть и свидетелем по будущему уголовному делу, а может и вовсе никем не быть по нему. В последнем случае заявитель остается заинтересованным лицом, в отношении которого компетентные государственные органы несут процессуальные обязанности, поскольку никому не безразлична судьба собственного официально поданного заявления. Для людей, прямо не пострадавших от преступления, о котором они заявляют, это, очевидно, неординарный поступок, требующий гражданской позиции, а иногда и личного мужества. Было бы крайне несправедливым, приняв от такого человека заявление, даже не предложить ему реализовать какие-то права, обусловленные самим фактом инициации уголовно-процессуальной деятельности. «Низкий уровень правовой защиты лиц, информирующих о преступлении», «нереагирование уполномоченных должностных лиц на поступающую информацию о правонарушении» и «избыточное процедурное обременение» справедливо называются в числе факторов, снижающих эффективность информирования о правонарушениях, в том числе и о преступлениях¹². Все сказанное здесь имеет непосредственное отношение к предмету настоящего изложения. Не возьмем на себя смелость поддержать здесь настойчиво предлагаемые в литературе способы стимулирования (прежде всего, материального) деятельности граждан и юридических лиц по информированию правоохранительных органов о совершенных и готовящихся преступлениях¹³. Однако совершенно очевидным

---

¹¹ См.: *Нефедова К. А.* Информирование о правонарушениях как разновидность правовой активности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2020. С. 9–10.

¹² См.: Там же. С. 21–23.

¹³ См.: *Миллер В. Ю.* Оптимизация правовой организации стадии возбуждения уголовного дела : доктрина, практика, техника : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2019. С. 13, 18 ; *Нефедова К. А.* Указ. соч. С. 24.

представляется следующее: человек, решившийся обратиться к государству с заявлением о совершенном преступлении в отношении его самого или кого-либо другого либо даже им самим, не должен пожалеть об этом поступке с первых мгновений общения с должностными лицами, представляющими это государство.

Нормативная регламентация персонифицированных взаимоотношений заявителя о преступлении и должностных лиц, уполномоченных принимать такие заявления и давать им официальный ход, должна содержать в себе следующие составляющие:

1) обязанность уполномоченного субъекта официально принять заявление, документально оформив этот факт и выдав заявителю документ, подтверждающий принятие его заявления;

2) обязанность разъяснить заявителю его права, обусловленные самим фактом подачи заявления (получать информацию о ходе и результатах проверки заявления с предоставлением возможности лично участвовать в процессуальных действиях по этой проверке в той мере, в которой это затрагивает интересы самого заявителя, ходатайствовать о применении мер безопасности в отношении заявителя) и обязанности являться по вызовам органов расследования, не разглашать сведения, полученные в связи с проверкой его заявления, а также предупредить об уголовной ответственности за заведомо ложный донос. Факт разъяснения прав, обязанностей и предупреждения об уголовной ответственности фиксируется в протоколе о принятии заявления о преступлении;

3) обязанность рассмотреть ходатайство о применении мер безопасности в отношении заявителя о преступлении непосредственно при приеме заявления. Обеспечить применение этих мер при наличии к тому оснований;

4) обеспечить возможность реализации права на участие в процессуальных действиях, производимых в ходе проверки заявления о преступлении.

В наибольшей степени сказанное касается самого сложного процессуального действия не только из числа разрешенных законодателем в стадии возбуждения уголовного дела, но и вообще из всех процессуальных действий по проверке доказательств – назначения и производства экспертизы. Простого распространения на это процессуальное действие в стадии возбуждения уголовного дела всех правил главы 27 УПК РФ «Назначение судебной экспертизы» (о чем, к слову, в ст. 144 УПК прямо тоже не сказано) явно недостаточно. Все права участников процедур, связанных с назначением судебной экспертизы, предшествующих и сопровождающих ее производство, предусмотренные в ст. 195 и 198 УПК РФ, сориентированы на конкретный процессуальный статус участников этих процедур и дифференцированы в зависимости от него. Лишь следователь, выносящий постановление о назначении экспертизы, имеет собственный статус, который позволяет ему еще и присутствовать при производстве экспертизы (ст. 197 УПК РФ), а в ч. 1 ст. 144 УПК РФ право этого «присутствия» еще и специально превращено в право «участия». Разные положения УПК распространяют аналогичные права на всех властвующих субъектов, назначающих экспертизу (дознателя, орган дознания, руководителя следственного органа). При этом ни одна из уголовно-процессуальных норм

не позволяет определить лиц, «интересы которых затрагиваются назначением судебной экспертизы», кроме тех лиц, которых в экспертной практике называют «подэкспертными». Последних точно игнорировать невозможно, поскольку именно с ними производятся конкретные экспертные исследования. Всех остальных придется выявлять самостоятельно тому, кто назначает экспертизу. Выявить всех заинтересованных лиц на начальном этапе расследования весьма затруднительно, если не сказать невозможно. И совсем не важно, останется ли этот этап самостоятельной стадией возбуждения уголовного дела или станет началом «досудебного расследования», как у двух наших ближайших соседей по постсоветскому пространству, – информационная неопределенность будет характерна для него в любом варианте. Если же при назначении экспертизы их не выявить и не обеспечить реализацию их прав, то в ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ содержится довольно коварная «ловушка» – ходатайство о производстве дополнительной или повторной экспертизы, которое после возбуждения уголовного дела будет заявлено стороной защиты (подозреваемым, обвиняемым, подсудимым, их защитниками) или потерпевшим (а значит, и его представителем), подлежит обязательному удовлетворению. Коварство этого правила состоит в том, что каких-то иных оснований для назначения повторной или дополнительной экспертизы, которые довольно четко обозначены в законе (ст. 207 и ч. 4 ст. 283 УПК РФ), в данном случае как бы и не требуется. Таким образом, на момент назначения судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела тех участников, у которых чуть позднее возникнет право заявить обязательное для удовлетворения ходатайство, еще нет, обеспечить их права не представляется возможным именно по этой формальной причине.

Не лишне подчеркнуть, что эти права очень существенны – право заявлять отводы эксперту, ходатайствовать о поручении производства экспертизы конкретному лицу или экспертному учреждению, формулировать вопросы перед экспертом, представлять дополнительные объекты для экспертного исследования, наконец, присутствовать при производстве экспертных исследований и давать эксперту объяснения и т. д. Экспертиза, назначаемая на первоначальном этапе расследования (повторимся, как бы этот этап ни назывался), как правило, имеет ключевое значение для судьбы уголовного дела. Часто эти экспертные исследования позднее вообще нельзя повторить: например, когда при исследовании уничтожается подэкспертный объект либо этот объект уничтожается временем (исследованный ранее труп подвергается гнилостным изменениям или вовсе кремируется и т. п.). Участие в этой, а не более поздней экспертизе особенно важно для любого заинтересованного лица.

Единственное персонально и достоверно выявленное заинтересованное лицо в процедурах назначения экспертизы до возбуждения уголовного дела – это заявитель о преступлении, кем бы он ни стал впоследствии. Именно ему необходимо разъяснить его права при назначении экспертизы и обеспечить возможность реализации этих прав. Как правило, это лицо в будущем совпадет либо с потерпевшим, либо с подозреваемым или обвиняемым (в случае явки с повинной), хотя не исключены и другие варианты. Однако даже если уголовное дело не будет возбуждено или заявитель о преступлении не приобретет статуса стороны в возбужденном деле, ущерб от предоставления ему

предусмотренных в главе 27 УПК РФ прав будет меньшим, чем от более позднего появления действительно заинтересованного лица, которое своим ходатайством, обязательным для удовлетворения, придаст новой работы экспертам, а возможно, и перечеркнет результаты уже сделанной.

Подводя итог сказанному, перечислим нормы УПК РФ, в которых целесообразно сделать специальные указания на процессуальный статус заявителя о преступлении.

Полагаем, что краткосрочность и фрагментарность участия заявителя о преступлении в уголовно-процессуальных отношениях именно в этом качестве делает нецелесообразным выделение для обозначения его статуса специальной статьи УПК РФ. Все права, обязанности и ответственность заявителя о преступлении обусловлены подачей им заявления, поэтому и основы его процессуального статуса должны быть заложены именно в ст. 141 УПК РФ с обособлением специальной ч. 6.1:

«Заявитель о преступлении вправе:

а) ходатайствовать о предоставлении ему переводчика, если он не владеет языком уголовного судопроизводства в достаточной мере для подачи заявления о преступлении и понимания процессуальных и иных действий, производимых при этом с его участием;

б) ходатайствовать о применении в отношении его мер безопасности в соответствии с требованиями ч. 3 ст. 11 УПК РФ;

в) своевременно получать информацию о ходе и результатах проверки его заявления о преступлении, в том числе обо всех производимых в ходе этой проверки процессуальных действиях;

г) принимать участие в процессуальных действиях, производимых в порядке ст. 144 УПК РФ и затрагивающих интересы заявителя, пользуясь при этом правами, предусмотренными для подозреваемого, обвиняемого или потерпевшего.

Заявитель о преступлении обязан:

а) являться по вызовам органов предварительного расследования, проводящих проверку по его заявлению;

б) не разглашать сведения, ставшие ему известными в связи с подачей им заявления о преступлении и производимой по нему проверкой, о чем берется подписка.

Остальные права заявителя о преступлении и обязанности государственных органов по обеспечению их реализации можно оставить в имеющихся ст. 144 (ч. 4–6), 145 (ч. 2), 148 (ч. 4) УПК РФ.

Башкирский государственный университет

Тарасов А. А., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса

Bashkir State University

Tarasov A. A., Doctor of Legal Sciences, Professor,
Head of the Criminal Law and Process Department

E-mail: aatar@mail.ru

ПРИМЕНЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ФИКСАЦИИ ИНФОРМАЦИИ И БЕСПИЛОТНЫХ СИСТЕМ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ

Рассматривается возможность использования беспилотных летательных аппаратов для фотосъемки места происшествия. Приводятся результаты эксперимента по сравнению информативности ориентирующих и обзорных фотоснимков, выполненных человеком и БПЛА. Рассматривается возможность создания 3d моделей места происшествия на основе фотоснимков, полученных с помощью БПЛА, и использования технологии LIDAR. Сформулирована концепция дальнейших исследований по внедрению в уголовное судопроизводство современных технологий фиксации и обработки информации.

К л ю ч е в ы е с л о в а: криминалистическая техника, фотосъемка места происшествия, беспилотные летательные аппараты (БПЛА), осмотр места происшествия, протокол осмотра места происшествия, дорожно-транспортное происшествие, авиационное происшествие, авиационная катастрофа, железнодорожное происшествие, железнодорожная катастрофа, 3d модель места происшествия.

THE USE OF MODERN TECHNOLOGIES OF FIXATION OF INFORMATION AND UNMANNED SYSTEMS DURING INSPECTION OF A CRIME SCENE

The article deals with the possibility of using of unmanned aerial vehicles in order to take a photo of a crime scene. The results of the experiment to compare informative value of oriented and survey photographs made by a person and UAV are given. The author considers the possibility to create 3D models of a crime scene based on the photographs taken from UAV and using LIDAR. The paper contains the conception of the further research to introduce in criminal procedure modern technologies of information fixation and processing.

К е у w o r d s: forensic technology, crime scene photography, unmanned aerial vehicles (UAV), inspection of a crime scene, protocol of inspection of a crime scene, traffic accident, aviation accident, aviation catastrophe, train accident, train catastrophe, 3D model of a crime scene.

Поступила в редакцию 10 марта 2021 г.

В настоящее время в мире наблюдается взрывной рост в разработке и использовании беспилотных систем в различных отраслях хозяйства и в военном деле. Современные боевые действия уже не мыслимы без использования авиационных и наземных беспилотных систем. Беспилотные летательные аппараты (далее – БПЛА) активно используются не только военными, но и преступниками, например для перевозки запрещенных предметов.

БПЛА активно используются для аэрофотосъемки местности археологами и архитекторами, в том числе с последующей обработкой полученных изобра-

жений с целью создания ортофотопланов исследуемой местности¹, или 3d моделей обследуемых зданий и сооружений².

Вместе с тем использование БПЛА при расследовании преступлений имеет очень ограниченную практику, что, по мнению У. Н. Бегалиева, может быть связано с консервативным подходом к внедрению новых технических средств, дороговизной техники и ее обслуживания, необходимостью специальной подготовки операторов³.

Кроме того, по нашему мнению, при применении БПЛА при производстве следственных действий правоохранительные органы могут столкнуться с нормативными проблемами, обусловленными необходимостью регистрации БПЛА⁴ и получения разрешений на полеты в определенных условиях⁵. Однако данные нормативные проблемы могут быть легко решены внесением изменений в действующее законодательство, например посредством создания упрощенной процедуры уведомления о полетах при производстве следственных действий или вовсе ее отмены, с возложением на соответствующий орган ответственности за обеспечение безопасности полета.

Оценивая перспективу и возможности использования БПЛА при производстве следственных действий, авторы полагают, что их применение наиболее целесообразно при производстве осмотра места происшествия, особенно в случаях, когда осмотру подлежит значительная территория. Использование БПЛА при осмотре помещений малоэффективно, за исключением случаев, связанных с обнаружением взрывных устройств. Однако в этом случае необходимы сверхмалые, компактные БПЛА, и есть риск того, что сигналы, подаваемые при управлении БПЛА, могут привести к срабатыванию взрывных устройств с радиоуправляемыми взрывателями.

Полагаем, что самым эффективным является использование БПЛА для фотосъемки при осмотре на местах автотранспортных, железнодорожных и авиационных происшествий и катастроф. Это связано с тем, что подобные происшествия всегда происходят на открытой местности и имеют значительную площадь.

---

¹ См., например: Курков В. М., Скрыпицына Т. Н., Созонова А. Ю. Методы и технологии аэрофотосъемки и наземной фотограмметрической съемки при археологических изысканиях // Экология. Экономика. Информатика. Серия: Геоинформационные технологии и космический мониторинг. 2020. Т. 2, № 5. С. 75–82.

² См.: Литвинов Д. В. Современные методы аэрофотосъемки при архитектурно-планировочном анализе объектов культурного наследия // Градостроительство и архитектура. 2017. Т. 7, № 4 (29). С. 110–114.

³ См.: Бегалиев Е. Н. О перспективах применения беспилотных летательных аппаратов в ходе производства отдельных следственных действий // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2. С. 166.

⁴ См., например: Об утверждении Правил учета беспилотных гражданских воздушных судов с максимальной взлетной массой от 0,25 килограмма до 30 килограммов, ввезенных в Российскую Федерацию или произведенных в Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 25 мая 2019 г. № 658. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ См., например: Об утверждении Федеральных правил использования воздушного пространства Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 11 марта 2010 г. № 138 (в ред. от 13.06.2018). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Изучение возможностей применения БПЛА для фотосъемки места происшествия показывает, что даже простая фотосъемка, совершенная с помощью БПЛА, существенно повышает информативность полученных изображений. Так, в рамках проекта разработки программно-аппаратного комплекса «Автоматизированная система фиксации обстановки места транспортного происшествия» (далее – ПАК «Аист») проводилось сравнение информативности изображений, полученных в ходе обычной фотосъемки места происшествия с применением традиционных криминалистических приемов и полученных с использованием БПЛА. При проведении экспериментального осмотра использовались цифровая фотокамера Nikon CoolPix и квадрокоптер DJI Phantom 4 PRO с комплектной цифровой камерой.

Сравнения проводились в рамках ориентирующей и обзорной фотосъемок. Результаты представлены в приложении № 1. Необходимо отметить, что БПЛА имеет явное преимущество при производстве ориентирующей фотосъемки за счет его способности подняться на любую возможную высоту и выполнить фотосъемку сверху, с охватом значительного участка прилегающей к месту происшествия территории и практически всех возможных путей отхода и подхода. Применение БПЛА представляется также целесообразным при обзорной фотосъемке, которая может быть выполнена сверху, что позволит получить полное представление о месте происшествия и расположении ключевых объектов. Однако представляется правильным на данном этапе рекомендовать при применении БПЛА в обязательном порядке проводить стандартную ориентирующую и обзорную фотосъемку. Это связано с тем, что БПЛА не пригоден для производства узловой и детальной фотосъемки, которая в свою очередь должна быть связана как минимум с обзорной⁶.

Вместе с тем использование БПЛА и выполненных им фотоснимков в сочетании со стандартной криминалистической фотосъемкой места происшествия позволяют предположить возможность последующего создания двухмерных (2d) ортофотопланов и схем и трехмерных (3d) моделей места происшествия.

В рамках проведения нашего исследования была предпринята попытка создания трехмерной модели (3d) места происшествия на основании обработки фотоснимков, полученных БПЛА. К сожалению, на данном этапе развития цифровых фототехнологий и программного обеспечения результат оказался не пригодным для использования в уголовном процессе (приложение № 2).

В рамках проводимого эксперимента фотоплан не создавался, но в материалах, подготовленных Центром беспилотных систем Самарского университета, можно увидеть пример фотоплана, созданного в результате обработки фотоизображений, полученных с применением БПЛА (приложение № 3). Полагаем, что на данном этапе использование БПЛА для ориентирующей фотосъемки с последующим созданием ортофотоплана представляется перспективным.

Еще одним перспективным направлением для фотофиксации обстановки места происшествия следует признать использование технологии LIDAR (Light Detection and Ranging «обнаружение и определение дальности с помощью

---

⁶ См., например: Шапошников А. Ю. Практическая криминалистика : учеб. для вузов. Стандарт 3-го поколения. СПб., 2017. С. 42–87.

света»)⁷. Данная технология широко используется для дистанционного зондирования земли и атмосферных потоков. В настоящее время созданы портативные LIDAR камеры, в том числе для БПЛА. Однако до настоящего времени не было серьезных исследований для определения возможности использования подобных технологий для фотосъемки мест происшествия.

В целом полагаем, что в настоящее время уровень развития современных средств технической фиксации информации ставит перед юристами вопрос о необходимости пересмотра традиционного подхода к определению протоколирования как основного средства фиксации доказательств. Как уже неоднократно отмечалось нами, протокол следственного действия и осмотра места происшествия в частности по своей сути субъективен; в нем, как правило, отражается только то, что следователь посчитал необходимым⁸. Представляется перспективным перейти от протоколирования как основного и обязательного способа фиксации к созданию компьютерной 3d модели места происшествия.

Авторы исследования понимают, что данное предложение в настоящее время недостижимо. Необходимы обширные и разносторонние исследования в области использования современных технологий фиксации и обработки изображений для достижения целей и задач уголовного судопроизводства, разработка приемов их применения, программного обеспечения, гарантирующего точность и надежность обработки изображения, в том числе защиту от умышленных и неосторожных искажений. Полагаем, что именно в этом направлении и будут сосредоточены совместные исследования кафедры уголовного процесса и криминалистики и центра беспилотных систем Самарского университета.

⁷ URL: <https://gstroy.ru/article/lidar/> (дата обращения: 10.01.2021).

⁸ См., например: Шапошников А. Ю. Протокол следственного действия как зеркало отечественного уголовного процесса // Юрид. аналитический журнал. 2006. № 3.

Ориентирующая фотосъемка, два последовательных снимка
для изготовления панорамы (выполнено человеком)

Дополнительная ориентирующая фотосъемка с другой точки,
два последовательных снимка для изготовления панорамы

Дополнительный ориентирующий фотоснимок с другой точки

Обзорная фотосъемка – три снимка

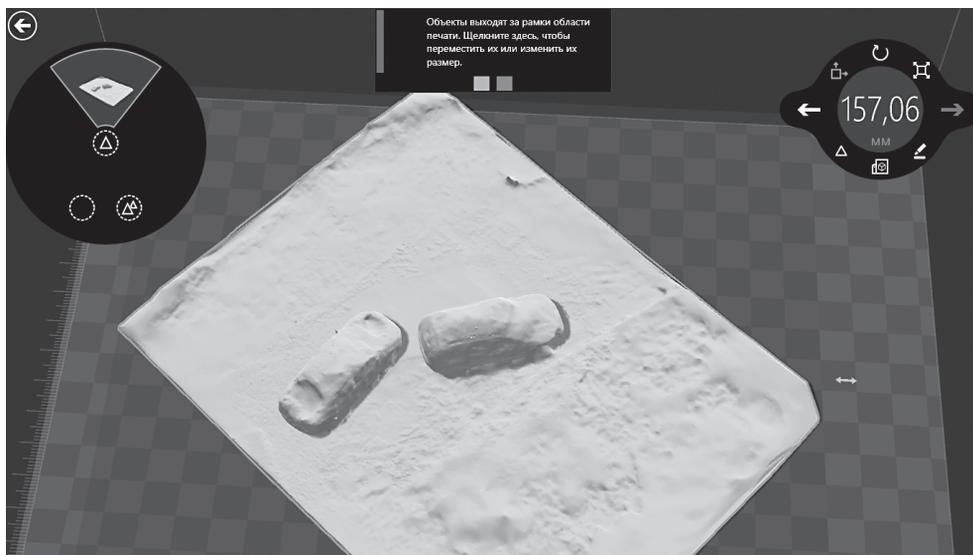
Фотосъемка, выполненная БПЛА DJI Phantom 4 PRO:
ориентирующая фотосъемка, вид сверху

Обзорная фотосъемка, вид сверху

Трехмерная модель, построенная по результатам фотосъемки

Пример более удачного эксперимента с созданием 3d модели

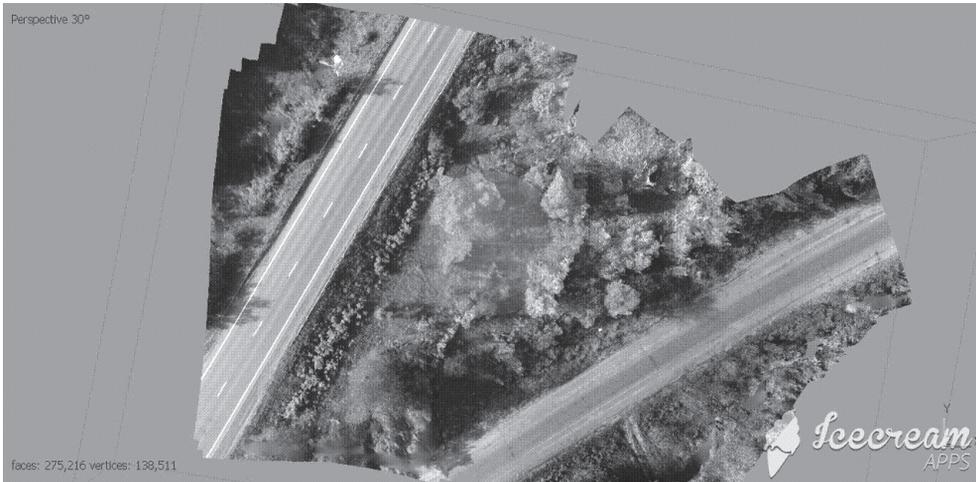

Пример создания фотопланов по фотоснимкам, выполненным БПЛА

Пример исходных фотоснимков, выполненных БПЛА

Фотоплан, созданный на основе фотоснимков (в данном случае изображения машин удалены, поскольку цель была в составлении плана местности, а не фиксации обстановки места происшествия)

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева*

Шапошников А. Ю., кандидат юридических наук, доцент кафедры
уголовного процесса и криминалистики

Овакимян Д. Н., директор центра беспилотных систем

Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev
Shaposhnikov A. Yu., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the
Criminal Process and Criminalistics Department
E-mail: shaposhnikoff@mail.ru

Ovakimian D. N., Head of the Unmanned Systems Center
E-mail: dd55@bk.ru

ВЛИЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВОВОГО МЕНТАЛИТЕТА НА РЕАЛИЗАЦИЮ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ

Рассматривается гуманизация уголовно-процессуальной деятельности как самостоятельное направление современной уголовно-процессуальной политики России. Автор отмечает, что непосредственное влияние на гуманизацию уголовно-процессуального законодательства оказывают существующие стандарты поведения членов семьи различных этнических групп, населяющих территорию Российской Федерации. С учетом этих обстоятельств развитие уголовного процесса должно происходить в направлении интеграции общечеловеческих ценностей в систему уголовно-процессуальных правоотношений.

К л ю ч е в ы е с л о в а: уголовное судопроизводство, уголовно-процессуальная политика, национальный правовой менталитет, международные стандарты правосудия, семья, национальный фактор.

INFLUENCE OF THE NATIONAL LEGAL MENTALITY ON THE CRIMINAL PROCEDURAL POLICY IN RUSSIA

The article considers the humanization of criminal procedural activity as an independent direction of the modern criminal procedural policy in Russia. The author believes that the behavior of the members of the family and clan have an impact on criminal procedural activity. The main direction of the development of the criminal process should be the integration of universal values into the system of criminal procedural legal relations.

К е у в о р д s: criminal justice, criminal procedure policy, national legal mentality, international standards of justice, family, national factor.

Поступила в редакцию 15 февраля 2021 г.

С конца XVIII – начала XIX в. модернизационные преобразования в развитых государствах подтолкнули законодателей к переосмыслению жестокости как механизма регулирования общественных отношений и способствовали распространению гуманистических воззрений.

Применительно к уголовной политике России это направление стало реализовываться позднее, чем в развитых правовых порядках, и проявилось в гуманизации системы воздействия на преступность¹. В уголовно-процессуальной политике России, которая в значительной мере остается частью общей уголовной политики, гуманизация стала ее самостоятельным направлением. Можно утверждать, что гуманизация уголовно-процессуального законодательства, наряду с повышением защищенности личности, соблюдением законности,

¹ См.: Макеева Н. В. Уголовная политика в условиях модернизационных и постмодернизационных процессов : сравнительно-правовой анализ // Lex Russica. 2016. № 7 (116). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-politika-v-usloviyah-modernizatsionnyh-i-postmodernizatsionnyh-protssosov-sravnitelno-pravovoy-analiz> (дата обращения: 07.01.2021).

дифференциацией уголовно-процессуальной формы, совершенствованием организации системы правоохранительных органов, оптимальным распределением процессуальных прав и обязанностей в системе правоохранительных органов², относится к основным направлениям уголовно-процессуальной политики XXI в.

Под гуманизацией уголовно-процессуальной политики России понимается ориентация уголовно-процессуальной деятельности на защиту прав и свобод человека³. О. В. Качалова отмечает, что при гуманизации реализуется мировоззренческий принцип, в основе которого лежат уважение к людям, признание человека высшей ценностью, обеспечение его прав и законных интересов. Гуманизм в уголовном процессе выступает как симбиоз норм Уголовно-процессуального кодекса РФ и общечеловеческих ценностей.

Постулирование сначала на Западе, а позднее и в России прав человека, закрепление их в Конституции РФ, тем не менее, не повлияло на их эффективную реализацию и соблюдение. Как представляется, у сложившейся ситуации сразу несколько причин. Советский законодатель не выделял и не защищал интересы личности как самостоятельную ценность. Интересы личности отождествлялись с интересами всего общества и государства. Переход от советской идеологии, господствующей многие десятилетия, дается современному российскому законодателю непросто.

Личные права и свободы индивида являются западными правовыми ценностями, поэтому в России, Украине, Белоруссии традиционно не признаются. Согласно западной идеологии сообщество равных в правах граждан (гражданское общество) может противостоять государству, защитив себя от всяческих проявлений с его стороны. В противовес этой традиции в России, Украине и Белоруссии всегда доминировали другие ценности. Институт семьи, общины являлись и являются гораздо более значимыми явлениями для нашего национального правового менталитета.

Конституционное закрепление прав человека абсолютно верно с гуманистической точки зрения, тем не менее в России данное правовое положение было отвергнуто национальным правовым менталитетом, под которым понимается совокупность относительно устойчивых правовых архетипов, взглядов, воззрений, которые определяют привычный, укоренившийся образ правовой действительности⁴.

Россия не является сугубо европейской страной, многие господствующие в России моральные установки до сих пор не соответствуют стандартам европейской культуры. На формирование российской правовой системы оказали непосредственное влияние христианство, ислам, мусульманское право. Российская культура исторически основывалась не на протестантском или като-

² См.: Шминке А. Д. Уголовно-процессуальная политика как системное образование // Вестник СГЮА. 2017. № 5 (118). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-protsessualnaya-politika-kak-sistemnoe-obrazovanie> (дата обращения: 07.01.2021).

³ См.: Качалова О. В. Гуманизация – основной вектор развития современного уголовно-судопроизводства // Рос. правосудие. 2014. № 11 (103). С. 54.

⁴ См.: Бойко Л. Н. Эффективность права под углом национального правового менталитета // Журнал рос. права. 2009. № 5 (149). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnost-prava-pod-uglom-natsionalnogo-pravovogo-mentaliteta> (дата обращения: 07.01.2021).

лическом, а в большей степени на православном мировоззрении, имеющем определенные особенности. Многие существующие в ней моральные нормы, которые играют значительную роль в жизни людей, и в настоящее время не соответствуют стандартам европейской культуры.

Как представляется, для эффективной гуманизации уголовно-процессуальной деятельности обязательному учету, в том числе и на законодательном уровне, подлежат особенности личной жизни человека. Действительно, в значительной степени эта сфера регулируется нормами морали и нравственности, однако отдельные сферы частной и семейной жизни человека непосредственно влияют на реализацию отдельных институтов уголовно-процессуальной деятельности и без их учета невозможно обойтись при расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел. Однако содержащиеся в УПК РФ средства, направленные на защиту интересов семьи, разобщены между собой либо призваны обеспечить реализацию чуждого для российского правового менталитета персонифицированного интереса личности.

Родственные, семейные, свойственные отношения представляют, по существу, основу психологического фундамента личности и потому служат условием формирования субъективных интересов любого человека. Особенно отчетливо это видно в институтах свидетельского иммунитета, отводов, процессуального принуждения, возмещения ущерба, реабилитации и некоторых других⁵. Как отмечает А. С. Дежнев, в семейных отношениях проблема места, занятого отдельным членом семьи, отходит на второй план. Человек, руководствуясь семейными целями и интересами, забывает о личных амбициях, стремясь поддержать доброжелательную обстановку в группе, семье, коллективе. Происходит отождествление личности с группой. Сформированные в семье нравственные установки оказывают существенное влияние на правовую позицию фактически любого участника уголовного процесса⁶.

Дополнительное влияние на гуманизацию уголовно-процессуального законодательства оказывают существующие стандарты поведения членов семьи и несовершеннолетних различных этнических групп, населяющих территорию Российской Федерации. Многонациональный характер нашего государства (в настоящее время на территории РФ проживает более 204 национальностей), представительство мигрантов, адвэналиев в структуре населения России отрицательно сказываются на состоянии преступности в стране и влекут за собой сложности при расследовании соответствующих уголовных дел. В настоящее время для уголовного процесса России не имеет значение классификация субъектов уголовного процесса на меньшинства по какому-либо признаку. Не ведется судебная и уголовная статистика в отношении национальных и иных меньшинств. Законодатель считает, что национальные признаки лица не влияют на реализацию уголовно-процессуальных норм, что, как представляется, не соответствует действительности⁷.

---

⁵ См.: Дежнев А. С. Защита интересов семьи и несовершеннолетних в уголовном процессе России. Омск, 2009. С. 54.

⁶ См.: Там же. С. 60.

⁷ См.: Смирнова И. Г., Фойгель Е. И. К вопросу о необходимости выделения категории адвэнальных участников российского уголовного судопроизводства : уголовно-процессуаль-

Как известно, право сформировалось существенно позже социальных норм, которые регулировали все складывающиеся в древних обществах отношения. После религиозных норм и норм морали в механизм регулирования общественных отношений вошел обычай кровной мести, который способствовал возникновению уголовно-правовых запретов (табу). Из табу позднее сформировалось обычное право Древней Руси⁸. Уголовно-процессуальное право России также безусловно восприняло накопленную национальную, бытовую, религиозную специфику регулируемых отношений.

Специфический образ жизни традиционных обществ отличается от привычного образа жизни в урбанизированных странах – они строго контролируют жизнь своих членов. Совершить преступление либо не дадут, либо за его совершение наказание станет неотвратимым и последует со стороны не только правоохранительных органов, но и социального окружения⁹.

Присутствие в отдельных регионах России национального фактора влияет на возможность осуществления справедливого правосудия, рассмотрения уголовного дела с участием присяжных заседателей, реализацию института отводов. Значимость семейных (клановых) связей, особый статус женщины в семье, другие национальные обычаи людей, населяющих территорию Северного Кавказа, не позволяют правоприменителям быть беспристрастными при принятии решений по делу. Родственные связи в диаспоре ускоряют обмен информацией, относящейся к тайне следствия, поддерживают криминальные, коррупционные связи, создают условия для оказания давления на участвующих в расследовании преступлений лиц, воздействия на обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела¹⁰.

Возникнув впервые несколько столетий назад, обычай кровной мести на территории Российской Федерации до сих пор не изжит. Существование родовой мести обусловлено чувством сильнейшей нравственной потери, восполнить которую практически невозможно. В основе компенсации за гибель близкого человека лежит принцип – кровь за кровь, он же играл и сдерживающую роль при решении конфликтных ситуаций. Как отмечают исследователи этой проблемы, у некоторых субэтносов цыган сохранился обычай кровной мести, также он характерен для многих народностей Северного Кавказа¹¹.

Как представляется, одной из причин, порождающих сложности в реализации конституционных прав и свобод граждан на Кавказе, является то об-

---

ный и криминалистический аспекты // Lex Russica. 2019. № 7 (152). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-neobhodimosti-vydeleniya-kategorii-advenalnyh-uchastnikov-rossiyskogo-ugolovnogogo-sudoproizvodstva-ugolovno> (дата обращения: 01.09.2020).

⁸ См.: Анощенкова С. В. Механизм легитимации норм морали (уголовно-правовой аспект) // Lex Russica. 2016. № 8 (117). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizm-legitimatcii-norm-morali-ugolovno-pravovoy-aspekt> (дата обращения: 07.01.2021).

⁹ См.: Полонский И. Этническая преступность – угроза национальной безопасности России и других стран. URL: <https://topwar.ru/66113-etnicheskaya-prestupnost-ugroza-nacionalnoy-bezopasnosti-rossii-i-drugih-stran.html> (дата обращения: 07.01.2021).

¹⁰ См.: Воткин В. А. Ситуационные особенности тактики разыскных и следственных действий, направленных на установление лиц, совершивших разбойное нападение на Северном Кавказе // Рос. следователь. 2017. № 8. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹¹ См.: Дежнев А. С. Указ. соч. С. 81.

стоятельство, что современное уголовно-процессуальное и уголовное законодательство нередко игнорирует обычаи российских народов и условия их проживания.

В соответствии со ст. 71 Конституции РФ уголовное и процессуальное законодательство находится в исключительном ведении Федерации, власти субъектов РФ лишены каких-либо полномочий в этой сфере. Такое разграничение полномочий между Федерацией и ее субъектами налагает на федеральные органы государственной власти обязанность учитывать в рамках уголовно-процессуальной политики все те особенности, которые существуют в каждом регионе, однако этого не происходит.

Как отмечается в литературе, еще в XIX в. законодатель уделял этому обстоятельству большое внимание¹². В Уставе об управлении инородцами 1822 г. предусматривался особый порядок расследования преступлений для кочующих «инородцев». При рассмотрении уголовных дел с участием таких лиц привлекались лица одной с ними национальности, а сами дела рассматривались с применением обычаев каждого племени. Заключение под стражу по таким делам было явлением исключительным и допускалось только по особо тяжким преступлениям. Позднее, уже в постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 14 октября 1927 г. «О выполнении судебных функций органами туземного управления народностей и племен северных окраин РСФСР», предписывалось рассматривать так называемые «туземные дела» при участии одного или двух заседателей туземцев из общего числа заседателей. Современный уголовно-процессуальный кодекс такие особенности для участия «национальных элементов» в уголовном процессе не содержит. В УПК РФ не реализован эффективный механизм продвижения запросов и предложений от граждан к законодателю¹³.

Важно отметить, что обычное право Северного Кавказа, претерпевшее с XIX в. изменения, но сохранившее свои основные положения и идеи в области уголовного судопроизводства весьма успешно решает проблему достижения понимаемой и, вследствие этого, разделяемой народностями Северного Кавказа цели. Эта цель жизненно необходима в силу ряда субъективных и объективных факторов именно в этой географической зоне¹⁴. Как представляется, такой целью стало сохранение и восстановление мира в общине.

В обычном праве Северного Кавказа наказание за деяние, считавшееся преступным, применялось только в целях восстановления внутри общества мира, нарушенного преступлением. Обычное исламское право и адаты как один из способов его выражения на Кавказе весьма последовательно проводили эту цель в жизнь. Даже если убийц было несколько, общество, ставя

---

¹² См.: *Кочетыгова Н.* При рассмотрении дел с участием коренных малочисленных народов необходимо привлечение специалиста-этнографа. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

¹³ См.: *Анощенкова С. В.* Указ. соч.

¹⁴ См.: *Попов А. П.* Институт наказания на Кавказе : традиционно-правовой и художественный дискурсы // Наука. Инновации. Технологии. 2006. № 44. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-nakazaniya-na-kavkaze-traditsionno-pravovoy-i-hudozhestvennyy-diskursy> (дата обращения: 07.01.2021).

границы кровной мести, признавало справедливым лишение кланом (тейпом и т. п.) пострадавшего только одной жизни из клана убийцы. Большинство адатов устанавливало, что в убийстве обвиняется только один человек. Привлечение к ответу за одно убийство соисполнителей, подстрекателей, пособников, организаторов умножало нарушение мира и, следовательно, не было целесообразным. Ярко цель привлечения к уголовной ответственности по обычному праву Северного Кавказа проявилась и в «особых поводах к возбуждению уголовного дела»¹⁵. Впоследствии мщение за раны и увечья к началу утверждения русской власти на Северном Кавказе было уже повсеместно вытеснено выплатой вознаграждения пострадавшему, что также соответствовало цели сохранения мира в общине. Как представляется, современное уголовно-процессуальное законодательство вообще не ставит перед собой решение этой задачи, тем самым не учитывает интересы определенных народностей и национальностей при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности.

Приведенные выше доводы подтверждают, что семейные отношения всегда имели исключительно важное значение в жизни людей, оказывая при этом влияние на порядок судопроизводства. Семейные, родственные отношения, отношения свойства определяют этически допустимые способы осуществления правосудия, игнорирование которых отрицательно воспринимается обществом и непосредственно влияет на эффективность правоприменения. В связи с этим новейшее уголовно-процессуальное законодательство еще в большей степени должно быть нацелено на учет семейных отношений как элемента гуманизации правовой деятельности государственных органов¹⁶.

Если в советское время многолетние теоретические дискуссии предшествовали крупным реформам уголовного процесса, обеспечивая их научной базой, то сегодня, напротив, научное обсуждение реформ чаще всего проводится либо уже в ходе законопроектных работ, либо даже после их проведения¹⁷. В связи с этим особую важность для преодоления обозначенных проблем приобретает подготовительный этап подготовки правовых актов в области уголовного судопроизводства.

Разработке нового закона должно предшествовать изучение исторического опыта разрешения данной социальной проблемы, должно быть проанализировано общественное мнение по поводу предлагаемого акта. Только после анализа правового акта на предмет совместимости с национальной правовой ментальностью рационально переходить к определению его формально-содержательной структуры. Механизм применения права на практике в таком случае значительно упрощается, так как оно в немалой степени соответствует самой практике. Право в данном случае будет обладать важнейшим качеством – быть важным и понятным людям. Безликих общественных отношений не бывает, поэтому целесообразно дополнять юридический фактор культур-

¹⁵ Попов А. П. Указ. соч.

¹⁶ См.: Дежнев А. С. Указ. соч.

¹⁷ См.: Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. 2-е изд., испр. М., 2017. URL: <https://be5.biz/pravo/u010/index.html> (дата обращения: 07.01.2021).

но-историческим фактором национального правового менталитета, который должен активно вовлекаться законодателем в сферу правотворчества¹⁸.

Именно поэтому дальнейшее развитие уголовного процесса видится в более глубокой интеграции общечеловеческих ценностей в систему уголовно-процессуальных правоотношений.

---

¹⁸ См.: Бойко Л. Н. Указ. соч.

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева*

Шестакова Л. А., кандидат юридических наук, доцент кафедры
уголовного процесса и криминалистики

Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev

Shestakova L. A., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the
Criminal Process and Criminalistics Department
E-mail: lyuboshestakova@yandex.ru

Бэнкси. «Полицейский, обыскивающий девочку».

ПОЛИЦЕЙСКИЕ ПРОВОКАЦИИ?!

5 октября 2018 г. все новостные агентства взорвались сообщениями о ЧП на аукционе Сотбис. После продажи картины «Девочка с воздушным шаром» за 1,4 миллиона долларов картина сомоуничтожилась – оказалось, что художник еще несколько лет назад построил в нее шредер, который активировал кто-то из присутствующих на торгах. Началось безумие: журналистское расследование, построение теорий, культурологические трактовки перформанса, обвинение в мошенничестве сотрудников аукционного дома и в итоге колоссальный скачок в цене изувеченной картины – «Девочка» мгновенно подорожала вполтину. А ведь по-другому быть и не могло, поскольку автором произведения был неуловимый король стрит-арта Бэнкси.

Бэнкси – самый узнаваемый художник в мире граффити, да и, пожалуй, современного искусства, о жизни которого практически ничего неизвестно. Он анонимен, а многочисленные попытки его разоблачения к успеху не привели. Предполагают, что он родился в 1970-х гг. в Бристоле, его настоящее имя тоже загадка – за раскрытие его имени на торгах eBay был предложен 1 миллион долларов, однако и этот лот в последний момент сняли с торгов. Да и что может изменить имя автора, если его работы уже успели стать бессмертными? Бэнкси – первый представитель уличного граффити, чьи произведения продают в аукционных домах с мировым именем, коллекционируют знаменитости и выставляют в ведущих музеях мира. В культурологии появился даже термин «феномен Бэнкси».

Уличное искусство Бэнкси впервые появилось в Бристоле и Лондоне в середине 1990-х гг. Однако он остался бы в числе вандалов, измалевывающих «лица» городов, если бы не его бьющий наповал, злобно-насмешливый, порой язвительно-политический и всегда отражающий дух времени стиль. Он прославился на весь мир благодаря своему уникальному «партизанскому» характеру трафаретных граффити, которые появлялись в самых разнообразных общественных местах – на зданиях в Лондоне, Нью Йорке, Новом Орлеане и даже на стене, разделяющей Израиль и Палестину.

И если до Бэнкси граффити считалось вандализмом, то благодаря ему появился новый

вид массового и доступного изобразительного искусства, со своим языком прямолинейных метафор, когда любой прохожий легко «считывает» суть, да еще успеваешь посмеяться над ироничным образом. Сам художник считает, что «граффити – это одно из немногих средств самовыражения, которое ты можешь себе позволить, даже если ты не имеешь ничего. И даже если ты не расправишься при помощи граффити с мировой нищетой, ты можешь заставить кого-то улыбаться, пока он мочится...». Так Бэнкси сотворил революцию и из изобретательного хулигана превратился в главного художника современности.

Бэнкси остро высмеивает пороки нашего времени, протестуя против догм и привычного уклада, заставляет задуматься о проблемах нашего мира. В своем творчестве он раскритиковал, кажется, все негативные стороны современного общества: потребительское рабство, кризис института семьи, безнаказанность правоохранителей, тотальную зависимость от гаджетов, ужасы войны и климатическую катастрофу.

Весомая часть его творчества посвящена критике полицейских и военных. Бэнкси говорит, что «самые чудовищные преступления на планете совершаются не теми людьми, кто восстает против правил, а теми, кто им следует. Именно они сбрасывают бомбы и вырезают деревья». Художник не очень любит полицейских, поскольку граффити считается вандализмом, а Бэнкси не раз становился объектом преследования. Поэтому у художника есть целая серия работ, высмеивающих сотрудников полиции. К их числу относится и «Полицейский, обыскивающий девочку».

Сюжет этого граффити понятен и отражает моральные принципы Бэнкси, осуждающего произвол полицейского государства. Контрасты очевидны: открытый школьный ранец, мягкая игрушка грустного мишки, легкое девичье платье не в силах убедить копа что перед ним всего лишь невинный ребенок, а не очередная «угроза» правопорядку. Общественные интересы законности уже давно переросли в ведомственные убеждения силовиков, а право на детство закреплено формальной полицейской процедурой. Вне здравого смысла, за гранью человечности... Мы перестали верить в доброту?